

ЭЛЕЙН ХО

БУРЯ
И ПЛАМЯ

фэнтези

МИО

Annotation

Ретеллинг «Красавицы и чудовища» с иллюстрациями в стиле мрачного романтизма и с элементами готики.

Эрис живет в городе, который медленно погибает. Люди вокруг верят в рассказы о таинственном чудовище, которое однажды испепелило всё с помощью магии и может снова уничтожить их город. И о двух королях, которые всех спасли. Поэтому магия считается чем-то ужасным.

Эрис решает бежать из ненавистного города и почти сразу же попадает в логово к таинственному человеку в плаще. Он живет отшельником и, как оказалось, владеет магией. По случайности Эрис убивает единственное близкое чудовищу существо... Тогда она заключает с чудовищем сделку, обещая научиться магии и восстановить умирающие земли. Постепенно они сближаются... И настанет день, когда ей придется выбрать: принять сторону воинственно настроенных горожан или того, чья боль и ярость может погубить их всех.

Для кого эта книга

Для любителей романтического фэнтези с закрученным сюжетом.

Публикуется впервые.

-
- [Элейн Хо](#)
 -
 -
 - [Мимесис](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)

- [Интерлюдия. Пламя, что слепит глаза](#)
- [Немесис](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
- [Интерлюдия. Слова, съевшие небо](#)
- [Катарсис](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
- [Интерлюдия. Нить, из которой соткана ложь](#)
- [Палингенез](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)

- [Глава сороковая](#)
 - [Интерлюдия. Плоть, что поет песнь смерти](#)
 -
 - [Глава сорок первая](#)
 - [Эпилог](#)
 -
 - [Над книгой работали](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Элейн Хо

Буря и пламя

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by permission of the Author and her literary agents, Triada US Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© 2023 by Elaine Ho

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Мимесис

Глава первая

Человек в сверкающих доспехах спрыгнул с лошади и развернул свиток. Его губы зашевелились, но издалека Эрис не было слышно слов. Она рассеянно била об пол пшеничный снопок, чтобы отделить зерна от стеблей, не сводя глаз с поникшего отца. Сестра не успела его подхватить – он упал на землю, закрыв лицо руками.

Эрис уронила снопок пшеницы. *Неужто опять?* Девочка побежала меж рядов иссохших колосьев, залитых утренним светом. Земля скрипела у нее под ногами. Заслышав шаги, Констанция, вторая ее сестра, обернулась и нахмурилась, но Эрис это не остановило. На сей раз сестрам ни за что ее не переубедить.

– Уходи, – сказала Констанция. – Тебе тут не место!

Эрис пропустила приказ мимо ушей.

– Он что, опять за налогом приехал?

Виктория закрыла Эрис дорогу.

– Мы отдадим вам, что есть, когда закончим веять ^[1] остальное, – пообещала она сборщику. – Дайте нам время.

Сборщик постучал по своему позолоченному шлему.

– Если каждому крестьянину давать отсрочку, я ничего не получу. Сегодня или никогда. – Он бросил свиток к ногам рыдающего отца.

– Джарус, сбор урожая только-только закончился, – сказала Виктория. – Все, что у нас есть, здесь...

– Да что вы? – Джарус хохотнул и кивнул на поникшие листья и растрескавшуюся зелень. – Что-то я не вижу золота. Ваш отец – вор, и вот ему наказание.

Эрис поднырнула под руку Виктории и бросилась вперед, а потом стукнула кулаком по броне сборщика. С таким же успехом можно

было бы ударить цветком по скале. Плечо тут же пронзила боль. Не успела Эрис занести кулак для нового удара, как старшая сестра оттащила ее назад. Силуэты Виктории и Констанции заслонили осеннее солнце.

– Прошу прощения, – сцепив руки, произнесла Констанция. – Она у нас еще маленькая – ей всего восемь – и мало что понимает.

Джарус взглянул на Эрис поверх ее сестер.

– Ты что, в тюрьму захотела, девчушка? Я надзирателя лично знаю.

Веснушчатое лицо Констанции омрачилось тревогой. «Скажи ему то, что он хочет услышать», – молил ее взгляд.

– Нет, – пробормотала девочка.

– Тогда думай в следующий раз, прежде чем замахиваться на того, кто наделен полномочиями! – Джарус потер то место, куда ударила Эрис. – Вмятина осталась. Прибавлю к вашему долгу еще пятьдесят керинов.

Эрис встала на цыпочки. Позолоченные доспехи сборщика налогов блеснули. Для битвы они вряд ли годились.

– Вы что, не слышали, что сказала Виви? Сколько раз повторять: у нас нет денег! – крикнула она из-за сестринских спин.

Виктория зажала девочке рот.

– Прошу, замолчи.

Сборщик сощурился.

– Нет, сотню.

Отец заплакал еще горше. Эрис, поняв, что это ее вина, перестала вырываться из рук Виктории.

Констанция опустила на колени и обняла отца за спину.

– Я очень сожалею, – сказала она Джарусу и склонилась так низко, что лоб коснулся земли. – Умоляю, пересмотрите свое решение.

– Ваш отец взял ссуду на фермерские расходы, а теперь не может платить. У каждого действия есть последствия, и нужно уметь их принимать. Я следую по пути королей стародавних времен. – Джарус грациозно закинул тяжелую ногу на седло, и его щеголеватые доспехи звякнули. – Через три дня эта земля перейдет в мое владение, – объявил он напоследок, прежде чем ускакать. – Будьте готовы.

Эрис открыла было рот, но Виктория сжала ей щеки.

– Мы же просили тебя уйти! – воскликнула Констанция, когда Джарус исчез вдаль. – Погляди, что ты натворила!

– Он назвал папу вором! – напомнила девочка, отпрянув от сестры.

– Какая же ты глупая! – осадил Виктория. – Какое нам дело до слов, если вся наша жизнь в его руках? Через три дня мы станем его рабами!

Констанция помогла отцу встать, и все семейство направилось к их домику из саманного кирпича^[2], спотыкаясь о пожухлые колосья.

– Мы и так отдаем ему весь свой заработок, и так будет до тех пор, пока мы не закроем долг полностью, – продолжала сестра. – А ты теперь его учетверила!

– Вот сама все и выплачу! – фыркнув, заявила девочка.

Виктория не обратила на ее слова никакого внимания – как, впрочем, и всегда – и побежала вперед.

– Надо уходить, – сказала она, нагнав Констанцию. – В Кешгиуме полно работы. Можем пойти в каменщики или грузчики...

– И жить на улице, как побирушки. Папа этого не вынесет, – возразила сестра.

– Там есть богадельня. Я разговаривала с доктором оттуда. Он нам поможет. – Виктория подняла сноп, который оставила Эрис, и ударила им об пол. Зерна взвились в воздух. – Давайте поработаем как следует в ближайшие два дня. Сколько зерна сможем повеять, все продадим на рынке и будем молить небеса о том, чтобы работа нашлась, пока не закончились деньги.

Эрис ее не слушала. Она смотрела за покосившуюся дверь отцовской хижины, на редкие пни, отделявшие лес у кромки полей от длинного горного хребта, протянувшегося за ним.

* * *

– Это моя последняя ночь здесь, – шепнула Эрис горному подножию.

Здесь, у горного хребта, никогда не стихал ветер. Девочка часто сидела у подножия после долгого трудового дня в поле, наслаждаясь его прохладой.

Ей нравился запах тополей, который так отчетливо чувствовался ночами, нравились густые ароматы леса, от которых совсем не сохло горло. Лесные жители пели мелодично, но невпопад: какая-то птичка,

тоже страдавшая от бессонницы, чирикала среди деревьев, перебивая сверчков, которые и сами стрекотали вовсе не в унисон с шелестом ветвей. Здесь царила суматоха, но Эрис это нравилось. Соседи-фермеры как-то рассказали ей, что в чаще орудует дух Твари, который охотится за всеми непрошеными гостями и нашептывает им в уши ложь, как и много столетий назад. Соседи твердили ей, что не стоит одной тут разгуливать, но отец ей этого не запрещал, даруя дочери полную свободу.

Когда-то они вдвоем играли в прятки в этом лесу. Отец, рослый, загорелый, в длинной пожелтелой рубашке, округлял глаза в деланом изумлении, когда Эрис хватала его, спрятавшегося за чересчур тонким стволом, за ногу, обутую в сандалию. Чем старше становилась дочка, тем лучше он прятался, но со временем перестал показывать зубы, когда улыбался. А однажды и вовсе перестал с ней играть. Эрис легко это пережила: все-таки прятки – забава для малышей, а ей уже целых восемь, но, всякий раз гуляя по лесу, она нет-нет да и заглядывала за деревья в надежде, что он по-прежнему ведет с ней затейливую игру.

Эрис ориентировалась по небу – по Полярной звезде и ближайшим к ней созвездиям. Отыскать солнце днем было нетрудно, но жара изматывала, особенно в посевную, да и Виктория устроила бы ей взбучку за то, что та отлынивает от работы. Так что она любила гулять ночами, особенно при полной луне. И дело не в том, что лунное сияние указывало дорогу – ее Эрис могла найти и тогда, когда на небе видны только звезды, – просто ей нравилось, как призрачный, голубоватый свет пробивается сквозь листву и окутывает лес.

Больше всего она любила одно местечко у ручья, который бежал вдоль горного хребта. И сегодня, сбросив сандалии, она ступила на влажную землю. Следы тут же заполнила прохладная вода. Боль в ногах сразу стихла. Эрис пошевелила пальцами. От каждого движения холмики грязи то поднимались, то рассыпались. Именно здесь всего несколько месяцев назад она услышала свист и смутную, незнакомую песню.

Уняв тяжесть в ногах, девочка направилась к скалистому подножию горы. Когда-то она верила, что слышит, как поет волшебница, владычица леса, но, к своему разочарованию, обнаружила, что это завывает ветер, проносящийся мимо камней.

Эрис представляла, что звук исходит от существа, заточенного в них, – это оно поет и может общаться с миром лишь так.

В отличие от остальных певцов леса, ветер своей песни никогда не менял, он либо глухо гудел, либо выл – в зависимости от того, холодной ли выдалась ночь. Сегодня же было так тихо, что Эрис слышала собственный шепот.

Девочка взяла камень и кинула его на землю.

– Не понимаю, почему мы ничего оставить себе не можем, это же наш урожай! – Эрис швырнула камень еще раз, а потом еще, и чем яростнее кидала, тем стремительнее затихали лесные голоса. – Ерунда какая-то. Если нам самим нечего есть, разве мы сможем растить пшеницу, чтобы выручить для него деньги?

Теперь лесную тишь тревожил лишь монотонный ветер. Эрис пришла сюда по одной-единственной причине и никак не отваживалась про нее рассказать. Она вцепилась в каменистый склон, сдавив пальцами мох.

– Я спросила у Стаци, далеко ли город, и она сказала, что да.

Зрение у девочки помутилось, по лицу заструились слезы. Только здесь и можно было покричать, повопить и поплакать вдоволь. Лес не возражал, в отличие от Виктории, которую так легко было вывести из себя.

Говорить сквозь слезы было нелегко. Дыхание то и дело сбивалось.

– Я... не хочу уходить.

Признание наконец слетело с ее губ, уступив место протяжному плачу. Он вырвался из горла, заглушая вой ветра и песнь леса. Девочка впиалась пальцами в землю и корни и сжала кулак.

Сегодня ветер ответил ей. Когда она притихла на мгновение, чтобы перевести дух, раздался громкий и отчетливый треск.

* * *

Деревья закачались, а земля задрожала. По горе, от подножия вверх, побежала трещина, и с каждым мигмом она становилась все шире, казалось, еще минута – и гора рассыплется на куски. Эрис с трудом поднялась, но тут же упала. Затрещали ветви, посыпались щепки и камни. Увесистый булыжник едва не задел руку. Девочка отскочила,

на четвереньках поползла к ближайшему дереву и вцепилась в ствол. Листва шелестела, а голые ветки иступленно трещали в такт стихии.

Неведомая сила потянула ее за спину и руки и оттащила от дерева. А потом сверху навалилась какая-то тяжесть.

Мне конец.

Землетрясение вдруг прекратилось – так же внезапно, как началось. В ушах у Эрис громко и оглушительно зазвенело.

Хватит, хватит, хватит...

– Тсс... Это я, – сквозь шум прорвался хриплый голос человека, привыкшего к сухому воздуху бесплодных полей, и, хотя слух у Эрис притупился, она узнала его.

Эрис сделала вдох. Сжала губы. Шум в ушах пропал – оказалось, ее глушили собственные крики.

Тяжесть, пригвоздившая ее, пошла на убыль, и кто-то начал стряхивать камешки и грязь с ее рубашки. Девочка прищурилась, рассматривая мужской силуэт, проступивший в темноте. Следом ее обняли шершавые, мозолистые руки. Над землей взвилась пыль, и сквозь эту дымку девочка отчаянно пыталась разглядеть на небе звезды.

– Папа! – изумленно прошептала Эрис.

– Слава королям, ты жива, – прижимая ее к груди, сказал он. – Не поранилась?

– Нет, я цела. – Девочка уткнулась лицом в его грубую пеньковую^[3] рубашку. Руки ее дрожали под действием незнакомой

сладостной силы, дыхание сбилось, мышцы сковало. Чувства вспыхнули в ней, точно огонь, эйфория рекой разлилась по телу. Девочка с удивлением заметила, что улыбается.

– Я видел, как ты выходишь из дома, – сказал отец. – Подумал, что ты решила сбежать.

– Я хотела попрощаться с лесом, – ответила девочка. – Прости, что ударила сборщика.

– Пятьдесят керинов, сто – какая разница? Нам все равно платить нечем, – покачав головой, сказал отец. Его голос дрогнул, и он крепче прижал дочурку к себе. – Мне так жаль. Не стоило взваливать это на вас со Стаци и Виви... Мои долги – мое и только мое бремя.

Эрис прильнула к отцу.

– Нет! – воскликнула она. – Я помогу тебе. Ты не один. Я с тобой.

Отец вытер лицо рукавом.

– Твоя правда, – проговорил он, скрыв за улыбкой слезы. – Пойдем домой. Только подождем, пока снова выглянут звезды.

Они уселись на землю и, взявшись за руки, стали ждать, пока облако пыли и грязи осядет. Тишину то и дело нарушал отцовский кашель. И вот черная дымка рассеялась. В расселине, разделившей горный склон надвое, сгущалась непроглядная тьма. Ветер уже не насвистывал еле слышно, а порывисто выл в узкой пещере. Теплый воздух просочился Эрис в рот. На самом деле трещина была не такой уж и широкой – туда бы протиснулся только один человек, – но довольно глубокой.

Отец с дочкой приблизились к пещере. Эрис прижалась к подножию, выскользнув из-под защиты отцовской руки, и вытянула шею. В лунном свете поблескивала вода, а поодаль темнели какие-то смутные и неровные очертания. *Что это, флотилия? Или, может, деревня?* Отголоски землетрясения еще пульсировали у Эрис в венах. Она нырнула под отцовскую ладонь и подобралась еще ближе к трещине.

– Что там? – любопытствовала она.

Отец обхватил ее за пояс и поднял.

– Ну уж нет, нам пора, – прижав к груди дочурку, напомнил он. – Твои сестры не на шутку разволнуются. Пришло время отправиться в Кешгиум. – Он отвернулся от горы и стал искать взглядом Полярную звезду.

Они двинулись в сторону дома, и вскоре трещина уже слилась с ночной теменью. Эрис все щурилась, всматриваясь в даль, пока листья тополя не заслонили гору.

На миг ей показалось, что и отец разок обернулся.

Глава вторая

Вместо того чтобы, повинувшись приказу командира, маршировать дальше, «смотреть только вперед и не отвлекаться!», Эрис уселась на лавочку.

Весь день она собирала налоги в Верхнем квартале Кешгиума, а теперь должна была отправиться в Нижний, но от мысли о сборе денег у беженцев, лишенных крова над головой, во рту разлилась горечь. Да и снаряжение усложняло задачу. От длинных перчаток чесались руки, кожаная броня так стиснула грудь, что было трудно дышать, а тяжелые мешочки, набитые монетами и висевшие у нее на поясе, тянули к земле. Мало того, приходилось таскать с собой громоздкую и ненужную алебарду, да и после преодоления семисот из девятисот двадцати трех ступенек, ведущих от Верхнего квартала к Храму, дыхание у Эрис сбилось.

Вдоль ступенек стояли известняковые лавочки для тех, кто захочет передохнуть по пути. Как правило, на них усаживались старики в тяжелых и пышных одеяниях из шелка и золота либо те, у кого было вдоволь времени. Эрис ни под одно из этих описаний не подходила. Прислонив алебарду к стене, она упала на лавочку, жадно вдыхая пыльный, сухой воздух.

В этом городе, который куда больше походил на пустыню, не было ни дерева, ни зелени, ни цветочка. Кешгиум и окружавшие его поля пришли в упадок за десять лет, пролетевших с тех пор, как Эрис с семьей сбежали с фермы. Смотреть на иссушенные, опустевшие земли не было нужды – толпы разоренных фермеров, томящихся у городских ворот, говорили сами за себя.

Здесь же не происходило ничего. Беженцам запрещалось покидать Нижний квартал. За этим зорко следили два отряда стражников, приставленных ко входу.

Раздался вечерний звон колокола, и обитатели Верхнего квартала заспешили вниз по лестнице – ужинать. У Эрис оставался всего час на доставку собранного налога, чтобы Виктория не прознала об опоздании. Но девушка наслаждалась мгновениями тишины. Она закрыла глаза, воскрешая в памяти зеленый лесной мох, трещину в горе, тень, возвышавшуюся вдали.

– *Вор!* – крикнул кто-то.

Тощая фигура – не человек, а сущий скелет! – спешила вверх по ступенькам. Алые руки сжимали ношу, еще сильнее перепачканную кровью. Эрис с трудом поднялась на ноги и ухитрилась толкнуть вора плечом, несмотря на свое скованное положение.

Человек оказался даже легче, чем она думала. От удара его отбросило назад. Эрис попыталась было схватить его за руку, но та была скользкой от крови, и незнакомец упал на белые известняковые ступеньки Храма, оставив на них алые полосы.

Гадая, чья это кровь – вора или, может, еще кого-нибудь, – Эрис неуклюже поспешила следом. Мешочки с золотом позвякивали на каждом шагу.

– Вы ранены? – спросила она, приближаясь к незнакомцу. Теперь стало проще рассмотреть, что же он держит в руках. Желтый жир, кусочки розовато-серой плоти, позвонки, сухожилия. Шмат сырого мяса – вероятнее всего, баранины, – причем далеко не лучший.

К ужасу Эрис, человек жадно откусил кусок.

– Стойте... – потрясенно сказала она, но тут на лестнице показался еще один человек с длинной палкой. Он проворно подбежал к упавшему и принялся его бить.

– Вор, вор, вор! – приговаривал человек с палкой между ударами. Упавший же, казалось, не замечал боли. Все его внимание было занято поеданием мяса, которое он держал в руках.

Эрис ловко перехватила палку.

– Перестаньте.

Напавший обернулся, метя свободной ладонью в щеку Эрис. Девушка вовремя пригнулась и ловким движением выхватила

из ботинка кинжал, а потом резко приставила его к шее мужчины с палкой.

– Держите себя в руках, – велела она, стараясь говорить тем самым бесцветным голосом, который еще несколько лет назад отточила Виктория.

Человек задержал взгляд на эмблеме Вечного древа, выбитой на броне Эрис, и тут же отпрянул и выпустил палку.

– Прошу прощения, стражница! Я Тассус, мясник из Нижнего квартала. Вы, должно быть, слышали обо мне. Я поставляю в Храм немало...

С губ Эрис едва не сорвался громкий вздох. Стражницей она не была – просто служила в гвардейской пехоте, – но исправлять мясника не было нужды. Девушка присела, спрятала кинжал в ботинок и обратилась к незнакомцу с окровавленными руками.

– Сэр, как ваше имя?

Тот моргнул и проглотил еще один кусок сырого мяса.

– М... Мэтью.

– Плевать, как его зовут! – воскликнул Тассус. Зеваки, идущие мимо, стали сбавлять шаг и вытягивать шеи, чтобы получше разглядеть, что же происходит. Они жадно ловили каждое слово. Тассус заговорил еще громче ради пущего эффекта: – Он украл у меня баранину! Порцию, которую я выделил для своей семьи...

– Пощадите, – взмолился Мэтью. – Я не ел двенадцать дней.

– А мое какое дело? – спросил Тассус и еще сильнее разъярился. – Я же и сам беженец с погибших полей. Моим овцам нечего есть – и мне тоже. Но *я же* до воровства не опустился! – Он повернулся к Эрис: – Стражница, арестуйте его!

Плечи Мэтью поникли. Он встал на колени перед Эрис, схватившись за сидящие волосы.

– У меня не было выбора, – прошептал он. Под тонкой, как бумага, кожей на спине дыбились позвонки.

Выглядит точь-в-точь как отец когда-то.

Эрис сжала руку Мэтью и подняла его на ноги.

– Пойдемте со мной, – велела она и потянула его за собой, вниз по ступенькам.

– Стражница, – глупо улыбувшись, подал голос Тассус, – при всем уважении: Храм наверху, а не у подножия лестницы!

– Поглядите на него. Подъема по лестнице он не переживет, а тащить на себе труп я не собираюсь. Мы отведем его в Храм вместе с другими стражниками. Довольны?

– А что насчет компенсации?

Эрис кивнула на обглоданный скелет в руках Мэтью.

– Хотите забрать?

Тассус поморщился.

– Нет.

– Что ж, тогда считайте за убыток, – подытожила девушка, таща за собой Мэтью мимо толпы зевак. – Вероятно, в будущем стоит повнимательнее приглядывать за товаром.

Она повела Мэтью по посыпанным гравием улочкам Среднего квартала, мимо домов из камня и дерева. На нижних этажах располагались магазинчики – торговцы шумно зазывали покупателей, нахваливая свои изделия из шелка и посуду из обожженной глины. Зажиточных торговцев легко можно было определить по белой известняковой краске, которой были покрыты сделанные на заказ двери. На этом блестящем фоне выделялись профили двух королей, выведенные красным. И пускай владельцы этих магазинчиков жили богаче других, нанять постоянную прислугу им было не на что, поэтому двери потемнели от грязи и пыли, но все же не перестали быть статусным символом.

Чем ближе они подбирались к Нижнему кварталу, тем непригляднее становились улицы. Магазинчики тут были ветхими и держались только благодаря бечевке и строительным лесам. Между ними едва можно было протиснуться. Исхудавшие овцы плелись на бойню, подгоняемые мясниками, – из-за этой процессии проходим приходилось плестись чуть ли не с черепашьей скоростью. Эрис лавировала меж пустых корзин, которые впору бы было наполнить специями и сушеной рыбой. В воздухе висел удушливый запах масла и дыма. Девушка зажала нос ладонью.

По дороге Мэтью не упирался – точно заранее смирился со своей судьбой узника. Эрис мысленно возблагодарила двух королей. Начни он противиться, она бы, чего доброго, случайно сломала ему кости.

Она завела его в укромный уголок по соседству с западными воротами в город. Здесь было просторно – уместились бы трое, – и она прекрасно его знала: тут Эрис порой дремала, если во время дежурства

толком ничего не происходило, иногда – с любовником или даже с двумя.

– Кем вы были до того, как это все началось? – спросила девушка, обернувшись, чтобы удостовериться, что никто их не подслушивает.

Мэтью рассеянно уставился на нее. Эрис разглядела его увечья: гнойные раны на шее, длинные алые рубцы на руках. Следы побоев уже начали проступать.

– Хозяином конюшни, – ответил он, устало кивнув куда-то за городские стены. – Мы сеяли, сеяли, а урожая не было. Вот лошади и умерли. Мы их съели. А потом явились сборщики. Я пришел сюда год назад, но куда там. Сейчас нас здесь пруд пруди.

Если ему не помочь, он умрет. Внезапная мысль заставила Эрис схватиться за мешочек, висящий у нее на поясе.

– Держите, пригодится, – сказала она и достала из мешочка кожаный кошелек размером с кулак. Один из аристократов Верхнего квартала швырнул ей этот кошелек, когда Эрис пришла за деньгами, и она непременно лишилась бы зубов, если бы не проворные рефлексy. Теперь же деньги лежали на ладони Мэтью. Пересчитывать монеты не хотелось. Они все ему понадобятся.

– Ступайте поешьте как следует. В богадельне вам обработают раны, но там сейчас все под завязку, так что придется немного потерпеть. Если вас начнет рвать, поищите Констанцию. Она поможет.

Мэтью взвесил кошелек на ладони. Монеты в нем звякнули.

– Да здесь не только на обед хватит, стражница.

– Я не стражница. Зовите меня Эрис. И тратьте деньги с умом.

На его удивленные глаза навернулись слезы, а губы тронула улыбка. Он с такой силой сжал кожаный мешочек, что костяшки побелели. Потом схватил руку Эрис и поцеловал ее.

– Спасибо, – прошептал он.

Эрис покачала головой и отстранилась.

– Надеюсь, это поможет вам продержаться какое-то время, – проговорила она. – Если будет на то воля двух королей, наградят они нас щедрым урожаем в грядущий год.

– Да хранят вас два короля, – сказал Мэтью. – Клянусь их именем, что никогда не забуду вашу доброту.

– Лучше поклянитесь больше не есть сырого мяса, – со слабой улыбкой попросила Эрис.

Едва Мэтью скрылся в узких улочках квартала, сверху вдруг посыпались камешки, забарабанив по броне Эрис. Она вскинула голову и увидела за стайкой жаворонков ребенка, который тут же кинулся бежать со всех ног.

Внутри все сжалось. Да, Виктория не раз говорила, что у нее «глаза повсюду», но Эрис и не подозревала, что среди доносчиков есть дети.

Она выбралась из своего укрытия, прячась за тележкой, груженной корзинами с сушеной рыбой. У западных ворот столпилось несчетное множество фермеров, ищущих убежища. Огромные двойные двери охранял отряд стражников, а рядом стоял деревянный стол, за которым восседал чиновник. Фермеры теснили стражей безуспешно, но упрямо, а те отгоняли беженцев копьями, оплетенными кожей, и мечами, спрятанными в ножны. Такие вот толпы стояли у ворот, сколько Эрис себя помнила, – ее семья тоже была в числе беженцев десять лет назад, и с тех пор правители города палец о палец не ударили, чтобы исправить их бедственное положение. Виктория и сама уже напрочь позабыла страх остаться без крова над головой в пучине города, который ее никогда и не манил.

Виктория... Может, лучше рассказать, что она отдала Мэтью деньги, пока сестра сама не прознала об этом, но стоило Эрис даже допустить такое в мыслях, она невольно сбавила шаг.

Эрис пробежалась пальцами по фреске, написанной на воротах, украшенных кованым железом. Рассматривать ее во всех деталях было куда интереснее, чем думать о сестре. Получеловек-полукозел, или, как его называли, Тварь, стоял на коленях посреди кровавого моря и смотрел на двух королей стародавних времен, Саулоса и Ананоса. Из пасти Твари торчали откушенные конечности, глаза с мольбой смотрели на правителей из-под нависших век. Короли же выставили ладони вперед, точно намеревались сказать «нет». За чудовищем и трупами раскинулись поля, объятые огнем. На правой створке были изображены высокие дома и Храм, источавший свет.

Девушка поморщилась. *Кажется, сегодня я в роли Твари. Все пути ведут к моей гибели.*

Алебарда ждала на том месте, где Эрис ее оставила. Жаль, что никто ее не украл – не пришлось бы тащить эту тяжесть вверх по ступенькам. Мешочек на поясе позвякивал уже тише. Девушка

поднималась по ступенькам, а мимо проносились прихрамовые конторы – горы, возвышавшиеся по бокам от лестницы, пестрели рядами окон и колоннами, выбитыми прямо в камне.

От приступа страха по рукам побежали мурашки. Нет, все-таки идея дурацкая. Рассказав Виктории о случившемся, можно только приблизить наказание. Девушка развернулась и пошла к баракам. *Еще денек.* Кара подождет до завтра.

Пехотинцы собрались посреди тренировочного поля – они снимали броню, обнажая длинные рубашки. Эрис бегло кивнула им и направилась в сторону порядочно отесанного каменного обрубка в самом конце поля. Когда-то это была высокая колонна, поддерживавшая храм, но за долгие годы ударов тупыми мечами она превратилась в тонкий столбик для отработки приемов.

Они с Констанцией часто устраивали тут поединки. Сестра предпочитала рапиру – тонкий, изящный меч, как нельзя лучше подходивший для ее любимых дальних атак. Эрис же орудовала кинжалом – проворным, очень «личным» оружием. Констанция постоянно побеждала, но проигрыш ни на что не влиял. Куда важнее то, что поединки со старшей сестрой были столь изнурительными, что Эрис, пускай и на краткий миг, ощущала в теле тот же трепет, как и во время землетрясения десять лет назад.

Вот только теперь Констанция жила иной жизнью. Жизнью *«чертовски хорошего врача»*, как говорил про нее супруг. И все же сестра была почти так же ловка в бою, как местные мужчины, когда для этого находилось время. Правда, нехватка регулярных тренировок не дала Констанции развить проворство и меткость, но она довольствовалась тем, что есть.

А я вот стала злодеем, которого так страшилась в детстве, с горечью подумала Эрис.

Статуи короля Саулоса и короля Ананоса возвышались над тренировочным полем, приветствуя солнце, клонящееся к закату. Солдаты рычали в унисон, отрабатывая атаки. Они двигались слаженно, как один. Эрис выхватила из ботинка свой кинжал – стилет вдвое длиннее ладони с латунной гардой, эфесом и рукоятью из ясеня, отделанной змеиной кожей. Девушка ударила лезвием по столбу – мгновением позже, чем рыкнули другие пехотинцы. Ей хотелось выбиться из докучливого ритма, звучавшего у нее в ушах.

Но тут в окне одной из контор, выбитом в известняке над полем, появилось красно-белое платье Виктории. Даже издали Эрис разглядела поджатые губы и вздернутый нос сестры.

Та обо всем уже знала.

* * *

Эрис поплелась по тропе к Храму. Она пересекла прихрамовую площадь и нырнула в маленькую арку. Подобно Вечному дереву с его стройным стволом и бесчисленными корнями, дороги, расходящиеся в разные стороны от главных ворот, ветвились, и чем дальше они длились, тем сильнее сужались. Если верить священникам, короли желали, чтобы тропы в Административном квартале были как можно уже, дабы чиновники не слонялись по ним без дела, а сосредоточились на работе. Но город рос, а вместе с ним и количество служащих, и главная особенность квартала стала доставлять чересчур много неудобств. Особенно тропы были загружены вечерами: священники с чиновниками толпились на них, надеясь подписать указы до окончания дня. Эрис с трудом протиснулась у самого краешка арки.

Мимо прошла группка священников в золотисто-белом облачении, подчеркнута не замечая толпу. В руках одного из служителей была миска с маслом, а у другого – древесная кора. Третий нес раскрытую книгу и произносил текст, но при этом смотрел прямо перед собой. Глаза у Эрис заслезились от терпкого запаха благовоний.

– «...И два короля молниеносно победили Тварь, не прибегая к магии. Да будет благословен меч, который рассек его тело, и посох, что вернул заблудших слуг к свету. Мудрые короли узрели, что магия Твари порочна и разрушительна, и уничтожили это знание во веки веков...»

Эрис проникла в коридор вместе с толпой. Сердце забилось чаще. Стены потихоньку сужались, и на ее ладонях выступил липкий пот. *Ты не задохнешься, ты не умрешь*, твердила она себе шепотом. Быстро приподняв ногу, Эрис провела пальцами по кожаной подошве и нащупала кинжал. Дыхание стало ровнее.

Возле искусно украшенных дверей приемной Виктории столпились чиновники. Двери были забраны кованой узорчатой

решеткой, увешанной множеством фальшивых замков, но эта хитроумная конструкция редко использовалась: Виктория никогда не покидала этого места. Страж, поставленный у входа, записывал на длинном свитке имена, которые ему выкрикивали посетители. Эрис не успела рта раскрыть, чтобы сообщить о своем появлении, как он поманил ее к себе.

– Вас ждут, – объявил он.

Эрис нервно сцепила руки. Она надеялась, что ее имя окажется в самом конце списка и что короли смилостивятся над ней и вовсе избавят сегодня от встречи с Викторией. Страж отступил, пропуская девушку в приемную, а потом к нему снова хлынула толпа.

В нос тут же ударили благовония, и девушка поморщилась. Сосуды с ними были расставлены по всей комнате. На столах из орехового дерева высились кипы пергаментных листов, свитков, потертых красных печатей, а вот мраморный стол Виктории был идеально убран. За спиной у сестры стояли три пустых трона – на случай, если явятся советники, управлявшие городом, вот только Эрис ни разу их тут не видела. Человек повеликодушнее сказал бы, что советники заняты другими делами где-то на территории Храма, но девушка их оправдывать не собиралась.

К ее радости, рядом с Викторией стояла Констанция. Она прижимала к столу развернутый свиток. Взгляды сестер встретились, и Констанция улыбнулась Эрис. В уголках ее глаз проступили тонкие морщинки – напоминание о долгих трудах в поле.

Виктория не глядя обмакнула перо в чернильницу – расстояние между той и рукой, которой она писала, было тщательно выверено. Потом сестра достала печать, окунула в сосуд с алой краской, оставила оттиск на бумаге и вернула печать в коробочку.

– Доверюсь твоему мнению, – сказала Виктория Констанции, – но только если ты в нем тверда.

– Я сама его обучу. Он не опасен.

– Иначе – смерть. Соглашусь, что это будет ощутимая потеря. Все-таки мы не короли стародавних времен.

На Виктории был треугольный головной убор, отороченный пышным муслином, скрывавшим черные волосы. Шелковое платье было отделано мехом, плечи прикрывали рукава с прорезями, в которые проглядывал слой красной ткани. Поверх платья был надет кожаный

табард^[4] с золотисто-белым изображением королевского символа – Вечного древа. Эрис направилась к сестрам, перебирая перепачканными ботинками по каменному полу.

– Смотри, кто пришел, – шепнула Констанция. – Давайте поговорим с глазу на глаз. Надо ей рассказать...

Виктория вскинула взгляд.

– Я дала тебе шанс, – отчеканила она, глядя на Эрис и пропустив мимо ушей предложение сестры. – Велела собрать налог с жителей Нижнего квартала. Что может быть проще?

Эрис стиснула зубы, чтобы только не сказать лишнего. Будь все так просто, Виктория и сама бы управилась. А между тем речь шла о людях, а не о бездушных источниках удобств, и Виктория, по сути, забирала у них пищу, пряча это за красивыми речами. Эрис сделала глубокий вдох. Если верить Констанции, дыхательные упражнения часто могут выручить, но что-то они ни разу не затыкали Викторию.

– Ну будет тебе, Виктория, – вмешалась Констанция. – Ты ведь поручила ей ровно то, что нас разорило десять лет назад. Это мучительная работа.

– И необходимая. Я бы еще простила ее за неспособность собрать...

– «Неспособность» – грубовато сказано.

– Ладно. Не собрать налоги – это еще полбеды. Но раздавать городские деньги...

Констанция повернулась к Эрис:

– Я знаю, почему ты так поступила, но теперь надо спокойно донести это до Виктории.

– Причины меня не интересуют, – отрезала Виктория. – Город на грани восстания. Убытки нужно возместить...

– *Виви*, – с нотками раздражения в голосе перебила ее Констанция. – Логика – это не панацея. Выслушай ее.

Но не успела Эрис и рта раскрыть, как кто-то окликнул Констанцию, заглушив на миг гам в коридоре. На пороге появился человек в окровавленном фартуке и с красными руками.

– Меня ваш муж послал, – запыхавшись, сообщил он. – Вы нам нужны!

Констанция быстро поджала губы, но все же закончила свою мысль:

– Виктория, нельзя взимать налоги с тех, у кого ничего нет. Но и раздавать чужие деньги неправильно, Эрис.

– Подумаешь, несколько керинов. Город от этого не обеднеет! – возразила Эрис. – Не могла же я...

– *Стаци!* – нетерпеливо позвал человек с окровавленными руками. Констанция сдвинула брови. На ее лице проступила тень вины.

– Мне придется...

– Ничего страшного. Иди. – Эрис сглотнула. Увы, разочарование, пригвоздившее ее тяжелым камнем, от этого не улетучилось. – Я справлюсь сама.

Не успела Констанция выйти из приемной, как Виктория продолжила свою тираду.

– Ты как-то сказала, что служба в пехоте тебе не по нраву. А я тогда ответила, что новичкам всегда нелегко и надо сперва потрудиться ради будущих наград. И все равно возложила на тебя серьезную ответственность. Теперь понимаю, что сильно поспешила...

– Да с него взять было нечего! – вспылила Эрис, забыв о совете Констанции сохранять спокойствие. – Ты сама-то давно была в полях? Там живет все хуже и хуже. Людям есть нечего. А мне теперь приходится из них налоги выбивать. А ведь и с нами так было! Что, не помнишь уже? А он так похож на...

– На кону сейчас заботы гораздо важнее одного-единственного бедняка, умирающего от голода, – отмахнулась Виктория. – Нам нужны деньги, чтобы платить стражам за их работу. Кешгиум в смертельной опасности. Вообрази, что на нас снова напала Тварь, как некогда на королей стародавних времен!

– Беженцы не угроза, – возразила Эрис. – Ты платишь горожанам за то, чтобы они их прогоняли. Обрекаешь их на гибель под палящим солнцем, а ведь мы сами чудом ее избежали почти десять лет назад.

– Мы не можем допустить, чтобы город наводнили новые толпы. У нас нет на это ресурсов. Богадельня Стаци и Сиваса уже по швам трещит...

– Тогда давайте построим новые богадельни вместо того, чтобы платить охране.

– Ты еще совсем ребенок, – сказала на это Виктория. – И ничего не смыслишь в управлении. Богадельни на пустом месте не строятся.

Ее снисходительный тон лишь распалил Эрис.

– Сидишь тут взаперти со своими абстрактными идеями, а сама ведь и знать не знаешь, что вижу я...

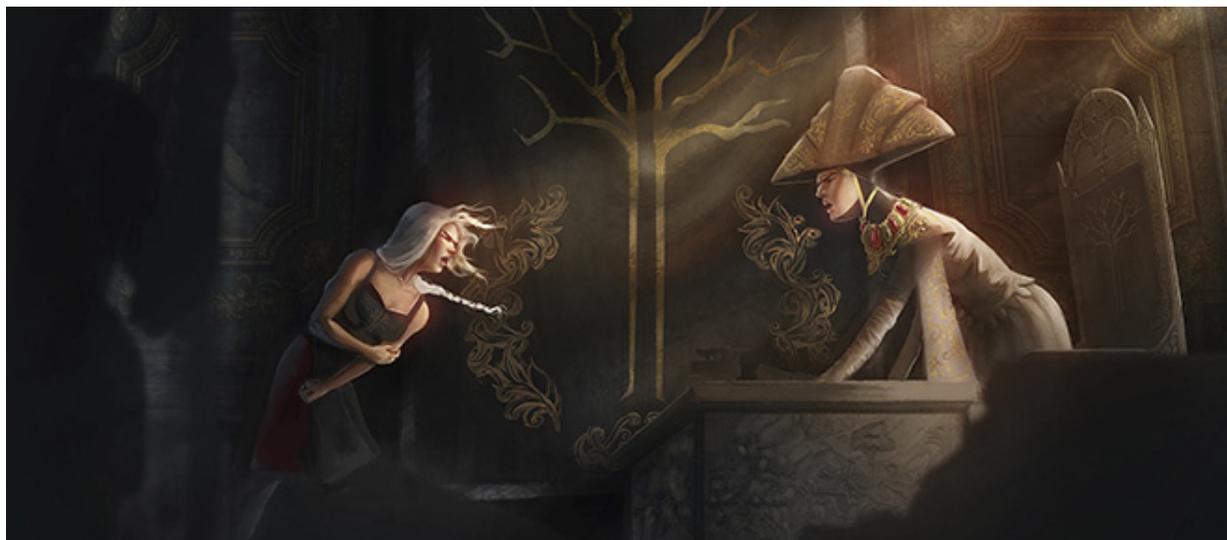
– Тебе нужно кое-что понять об устройстве мира. – Ледяной голос Виктории рассек смутный шум, доносившийся из коридора. – Вот уже третий десяток лет нет урожая. С каждым днем сюда прибывает больше людей, а пищи, которую мы сюда ввозим, на всех не хватит. Если впустить слишком много беженцев, весь город начнет голодать. Народ гневается, и этот гнев надо сдерживать, пока не найдем решение. Поэтому нам и нужны налоги, которые ты не смогла собрать. Вместо этого ты спасла одного-единственного человека, отдав ему жалованье двадцати других. Разве это справедливый обмен?

– Будь он нашим отцом, ты все равно бросила бы его умирать, – горько произнесла Эрис, с усмешкой взглянув на платье сестры. –

Конечно, ты же теперь Вторая. Совсем позабыла, как и почему мы тут оказались, – отчеканила она, и ее голос эхом отразился от каменных стен. – Восседаешь в своем мраморном дворце, где тебя все обхаживают. Тебе ведь и дела нет до королей.

– Я прощу тебе эти слова, – непривычно ровным тоном проговорила Виктория. – Остановись, пока еще не поздно.

– Выслушиваешь всякие слезливые истории, чтобы только выслужиться, – продолжала Эрис, – а это ничем не лучше лжи.

Стул Виктории скрипнул по полу. В приемной воцарилась тишина. Эрис сжала кулаки и заставила себя посмотреть в холодные глаза сестры. Комната угрожающе нависла над девушкой. Плечи сковало напряжение, а ум отчаянно пытался высвободиться из-под гнета стен и толпы, теснившей ее сзади. Она чувствовала, как пощипывает от пота трещинки на ладонях, и чем сильнее сжималось пространство вокруг, тем быстрее иссякала ее бунтарская решимость.

Эрис опустила голову.

Виктория села. Стражи заметно расслабились, их броня скрипнула. Чиновники по-прежнему толпились у дверей, размахивая пергаментными листами.

– Завтра вернешься в Нижний квартал и соберешь все, что нам причитается, включая сумму, которую сегодня отдала, – отчеканила Виктория. – Уж что-нибудь у них да найдется. Как и у нас когда-то. Свободна.

Глава третья

Эрис шла через широкую улицу, ведущую к богадельне. Ботинки тонули в рвоте и экскрементах. Несколько смельчаков построили домики из саманного кирпича на топкой грязи, но большинство сторонилось богадельни.

Девушка нырнула в скрипучие двери. В нос тут же ударил тяжелый запах спиртного и имбиря. Больные лежали на койках по трое. Недомогания у пациентов были самые разные: к примеру, один был весь в муслиновых повязках, а другой свернулся на краешке кровати и сплевывал рвоту в ночной горшок. В воздухе не стихали стоны и кашель.

Из-за перегородки доносились глухие крики и звон инструментов, но поверх этого шума слышался мягкий голос Констанции.

– Потерпите еще немного, – просила она. – Скоро все это закончится.

«Вечно они забирают у меня Стаци», – с горечью подумала Эрис. Но тут же опомнилась и вонзила ноготь в висок. Жаль, что нельзя выдрать эти эгоистичные мысли из головы и позабыть их. Она взяла пузырек с папиным лекарством, громко поблагодарила пустую комнату и направилась домой.

Стоило Эрис увидеть исполинскую стену из известняка, которой была обнесена вилла Виктории, и сожаления снова затуманили ей голову. Ну почему она не привела Мэтью домой и не отдала ему свое жалованье вместо денег из городской казны? Он же никуда не спешил – и она тоже. Великие короли, ну почему она не дождалась, пока Виктория дочитает свои нотации, а решила препираться с одной из самых влиятельных жительниц города, да еще на глазах у всех?

Эрис закричала и закрыла лицо руками. В этот миг она ненавидела себя за то, что так и осталась тем же вспыльчивым, нетерпеливым ребенком, каким была десять лет назад. Она ни капельки не изменилась. Сестры вот достигли огромных успехов в новой жизни, а Эрис так и застряла в утомительной роли служительницы гвардии, которую ей навязали Виктория с Констанцией. Собирать налоги с людей, оказавшихся в том же положении, что и их семья когда-то, слоняться с алебардой, которой она толком и не владела, – таков был ее удел. Констанция говорила, что однажды Эрис найдет свою дорогу, но ей самой казалось, что до этого так же далеко, как до коронации. Она была никем и *ничем*.

Горло стиснул спазм, а известняковая стена расплылась перед глазами. Девушка бросилась бежать – быстро, быстро, лишь бы поскорее скрыться за этими белыми пятнами. Рядом уже не было леса, который прежде выслушивал ее плач, оставалось лишь прятаться у дома Виктории, пока сестра отсутствовала, – вдали от чужих вздохов и неискренних постукиваний по спине. Эрис уселась на мозаику, которой был украшен двор перед домом, и уткнулась в кожаные поножи^[5], пряча слезы.

Неподалеку слышались отцовские шаги. Они приближались. Девушка утерла нос и глаза кончиком рубашки, но было уже слишком поздно. Отец стоял у порога, опираясь на трость, и встревоженно хмурился. В уголках его глаз залегли морщинки.

– Все хорошо, – заверила его Эрис. Голос прозвучал куда гнусавее, чем ей самой бы хотелось.

Отец натянул улыбку.

– Хочу тебе кое-что показать. Это точно поднимет тебе настроение.

Отец повел Эрис на задворки, и она так и ахнула. У дома пышным цветом цвели розы. Их стебли нарушали симметричную мозаику, украшавшую двор. Они пробивались сквозь землю, оставляя в ней тонкие трещинки, и ползли вверх по известняковой стене, разбавляя коричневатое-белое море изумрудными и алыми мазками.

– Только раскрылись, – сообщил отец. – А я уже и забыл, что сажал их.

– Где ты их взял? – спросила девушка, вытирая слезы. Она подошла к одной и погладила бархатистый лепесток, зажав его

меж указательным и большим пальцами. – Годы ведь неурожайные, и вырастить что-то в наших краях почти невозможно.

– Это из старых запасов.

Эрис нахмурилась.

– Ты же не сбегал из дома за черенками? Виктория и Стаци будут вне себя, если узнают, что ты выходил один.

Уголки отцовских губ дрогнули в улыбке.

– Тогда ты им скажешь, что в городе меня не видела, правда же? – Он обнял дочку и прижал к себе, а потом поцеловал в лоб. – Я думал, они тебе понравятся.

– Еще как! Такие красивые! – воскликнула Эрис, прильнув к отцу в ответ.

– Я приберег семена, – сказал отец. – Когда мы только прибыли в город и тут еще не было никаких мозаик, я успел разбить небольшой садик. Выращивать розы – непростое дело, и я уже думал, что они вовсе не появятся, но... – Отец закашлялся и достал платок. На белом хлопке проступили алые капли. Между приступами отец сделал несколько судорожных вдохов.

– Стаци сказала, что для тебя сделали лекарство получше. – Эрис обняла отца за пояс и повела обратно в дом. – Тебе надо отдохнуть.

– Только не надо укладывать меня в постель, – заворчал он. – Дай мне на улице побыть, насладиться видом!

– Шея будет болеть, если уснешь в кресле, – напомнила девушка. – Лучше окошко тебе открою.

– Помнишь, как... как мы ходили в деревню? – Отец снова закашлялся и тяжело опустился на кровать.

Эрис кивнула и откупорила бутылочку с сиропом от кашля, которую принесла с собой.

– Открой рот, – попросила она и влила лекарство.

От противного вкуса отца передернуло.

– Виви вечно ходила за мной хвостиком, спрашивала, что ей дальше делать. Стаци шла напрямиком в святилище читать книгу о королях. А ты... ты была настоящей исследовательницей. Так и норовила улизнуть, но мы... мы вовремя тебя ловили, а иначе ты бы бог весть как далеко убежала! – Он усмехнулся и устроился поудобнее. – Когда тебе было... лет пять или шесть, ты все-таки

потерялась. Я тебя, наверное, целый час искал, а ты все это время сидела одна-одинешенька у старого пня, плакала и звала меня. Помнишь?

Рассказ всколыхнул смутные воспоминания.

– В детстве я была такой плаксой, – проговорила Эрис. – Да ей и остаюсь.

– Я понял, что твои побегии не прекратятся. И научил тебя ориентироваться по солнцу и звездам. – Отец крепче сжал руку Эрис. Взгляд Виктории был холодным и пронзительным, у отца же за десятилетия тяжелых трудов в поле он успел помутиться. – Ты же можешь отсюда сбежать, так почему все еще здесь?

Эрис вздрогнула.

– Ну... я... – Девушка скользнула по комнате рассеянным взглядом, подыскивая ответ. – Я ведь вас всех люблю! Да и ты болеешь. Я не могу сейчас уйти.

– В тебе течет моя кровь. Я умею ориентироваться, этому меня научил отец, – произнес он. – Мы, видать, из семьи рыбаков, которым пришлось навсегда сойти на берег, когда шторма стали мешать промыслу. Может, мы чересчур часто теряли курс в море. – Отец рассмеялся, а после закашлялся. – Моя кровиночка, моя радость. Я ведь, как и ты, любил исследовать лес, топтать грязь у ручейков. Постоянно сбегал, а отец ловил меня и давал подзатыльники. Только меня это не останавливало...

– Но потом ведь перестал?

Отец кивнул.

– Когда отец постарел – подай, пожалуйста, вон ту подушку, – я перестал убегать. Мне пришлось работать, чтобы кормить его. А потом и вас, моих дочурок.

– Можно вернуться вместе, – предложила Эрис, – когда ты поправишься. Переберемся домой ради воспоминаний.

– О, это было бы чудесно. Дом, леса, в которых мы играли... – Отец погладил младшую дочь по голове. – Я уже и забыл, каково это – быть свободным.

Эрис сосредоточенно катала в пальцах пустой пузырек. А ведь совсем недавно отец мог подхватить ее, даже не охнув. И ему нисколько не помешало бы то, что дочка тут же начала бы молотить его по груди маленькими ножками и плакать, отказываясь идти домой.

В ответ на все ее крики он сказал бы только: «Да, знаю». А теперь этот самый нестигаемый человек лежал перед ней, тощий как скелет, и каждый вздох давался ему с трудом, будто на грудь кто-то взвалил огромный камень.

До чего тяжело ей было смотреть, как старость потихоньку превращает ее отца в младенца.

Она быстро-быстро заморгала, чтобы на глаза не навернулись слезы. Все заволочла темнота – свет просто не успевал просочиться под веки. Пузырек выпал из рук.

– Я же вижу, что ты тут несчастна, – сонным голосом пробормотал отец.

– Никуда я отсюда не денусь, пока ты в таком состоянии, – возразила девушка. – Кто о тебе позаботится? У Стаци – Сивас и богадельня. Виктории не дождешься дома. – Эрис поджала губы, чтобы не сказать лишнего.

Но не получилось.

– В ту ночь, когда ты пропал, мы страшно испугались – думали, ты уже не вернешься, – выпалила она.

Отец слабо коснулся ее руки.

– Простите меня.

– Ты же побывал по ту сторону трещины в горе, правда? – шепотом спросила она, снова не сдержавшись. Черный силуэт, глядящий на нее из разлома, не покидал ее снов. – Что ты там видел?

Ответа Эрис так и не дождалась. Отец закрыл глаза, а кожа на его шее, между ключицами, стала приподниматься и опускаться в такт поверхностному дыханию. Эрис встала – осторожно, чтобы только не скрипнула кровать, – вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и поднялась по лестнице, выложенной кафелем, на верхний этаж виллы.

Здесь было что-то вроде чулана, где хранились ведра, тряпки, инструменты, но Эрис решила поселиться именно тут. Разрыв ногой хлам и сдвинув его к стене, девушка добралась до кровати. Виктории не нравилось, что все эти инструменты хранятся в доме – она говорила, что с ними комната похожа на бедняцкую хибару, а вот Эрис хотелось окружить себя ими. Все эти «уродливые предметы» помогали держать дом в чистоте, пусть даже Виктория и предпочитала делать вид, что их не существует. Комната полностью устраивала Эрис –

главное, что там можно было открывать окно и смотреть на крошечный кусочек неба.

Девушка устроилась на соломенном тюфяке так, чтобы небо и сейчас было видно. Если сощуриться посильнее, получалось даже различить на нем Полярную звезду. Эрис достала из ботинка кинжал, отделанный змеиной кожей, и принялась вертеть его в пальцах, вперив взгляд в потолок, пока ум не затуманился сном.

В ту ночь ей приснился тополежник – только шире и выше, чем тот, где она играла в детстве. И Эрис снова побывала у трещины в горе, где высилась остроконечная черная тень. Сегодня та принадлежала старинному кораблю, который потерпел крушение и прибил к берегу. Эрис взшла на его борт. Деревянная палуба скрипела у нее под ногами, пока она искала по ящикам дневник судового экипажа и грезил о сундуках, в разверстых пастьях которых мерцает золото и серебро. Влажный морской туман охлаждал лицо. Свесившись с поломанной кормы, она выкрикивала мудреные моряцкие термины.

Десять лет она ждала того дня, когда сможет разгадать тайну тени. И твердо решила, что получит ответ завтра.

Глава четвертая

Эрис присела на своем тюфяке, объятая смятением и тревогой.

– *Нам здесь не рады,* – произнес мальчишеский голос.

– *Только и слышу, что твое нытье, и в кого у тебя только такой голос визгливый?..* – сердито парировал другой, девичий. – *Уж лучше бы ты у него помощи так же громко попросил.*

– *Он нас не слышит. Придется тебе напрячь все силы.*

Девочка что-то недовольно проворчала, а потом ее заглушил грохот ломающегося камня.

В комнате было еще темно: Эрис проснулась слишком рано. Голоса затихли. Наверное, это отголоски сна, подумала девушка, пожав плечами. Бледные лучи пробивались сквозь закрытые окна ее чердака.

Эрис нахмурилась. Прежде она окон никогда не закрывала.

Священники делали ежедневный утренний обход. Их приглушенные голоса просачивались в комнату.

– Тварь лжива, будьте осторожны, не слушайте то, что она нашептывает...

Девушка скользнула взглядом по своим доспехам и простонала. Приказ Виктории еще предстояло выполнить. Она судорожно думала, как выкрутиться, чтобы не пришлось забирать деньги у Мэтью. Украсть у кого-то? Она маленькая, так что сможет незаметно шмыгнуть в толпу. Правда, ее могут узнать – за время службы в пехоте она не раз общалась с горожанами, но ведь город такой большой! Впрочем, искусству карманников ее никто не обучал, и, где найти учителя, она не представляла. Если Виктория узнает, что сестра занялась воровством... Эрис содрогнулась от одной мысли об этом, натягивая броню.

Оконное стекло было завешено толстой черной паутиной. Эрис осторожно толкнула его, но тщетно – тогда она еще несколько раз повторила попытку с крепнущей настойчивостью. Наконец паутина с треском порвалась, а окно открылось. Перед глазами девушки раскинулось темно-зеленое море.

Розовый сад захватил весь дом, устлал заднюю стену ковром из пышных фиолетовых, красных, розовых и белых бутонов. Некоторые цветы раскрылись так широко, что было видно пестики, а некоторые – размером с небольшой кочан капусты – плотно сомкнули десятки лепестков. Взгляд Эрис привлек ярко-желтый островок треугольных цветов с алыми сердцевинками. Она полной грудью вдохнула свежий, сладкий аромат, сменивший запах масла и сандаловых благовоний, успевший порядком ей надоест за последние годы.

Эрис свесила ноги в окно и принялась ими болтать, жадно разглядывая сад. Наверняка это добрый знак. Может, если отцу и впрямь станет лучше, они снова побывают у той горы, заглянут в расщелину, и все ее вопросы отпадут сами собой.

Она бросилась вниз по лестнице и выскочила во двор. Розовые стебли, пробившиеся сквозь мозаику, сместили некоторые камни, и теперь они вздымались и теснили друг дружку. У стены сновала стайка шмелей – они искали те розы, что были поплотнее и раскрылись шире всего, чтобы напиться нектара. Эрис присела на корточки, чтобы лучше их рассмотреть, и улыбнулась, наблюдая за тем, как они перебирают пестики маленькими лапками.

Уступив более плоские цветки шмелям, Эрис отправилась искать тот, который понравился бы отцу. Ее выбор пал на крупную алую розу без шипов, проросшую сквозь мозаику. Стоило к ней прикоснуться, и лепестки раскрылись еще сильнее, обнажив зеленоватую сердцевину.

Вертя короткий стебелек в пальцах и напевая себе под нос, девушка поспешила к отцу в спальню.

– Розы сегодня просто загляденье! – воскликнула она, распахнув дверь, и переступила порог. – Если и дальше будут так быстро расти, придется самой за ними ухаживать!

Отец лежал с закрытыми глазами. Его смуглая кожа приобрела синеватый оттенок.

– Пап? – Эрис положила цветок в изножье кровати. Рука отца лежала на том же месте, что и накануне вечером.

Ужас пронзил ее.

Впадинка между ключицами уже не содрогалась от дыхания.

* * *

Эрис вместе с толпой вошла в мавзолей, и у нее снова екнуло сердце. Она прошла мимо покрывшихся пылью гробов, простоявших тут долгие годы. Платить за похороны не пришлось, а все благодаря высокому положению Виктории. Каменный гроб был накрыт белым и золотым шелком с вышитым Вечным деревом. Шестеро силачей взвалили его на плечи и медленно понесли вниз по лестничному лабиринту в покои, где было приготовлено место для их отца.

Виктория сменила белое платье на темно-серое – в городе именно этот цвет был символом траура. Констанция последовала ее примеру, правда, ее наряд не был столь же пышным. Она попыталась спрятать густые золотисто-каштановые волосы под вуалью, но тонкие прядки торчали из-под нее, точно гусиные перья из-под наволочки. Эрис же остановила выбор на тунике, прикрепив на грудь брошь с изображением Вечного древа. Короли считали, что облик человека должен отражать его скорбь, да и момент для щегольства был самый что ни на есть неподходящий.

Однако священникам это не помешало принарядиться. Их одеяния тоже были серыми, но при этом шелковыми и отороченными мехом. На них висели гроздь золотых и серебряных украшений с камнями – одно дороже другого. Виктория взмахнула сосудом с горящими благовониями. Под разрезами на ее рукавах проступила бордовая ткань.

– Мы предаем земле еще одного из нас, – начал священник. – Нашего собрата пятидесяти лет по имени Аврелиус. Да прославится его имя в новом мире, где правят два великих короля. Молим о том, чтобы они показали ему свои бескрайние владения и пролили на его спящие очи новый свет. Молим, чтобы его судили милосердно, ведь жизнь его была благопристойна и праведна. И пусть его душа вернется к Вечному дереву и поможет нашему городу расти и процветать.

Эрис трудно было говорить. Горло саднило от рыданий.

– Благодарим королей, – пробормотала она хором с толпой. Хотя возносить благодарности ей совсем не хотелось. Хотелось кричать

что есть мочи и проклинать их за то, что забрали отца. Эрис обхватила себя, жалея, что рядом нет сестер: Виктория стояла в дальнем конце залы за рядом священников, а Констанция искала утешения в объятиях своего мужа Сиваса. Здесь, среди огромной толпы, Эрис оплакивала отца в одиночестве.

Священники спрятали руки в широкие рукава и сцепили ладони вместе. Их последняя молитва наполнила мавзолей. Силачи подняли гроб и занесли в свободную комнатку. Один из служителей прибил деревянную табличку с именем отца сбоку. Виктория стояла спиной к процессии и разговаривала с Верховным священником Бахадусом, до того морщинистым, что казалось, будто с его лица не сходит печальное выражение, и с советницей Руфиной, которую легко можно было узнать по густой шапке рыжих волос. Молитва зазвучала громче, и Руфина поближе склонилась к Виктории, чтобы та лучше ее слышала. Со своего места Эрис не улавливала, о чем те говорят, но обе сдвинули брови, а во взглядах читалась сосредоточенность. Обсуждают какие-то дела, несомненно. Болтают о такой ерунде, когда совсем рядом лежит тело их отца. Эрис торопливо отвела глаза, пряча ярость.

Когда ритуал закончился, люди стали потихоньку выходить из усыпальницы. Эрис подошла к отцовскому гробу и возложила розу, сорванную утром несколько дней назад. Ее лепестки были по-прежнему нежными и яркими. Эрис хотелось верить, что это означает одно: дух их отца по-прежнему живет в саду. Ему бы понравился этот цветок, дивный островок цвета в этом тусклом месте.

Низкий потолок в выбоинах закрывал здесь звезды. Больше отцу их не увидеть. *Зато ты теперь обрел свободу. И пусть твоя душа найдет путь домой – к Вечному древу,* молилась Эрис.

Последний раз коснувшись гроба, Эрис отвернулась и пошла на выход следом за толпой. Виктория уже поджидала ее, поджав губы и сцепив руки. Людское море расступилось вокруг нее, чтобы не теснить.

– Сбор нужен мне сегодня, как и договаривались, – отчеканила Виктория.

Эрис резко остановилась.

– Что-что?

– Забыла про Нижний квартал? Ты так ничего и не собрала и не вернула отданных денег. А ведь тебе был дан приказ...

– Не успели закончиться похороны, а ты уже про работу? – Эрис поискала взглядом Констанцию. Та стояла на верхней ступеньке лестницы. Отблеск факела падал на ее лицо, на котором застыла гримаса боли. Она слышала начало их стычки.

– Стаци, молю тебя, – сказала Эрис, – приведи ты Викторию в чувства...

Но Констанция, взяв Сиваса за руку, ушла. Верхняя ступенька у выхода опустела. Горло у Эрис так сдавило, что сердце зашло. *Ты мне нужна.*

– Жизнь продолжается, – сказала Виктория. – Напомню, что ты совершила преступление против города и уже попала бы под суд за госизмену, если бы я не вмешалась и не дала тебе второй шанс. Так что вернись к своим обязанностям.

– Все мои обязанности – это стоять у лестницы на площади и день за днем смотреть, как люди снуют туда-сюда, выполнять одни и те же приказы, слышать одни и те же разговоры. Я каждую ступеньку храмовой лестницы пересчитала, от первой до последней. Знаешь, сколько их?

– Эрис...

– Девятьсот двадцать три. Каждый божий день я прохожу девятьсот двадцать три ступеньки и слушаю жалобы на то, что баранину недосолили или что колокол слишком громко звонит. Думаешь, это важнее отца?

– Свет не сходится клином на одном-единственном человеке. – Виктория поднялась на несколько ступенек. – Смерть каждый день кого-нибудь забирает. Нужно двигаться дальше.

– Порой мне кажется, что ты напрочь разучилась чувствовать, – крикнула ей Эрис.

Виктория гневно обернулась. На ее лице, освещенном бледным светом факела, полыхнула ярость.

Эрис отшатнулась. Кажется, перегнула палку.

– Ах ты маленькая эгоистка! – Процедила Виктория. – Не вздумай сомневаться в моей скорби и любви к отцу! Я все силы положила на то, чтобы ему не пришлось горбатиться до потери пульса, когда мы сюда приехали. Именно благодаря мне мы перебрались из барака в дом, где ты сейчас живешь, смогли построить богадельню, где заботятся о больных, попали в Храм, где бедняки находят утешение. Все это я сделала из любви к Кешгиуму. – Виктория ткнула в сестру пальцем. – И только попробуй возразить.

Эрис застыла у подножия лестницы, потеряв дар речи. По щекам ее заструились слезы.

Глава пятая

В ту ночь ей приснилась покосившаяся дверь.

– А это что такое? – шепнул отец маленькой Эрис, указав на россыпь звезд на небе.

– Кристалл Саулоса, украшение с его посоха!

– Прекрасно. – Отец кивнул на другое созвездие, что мерцало напротив Полярной звезды, – прямоугольник, соединенный с крупной звездой, сиявшей, как бриллиант.

– Это рукоять меча Ананоса! – без запинки ответила девочка.

– Чем знаменит этот меч? – уточнил отец.

– Он рассек Тварь! – нараспев произнесла дочурка.

– Чудесно. – Отец оперся локтем о подоконник, взял Эрис за руку и обвел едва заметный узор в небе – прямую линию из трех звездочек, которую венчал острый треугольник. – А это что, знаешь?

Эрис покачала головой.

– Копье Архайи.

– Ак-ха-йи, – повторила она, стараясь подражать отцовскому произношению.

– Знаешь, кто это такой?

Эрис снова помотала головой.

– Что ж, вот тебе будет и сказка перед сном.

Девочка нетерпеливо устроилась на соломенном тюфяке и прижалась спиной к глиняной стене. Отец сел рядышком.

– До короля Саулоса и короля Ананоса люди верили в других богов, – поведал он. – Одного из них звали Архайя. Он был охотником и славился меткостью и отвагой, а еще никогда не расставался со своим верным копьём. Он носил волшебные доспехи, которые делали его

невидимым для животных. Он показывался им, только если сам хотел. В волосы он вплетал разноцветные перья, а когда бежал, те шелестели.

– Прямо как павлин! – воскликнула Эрис, припомнив цветные рукописи из книги о королях.

– Точно, – с улыбкой подтвердил отец. – И вот однажды, когда Архайя отправился на охоту, его жену похитил угорь и утащил на самое дно океана. Жена звала на помощь. Из ее рта вырывались пузырьки, поднимались на поверхность и превращались в пену. Архайя видел все это с вершины скалы. Он выхватил из волос перо и бросил его в океан. Волны замерцали, сквозь них воин увидел угря и вскинул копье.

«Ха! – возгласил угорь. – Ты живешь на суше, а я – на дне глубокого океана. Пускай ты и правишь землей, зато я знаю море вдоль и поперек. Твоему копыто до меня не добраться!»

Вот только угорь не догадывался, что копье волшебное. Стоило Архайе его метнуть, и воды расступились и закружили водоворотом. Течение подхватило копье и воткнуло его в самое сердце угря. Чудовище погибло, Архайя спас свою жену, и жили они долго и счастливо.

Отец опять указал на созвездие:

– Вот почему на звездном небе есть копье. Архайя спас свою возлюбленную, человека, который больше всех в нем нуждался, и этим прославился в веках. – Он задумчиво примолк.

Девочка обвела созвездие взглядом. Оно находилось чересчур далеко от Полярной звезды и было слишком бледным, чтобы ориентироваться по нему в пути, но историю об Архайе Эрис запомнила на всю жизнь, ведь, когда она проснулась наутро, отец пропал.

Эрис тихо заговорила во сне. *Нет, он ведь мертв.* Ей так хотелось представить его живым и невредимым, но перед глазами застыли только пугала на асимметричных распятиях, торчащие среди поникших белых стеблей. Потом среди пугал она разглядела отца, обезвоженного, исхудавшего, безжизненно опустившего руки в ожидании смерти.

Потом ей снилось, что она убежала с поля и снова нырнула в ночной лес своего детства. Прохладный воздух смахнул ее слезы, взгляд уловил слабое мерцание светлячков. На поляне лежало упавшее дерево. По его стволу карабкались маленькие ягуарята, наступая друг дружке на хвостики. Под бревном бежал ручеек. Эрис опустила ноги

в воду и стала сосредоточенно считать побежавшие круги, внимательно прислушиваясь к урчанию ягуарят, потому что знала – если прекратить это все представлять, перед глазами снова возникнет измученный папа.

Каждое путешествие завершалось у расщелины в горе. Эрис заглядывала в глубокую пещеру и даже заходила в нее, но та никогда не заканчивалась, а черный силуэт в конце туннеля, залитый лунным светом, не приближался.

* * *

Эрис сунула руку в карман в поисках пузырька с лекарством, чтобы поставить его рядышком с отцовским стулом, но тут же вспомнила, что он теперь пуст.

Она присела на папину кровать и уставилась в окно. Где же она была, когда он сажал эти розы? Почему не проводила время с ним вместо того, чтобы играть с другими детьми? Ему, наверное, было очень одиноко, и каждый раз, зарывая в песок новое зернышко, он жалел о том, что дочек нет рядом. *Прости меня*, мысленно повторяла Эрис, сокрушаясь, что даром потратила драгоценное время.

Из дома она ушла такой уставшей, что даже плакать не было больше сил. У нее еще остались невыполненные поручения, и несмотря на то, что сейчас это все казалось бессмысленным, рутина могла хоть немного ее отвлечь.

Она и сама не заметила, как оказалась у западных ворот. Каждый год после неурожайных месяцев в город валом валили разорившиеся фермеры. Сегодняшний день выдался особенно напряженным – и неудивительно, ведь совсем недавно в полях грянул очередной недород. Беженцы, жаждущие убежища, столпились у ворот и стояли там дни напролет под палящим солнцем, дожидаясь, пока чиновники впустят их в город. Кожа слезала с их красных язв, а вдоль обочин валялись трупы тех, кто погиб от солнечного удара, и кости животных.

Сегодня беженцы оплевывали и освистывали Эрис куда сильнее, чем обычно, но она не сопротивлялась – ей попросту было не до них. Ноги болели, оттого что она долго стояла без движения. Но из всех поручений это было самым сносным. В зимнюю пору, когда рано темнело и не сильно морозило, Эрис целовалась с кем-нибудь

в укромном закутке у ворот. Был у нее кое-кто (Как же звали? Всех ведь и не упомянуть...), чьи темные губы были на вкус точь-в-точь как морская соль. Эрис льнула к своей пассии долгими вечерами, показывала созвездия и пересказывала отцовские истории, но в ответ получала лишь безучастный, скучающий взгляд.

До заката солнца и церемонии закрытия ворот оставалось несколько часов. Это был недолгий и священный ритуал, но Эрис сильно сомневалась, что беженцы видели в нем что-то, кроме ярой жестокости.

За спиной застучали подошвы стражника. Голова у Эрис болела от долгих рыданий, даже повернуться к нему – и то получилось лишь через силу.

– Вас вызывает Вторая, – сообщил запыхавшийся стражник.

Новость Эрис ничуть не удивила. Как-никак она дерзко ослушалась приказа Виктории, а за это полагалось наказание. Само собой, ее отправят в тюрьму. Виктория начнет допрашивать ее про сборы налогов в Нижнем квартале и поиск Мэтью, Эрис снова признается, что ничего не сделала, и тогда ее закуют в цепи и запрут в камере без окон с таким низким потолком, что и встать во весь рост нельзя.

Последние силы оставили Эрис. Закрыв глаза, она оперлась на алебарду. Новых стычек с сестрой ей совсем не хотелось.

– Эрис?

– Я скоро приду, – пообещала она. Посыльный нырнул в толпу, спеша передать начальству ее ответ.

Где-то вдалеке заржали лошади, которых фермеры отпустили на выпас после трудового дня. Перекусив жалкими остатками сена, они вернутся в стойла, где их запрут до утра.

Нет, это просто невыносимо.

– У нас все битком, – крикнул чиновник из-за стола под льняным навесом, натянутым на четыре столбика. – Больше никого впустить не можем. Приходите завтра.

Беженцы вскипели от ярости, цедя под нос проклятия в адрес горожан. Прибежали стражники. Выставив вперед копья, они двинулись на толпу, оттесняя ее за ворота. Приказ прийти им на подмогу касался и Эрис, но каждое, даже мельчайшее, движение давалось с таким трудом, что она прислонила свою алебарду к стене

и уперла ладони в колени. Все кругом были до того заняты, что ее отсутствия никто не заметил.

Если раньше беженцы, пускай и с неохотой, повиновались бы этой силе, сегодня верх взяло негодование.

Какой-то мужчина схватил один из факелов, висевший на городской стене, обогнул заслон из гвардейцев и поджег льняной навес. Ярко-оранжевое пламя с громким шипением растеклось по всей стене.

Кто-то выкрикнул, и один из стражников бросился в погоню, а другой – за водой. Отряд гвардейцев понемногу ослаб.

Вдохновенная проделкой смельчака толпа воспрянула духом и стала пробиваться в ворота под беззвучный клич – люди слишком устали, чтобы злиться, но слишком отчаялись, чтобы уйти. Теперь уже все факелы с городских стен оказались в руках у протестующих, и те принялись поджигать все горючее, что только было в окрестностях западных ворот.

Кто-то врезался Эрис в плечо, а следующий удар пришелся на бедро. Поморщившись, девушка подняла руки, чтобы защитить голову – а то, чего доброго, закружится еще сильнее. Толпа теснила ее, руки снова обьяла дрожь, а сердце колотилось быстрее. Она отчаянно хватала губами воздух, все сильнее утопая в знойном, удушливом океане.

Казалось, она вот-вот упадет и ее затопчут. Никто и не заметит. Огонь разгорался ярче, жарче, он уже охватил деревянную крышу над воротами.

Слабый голос священника разливался над восстанием, точно он и не замечал, что происходит.

– Тварь, которая в самолюбивой ярости наплевала на великодушие наших дорогих королей, обратила взор на магию. Она подчинила своей воле преступников, которые уже и сами успели сбиться с истинного пути, и тех, кто внял обещаниям богатств и власти...

Двое горожан усердно трудились у коленчатого вала, управлявшего решеткой, закрывавшей вход в город. Их командир что-то грозно рявкнул. Решетка стала опускаться чуть быстрее. В закатных лучах было видно, что лица горожан блестят от пота. Склонив спины, они вращали колесо что было силы. Мышцы у них на руках вздулись.

– ...Но тех, кто поверил лживым посулам, ждало предательство. Тварь отреклась от них в бою, хотя они сражались на ее стороне...

Острые зубцы решетки приближались к земле. Гвардейцы подошли к железным дверям и потянули за ручки, чтобы их закрыть. Стражники обнажили копья и снова выставили их вперед – все как один, – держа оружие на уровне шеи.

Кто-то попытался прорвать это оцепление. Брызги крови оросили щеку Эрис. Толпа вскричала, люди бросились врассыпную. Кто-то отчаянно пытался попасть в город, кто-то остервенело отбивался от копий головнями, кто-то все же решил сбежать. Многим не удавалось устоять на ногах. Рядом с Эрис мигом выросла гора тел. В узкий просвет между ними проглядывал огромный мир.

Над толпой сгустился темно-серый дым, окутав яркое пламя костров. Девушка закашлялась, натянула рубашку на нос. Глаза заслезились. Она понимала: пора уходить, а не то задохнется или окончат свои дни на острие копья кого-нибудь из стражников.

Первая попытка нырнуть в людское море не принесла плодов. В сутолоке Эрис отбросило назад к стене. Чей-то кулак ударил ее по лицу. Голова закружилась, перед глазами вспыхнули алые звезды. По языку разлился металлический привкус, но боли она не ощутила.

Эрис заставила себя дышать глубже, встала поудобнее, напрягла мышцы, точно готовясь к дуэли. С каждой секундой ее решимость крепла, а боль понемногу утихала. Ее подстегивал воодушевляющий замысел, разогнав ненадолго туман повседневности. *Так было и в тот раз, когда случилось землетрясение.*

Она опустила на корточки и стала пробираться вперед, огибая горы задыхающихся, умирающих тел.

И за считанные секунды до того, как решетка у ворот ударилась о землю, Эрис юркнула меж железных прутьев на свободу.

Решетка отрезала путь тем, кто хотел сбежать из города. Они заколотили мозолистыми кулаками по воротам, срывая голоса в отчаянном вопле. Копья, алые от крови, полетели вперед, но толпа воинственно взвыла. На каждого стражника набросилось с десятков беженцев, пытающихся обезоружить врага. Эрис отвернулась и поспешила прочь вместе с теми, кто тоже сумел сбежать. Пути назад нет. Нельзя останавливаться. Ни в коем случае.

Наконец-то спустилась вечерняя прохлада. Эрис жадно вдохнула ее. А потом нашла на фиолетово-синем небе Полярную звезду – та мерцала едва-едва заметно. Беженцы подняли восстание, стражники устроили резню, половину города охватил пожар, но это уже не имело значения. Эрис сделала шаг, потом еще один и медленно побежала. Все тело болело.

«Свобода, свобода, свобода!» – ликовал голос у нее в голове. Теперь она свободна и от зловонного Кешгиума, и от Виктории, она свободна и может вернуться домой «Домой!» – мысленно повторила она, едва сдерживая слезы, – на маленькую ферму с покосившейся дверью неподалеку от огромного зеленого леса».

Глава шестая

Эрис вывела свое имя на земле, там, где когда-то стояла отцовская хибарка.

Желудок сводило. Губы растрескались от жажды, синяки, которыми ее наградила толпа мятежников, горели на коже пурпурными пятнами. Спустя шесть дней пути она вернулась домой, вот только от дома ничего не осталось: ни домика, ни кирпичика, ни пшеничного зернышка. Фермы, которые она помнила с детских лет, исчезли. Вместо них теперь был лишь песок. И только вдалеке высились знакомые очертания гор – черный силуэт на фоне темно-синего ночного неба.

Милостивые короли, что же я делаю? Девушка содрогнулась от ледящего ветра. Накануне она заночевала тут впервые. Лето клонилось к закату, и ночи становились всё холоднее.

Кешгиума не было видно, но в той стороне, откуда пришла Эрис, сгущался дым, а на горизонте не меркли оранжевые отсветы. Девушка опустила на корточки и обхватила себя руками, чтобы хоть немного согреться. Когда они с сестрами выбирались в город много лет назад, Виктория разжигала костер при помощи кремня и веточек. Констанция тогда рвала на лоскуты свою юбку и укутывала дрожащую Эрис. А сама устраивалась спать в одной сорочке и рубашке и сносила холод без единой жалобы. На вилле Виктории был теплый очаг. Отец часто засыпал в кресле-качалке у огня, а Эрис – у его ног, свернувшись калачиком на коврик. В те редкие дни, когда Виктория возвращалась домой, она целовала его в лоб, брала малышку Эрис на руки и переносила в кровать.

Эрис отогнала эти воспоминания. Вернуться она не может. И если уж умрет, то хотя бы свободной, под звездным пологом. Девушка

поднялась, не сдержав болезненного стога, и направилась к лесу. Если ручей не пересох, получится утолить жажду. Птицы часто гнездятся у воды, их яйцами можно будет подкрепиться. Может, попадутся съедобные насекомые. Эрис пробежала языком по зубам, представляя, как с хрустом их жует.

На иссохших деревьях почти не было листвы. Эрис попыталась уловить сладковатый тополиный запах – аромат ее детства, – вот только песок давно похоронил под собой лесное изобилие, превратив его в пустыню. Кругом царила тишина. Здесь уже не было ни птиц, ни насекомых. Ночное безмолвие не нарушали щебет и стрекот. Для нужд города вырубали большие участки леса, и, если уж ей хотелось найти жизнь, стоило углубиться в чащу. Эрис отыскивала тот самый ручей из детства, но и от него ничего не осталось. Девушка со стоном опустилась на шершавый песок.

На плечо упала какая-то капля. Эрис недоуменно нахмурилась и притронулась к ней губами.

Вода!

Нет, ей, наверное, показалось. Дождей в окрестностях Кешгиума не бывает.

Но тут по телу забарабанили новые капли, а лес наполнился шумом дождя – звуком, который ни с чем нельзя было спутать. Эрис вскинула голову и стала жадно ловить ртом влагу. Загустевшая в опухших руках кровь вновь заструилась по жилам.

Эрис пила, пока челюсть не заболела, а шея не затекла оттого, что она слишком долго простояла с запрокинутой головой. Сложив ладони чашечкой, она набрала еще воды и проглотила ее. Живот скрутило от неожиданно обильного питья, но Эрис не обращала на боль внимания. Она пила до тех пор, пока тело не напряглось и не исторгло из себя всю жидкость. Во рту разлился горький привкус.

Эрис со стоном опустилась на четвереньки. Силы стремительно иссякали. Дробь дождя усилилась, превратилась в самый настоящий рев, а сухая земля под ногами стала топкой грязью. Каждая капля колола кожу, точно игла, позабытая в песке, тревожила раны.

Мелкая морось обернулась самым настоящим муссонным дождем. Вода просочилась под доспехи Эрис, пропитала льняную тунику так, что та прилипла к телу. Легкая дрожь, донимавшая ее прежде, усилилась, зубы застучали от холода.

То ли благословение, то ли проклятие – почти погибнуть от жажды, а потом умереть от холода под шквалом ливня.

Девушка поползла к подножию горы с расщелиной. Там по-прежнему выл ветер, вот только Эрис добралась сюда вовсе не спрятаться от жары. От расщелины на подножии осталась только тонкая трещина, в которую едва можно было протиснуться. Неужели воспоминания обманули ее? Она готова была поклясться, что прореха в скале была до того широкой, что делила ее пополам. Впрочем, не важно: она твердо помнила, что внутри есть просторная пещера. В детстве она едва в нее не пробралась, но отец успел помешать.

Эрис сжалась в комочек и протолкнулась в узкий лаз. Пришлось приподнять плечо и наклонить голову, зато она укрылась от непогоды. Устроившись в расщелине, пускай и неудобно, девушка закрыла глаза. Пришла пора немного передохнуть.

Облегчение было недолгим. Невозможно было опустить голову, а дрожь мешала спать. Кругом был один лишь камень, а пещера из детства оказалась на деле узким туннелем. Наверное, воспоминания и впрямь ее подвели. С тех пор минуло уже десять лет, возможно, время все перекроило.

В такой тесноте нельзя было даже костер разжечь, да он и не помог бы: ветер, ревуший в туннеле, только усугублял холод и в один миг загасил бы огонь. Отсюда нужно было уходить.

По ту сторону туннеля виселись деревья, не тронутые дождем. Их кору можно было использовать для розжига, а может, даже употребить в пищу. Вытянутая тень вдалеке манила Эрис к себе, повисла, точно мышь, которую невозможно поймать. Ноги дрожали от усталости, и все же она сделала шаг, а потом еще один. Когда девушка наконец выбралась из пещеры, кожа у нее уже успела обсохнуть, но холод по-прежнему пробирал до костей.

Лес казался безжизненным: ветви деревьев поникли словно от усталости, стволы истончились и гнулись от прикосновения. Землю устилал ковер из пепла. Здесь словно прошел ураган, сдул все листья и зелень, но больше ничего не тронул.

Эрис достала кинжал из ботинка и срезала верхний, твердый слой коры. Потом откусила кусочек. Жевать его было тяжело, а на вкус он напоминал уголь, но это ее не остановило. Она продолжила сдирать кору слой за слоем, надеясь добраться до нежной сердцевины.

Слева кто-то жалобно пискнул. Эрис повернула голову. У дерева сидел маленький, почти новорожденный детеныш черной пантеры. Эрис и не заметила бы его, если бы не золотистые пятнышки, мерцавшие на темной шкурке. Лапки у зверька были вывернуты и смотрели в разные стороны. Под пятнистой шубкой угадывались ребра.

Девушка крепче сжала кинжал и обошла детеныша. Руки так тряслись, что не оставалось сомнений: уже совсем скоро она сдастся на милость холоду. Эрис до того отчаялась, что готова была съесть котенка живьем.

Она сглотнула и пошла по пеплу, стараясь не обращать внимания на красные пятна, застилающие зрение. Мокрые подошвы то и дело хлюпали, но детеныш и ухом не повел. Приблизившись, она прыгнула, схватила зверька за голову и вспорола ему горло. На руки и голые корни дерева хлынули ручьи алой крови. На поверхности появились черные пятна и побежали вверх по ботинкам Эрис. Она заморгала, отгоняя эту иллюзию, и отошла от дерева.

– Благодарим двух королей за щедрые дары, поданные нам на стол, – пробормотала она, прижимая труп к груди. – И пусть эта душа доберется до Вечного древа и сподобится пробуждения. – Горло сдавило от нетерпения. Эрис стала растирать шею, перепачкав себе губы кровью.

На пепел пролилось еще несколько капель, и они тоже обернулись черными юркими пятнами. Эти пятна росли с каждой секундой и вдруг превратились в миллион костлявых рук, что жадно тянулись к Эрис.

А следом ее оглушил рык. Она отдернула руку от шеи. Земля содрогнулась, ветви деревьев с треском схлестнулись. Голод Эрис оказался куда сильнее тревоги. Крепче прижав к себе добычу, которая все сильнее пачкала кровью доспехи, девушка бросилась было к проему в горе. Но еехватило на несколько шагов. Тело обессилело, а выпускать котенка из рук совсем не хотелось. Еда, еда, еда – вот что сейчас было нужнее всего.

Ноги заплелись, и она упала. Голова соприкоснулась с чем-то похожим на мягкую подушку, а потом на грудь навалилась страшная тяжесть. Добыча выпала из ее хватки. Эрис попыталась поднять руку, чтобы ее перехватить, но силы едва хватило даже на вдох.

Ну вот он, конец всему. Ее взгляд метнулся от фигуры великана, пригвоздившего ее к земле, на когтистую лапу, готовую разорвать ее в клочья. За перекрестьями ветвей проглядывал звездный покров, на который она всегда так любила смотреть.

Эрис закрыла глаза, нисколько не сопротивляясь.

Глава седьмая

Невнятное бормотание, треск. Земля под Эрис была теплой и мягкой.

Она проснулась и обнаружила, что лежит на кровати с пологом из ярко-красного шелка, под тяжелым одеялом, на котором вышиты узоры с цветами и животными. Изголовье было украшено золотом и разноцветными драгоценными камнями. Они мерцали в отсветах огня, горящего где-то за завесой.

Неужели путь к Вечному дереву устлан такой роскошью? Девушка потеряла лицо. От этого нехитрого движения рука задрожала, а по пальцам разлилась слабость. *Надо же, я жива*, подумала Эрис. Но ее радость что-то омрачало – какое-то чувство, которое она не в силах была описать. Казалось, у нее что-то отняли.

Не без труда она выбралась из-под одеяла. По обнаженным рукам скользнула ночная прохлада. Щурясь в темноте, она ощупала себя – доспехи и обувь никто не тронул. Оставалось еще выглянуть за полог, хотя ей страшно хотелось накрыться с головой одеялом, снова спрятаться во мраке. В этой бархатной тюрьме ей ничего не грозило.

Девушка сделала глубокий вдох. Меж алых занавесей проглядывала комната, отделанная камнем. На полу лежали разноцветные ковры. В просторном кресле, обитом тканью, сидела, согнувшись, фигура, заслоняя красновато-желтое пламя в камине у дальней стены зала. Из головы незнакомца торчали длинные черные рога. Он не сводил глаз с окна, украшенного тремя остроконечными арками. Должно быть, Эрис нарушила тишину движением или вдохом, потому что он тотчас же обернулся к ней. Рогатый великан поднялся,

и его тень застлала всю комнату – до того высок он был. Его лицо скрывал мрак.

– Ты отняла у меня святыню, – произнес он таким низким голосом, что его эхо отдалось у Эрис в висках. – Отвечай мне, а не то в огонь тебя брошу.

– Простите, мне... очень жаль, – сказала девушка. – Я не знала... – Она попыталась набрать воздуха в легкие, но доспехи стиснули грудь. – Если хотите меня убить, убейте поскорее.

Незнакомец едва заметно отпрянул.

– Почему ты не сопротивляешься? Что в лесу, когда я на тебя напал, что сейчас. – Интонации рогатого существа напомнили Эрис молитвы на древнем языке – песни, которые пели на церемониях священники и никто больше.

– Я не боюсь смерти. Наоборот, буду ей рада.

– Объяснись.

Эрис принялась рассматривать свои ногти, покрытые засохшей кровью.

– Моя жизнь ничего не стоила. Я сбежала от всего, что знала, в мир, который тоже оказался мне не рад.

– Лучше жить несчастно, чем не существовать вовсе.

Ей вспомнились синевато-зеленые вены на отцовской шее, похожие на цепкие корни.

– Если ты одинок, едва ли.

– Кажется, понял. Ты потеряла кого-то.

– Да, – коротко ответила Эрис. Пускаться в подробные объяснения не хотелось.

Оно подняло обмотанную тканью руку и указало на броню.

– Второй вопрос. Доспехи. Что на них за знак?

Эрис опустила взгляд. Дерево, выгравированное на коже, сверкнуло в отблесках огня.

– Это Вечное дерево. Символ города, откуда я сбежала.

– А ты, значит, городской солдат, – понизив голос, заключил великан.

Эрис покачала головой.

– Я служила в пехоте, но в битвах не участвовала. Ходила в патруле, стояла на страже.

Он хотел что-то возразить, но осекся на полуслове и попросил вместо этого:

– Опиши свой город.

Ливень, голод, скорбь и усталость вытеснили из Эрис всякое любопытство. Ее мало интересовала личность великана, устроившего ей допрос, да и причина тоже. Все ее мысли были о еде.

– Сверкающий бриллиант. Путешественники зовут его Кешгиум, а мы, местные, – просто город. Там есть все: ткани, посуда, рынки, магазинчики. Ягнятина, лепешки, вино, сушеная рыба, которую вывешивают у магазинных вывесок. Все дома, все стены там беленые, а статуи сплошь золотые. А еще там можно отведать жаркое из баранины с овощами, плов с морковью и...

– А кто сейчас правит городом? – перебил ее великан.

Мысленно Эрис так глубоко нырнула в море еды и напитков, что с трудом вспомнила лица тех, о ком ее спросили.

– Совет трех и... Верховный священник.

Незнакомец стоял неподвижно. Эрис чувствовала его пристальный взгляд.

– И последний вопрос, – произнес он наконец. – Как тебе удалось сделать так, что в полях расцвели розы?

– Что?

Великан поставил на пол между ними широкую чашу. Эрис нагнулась вперед, чтобы лучше ее рассмотреть. Ее кости скрипнули, а голова закружилась так, что пришлось схватиться за края кровати. Чаша была полна кровавого пепла, над которым темнело несколько черных бутонов роз.

Так это просто розы. Миллионы тонких рук, которые тянулись к ней из ручьев крови убитого детеныша пантеры, ей просто привиделись. Наверное, в тот миг у нее помутился рассудок.

– Простите, если провинилась, – сказала она. – Я ведь и не знала, что так вышло.

– Ты же видела, какая тут земля. Сплошь песок и пепел. Ничего здесь не растет. Я очень... очень давно пытаюсь возродить тут жизнь. Пантера была единственной моей удачей, единственным товарищем, да и того ты отняла. – Он опустил взгляд в пол, устланный коврами. – Детеныш много болел, – продолжил он. Голос стал чуть тише. –

Я пытался его выходить. Думал, прогулки на воле пойдут ему на пользу.

А она поймала его и перерезала ему горло.

– Мне очень жаль, – повторила Эрис. Каждый раз, когда она произносила эти слова, они словно потихоньку теряли смысл, но, что еще делать, она не знала.

Незнакомец распрямился и отмахнулся от ее извинений.

– Не случайно ведь это произошло при тебе. Ты совершила убийство, но от пролитой крови расцвели розы – и это в краю, где сама земля изничтожает все живое. Неужели ты не понимала, что делаешь?

– Нет.

– Выходит, у тебя есть природная склонность к магии, о которой ты ничего не знаешь.

Девушка тихо рассмеялась, и нутро тут же пронзила боль.

– У меня? К магии? Ее ведь давным-давно уничтожили.

– Кто это тебе такое сказал? – изумленно спросил незнакомец.

– Так в книге написано.

– В какой еще книге?

– Про двух королей, Саулоса и Ананоса, – пояснила Эрис. Теперь ей хотелось одного: чтобы этот допрос поскорее закончился. – Вы что, не читали?

Незнакомец выдержал паузу. Он еще сильнее распрямился. Теперь уже вся комната оказалась в его тени. Эрис испугалась, что ляпнула что-то не то, но руки и так дрожали от того, что она приподнялась на кровати. Если броситься бежать, далеко она не уйдет.

Великан слегка опустил голову, наставив на нее рога.

– Магия здравствует и процветает. Даже когда время изничтожит землю, а наши тела сгниют, бездонный источник, из которого мы ее черпаем, не иссякнет. Магия живет в каждом из нас, и положить этому конец сможет лишь тот, кому под силу осушить океан.

– Нет у меня никаких магических способностей, – отрезала Эрис. – Магия убивает, и только. А я не хочу быть убийцей.

– Магию можно использовать и для других целей. – Великан указал на прикроватный столик. На нем стоял деревянный поднос с лепешками и жареной бараниной, а рядом – фарфоровый кувшин и чашечка.

Эрис тут же схватила лепешку, откусила большой кусок и проглотила, не жуя. Потом потянулась к кувшину, сбив чашечку, сняла с него крышку и жадно глотнула содержимое. По горлу заструилось теплое пшеничное вино. Желудок снова воспротивился – кажется, история с дождевой водой ничему Эрис не научила, – но она лишь прокусила губу до крови, чтобы подавить волну тошноты, мысленно приказывая телу подчиниться. И все же хлеб стала делить на кусочки поменьше.

– Надеюсь, ты не придешь в ужас от новости о том, что вся эта пища – порождение магии, – заметил великан.

Эрис упивалась сладостью хлеба, ни на миг не прекращая жевать. *Завтра*, подумала она. Пусть боги накажут ее завтра.

– Если не хочешь помогать, то уходи с первыми лучами солнца, – сказал великан и направился к двери.

Эрис едва не выпустила из рук еду – мышцы мгновенно ослабели.

– Как, вы меня отпускаете?

Незнакомец ничего не ответил. Дверь за ним затворилась.

Эрис продолжила трапезу в тишине – ела мясо, отрывая кусочки руками, пила вино. Если раньше каждое движение отдавалось приступом нестерпимой боли, теперь она казалась вполне выносимой. С каждым проглоченным кусочком, с каждым глотком голодный туман, сгустившийся в голове, потихоньку развеивался. Дрожь в руках ослабела настолько, что Эрис наконец смогла растереть мышцы в шее, которые словно тугими узлами завязались.

Подкрепившись, Эрис тяжело слезла с постели, не зная, что делать с тарелками. Отнести на кухню? Слуг в доме, кажется, не было, да и оставлять грязную посуду как-то невежливо. Может, самой помыть? Эрис стряхнула остатки обеда на рубашку, а тарелки положила в умывальник. А с костями что делать? Нельзя же их вот так оставлять. Их она спрятала в пустой ящик шкафчика.

Спустя мгновение Эрис опомнилась. *Нет, так не годится.* Она выдвинула ящик, забрала кости и положила на стол. Теперь вся рубашка и руки были в жире. Девушка инстинктивно опустила ладони в маслянистую воду.

Ох, короли. Живот она себе набила, а вот в голове по-прежнему царила пустота. Нахмурившись, она стала вытирать руки подолом рубашки, снова и снова прокручивая в голове слова великана. В собственное везение сложно было поверить. Несколько вопросов в наказание за убийство? Как-то несправедливо. Наверняка и разрешение уйти – просто уловка.

Эрис придвинула к железным дверям кресло великана. Едва ли оно остановит его, если тот захочет войти в комнату, но хотя бы даст ей знать о скорой смерти. Потом девушка вернулась в постель и задернула полог. Оградившись от внешнего мира, куда проще было себя убедить, что гибель ей не грозит. Рукоять кинжала, спрятанного в ботинке, поблескивала в тлеющих углях камина.

Эрис достала свое оружие, балансируя на грани сна. Пальцы подрагивали от страха.

Глава восьмая

Эрис одним глазом выглянула из-за завесы, силясь подавить зевету, и увидела синевато-алое небо. Чувствовала она себя не лучше, чем накануне: после ночных судорог тело было вялым и тяжелым. Девушка тронула царапины на лице и поморщилась от боли. Впрочем, новых не прибавилось – и то хорошо.

Баррикада у двери за ночь не пострадала. Эрис до того устала, что больше не могла гадать, какие планы строит на нее великан. За ночь камин превратился в чан с черным пеплом. От дыма, сочившегося из очага, девушка закашлялась. Она отодвинула кресло, протиснулась меж тяжелых железных дверей и пошла по пустынной галерее. Ее плечи скоро потемнели от сажи. За окнами галереи она различила просторный погибший сад.

Его размах не оставлял сомнений, что здесь на славу потрудились садовник. Но, как и стены замка, сад сильно пострадал от огня. Пепел тут лежал аккуратными кучками, тонкие иссохшие стебли ползучих растений оплетали ряд железных треног, а по центру стояло большое обугленное дерево. Его ствол так ослабел, что оно согнулось под собственным весом, вонзив раскидистые ветви в пепел. Пышные колючие кусты, из которых можно было бы составить густую изгородь, валялись на земле, напоминая охапки сена. Сад окружали столбики, тоже увитые растениями. Их высохшие листья служили последним напоминанием о жизни в этой холодной пустыне. Те самые черные розы, которые девушка видела накануне, были высажены вдоль канавки. Белый пепел под ними пропитался кровью.

Девушка обошла край сада, наслаждаясь светом и утренней прохладой. Над ней раскинулось голубое небо, а солнечные лучи

отражались от черных стен оранжевыми бликами. Часть ограды, которой был обнесен сад, обрушилась. За замком проглядывало огромное море, мрачное и неподвижное.

Черная громада, занимавшая все зримое пространство, дыбилась острыми углами и напоминала огромную гору руин. Вот откуда взялась темная неровная тень из ее детства – гигантский барьер у горизонта, разделявший горы и стену замка. Облака за этим барьером были мрачными и зловещими – не сравнить с ясным утренним небом, встретившим ее на этой стороне.

Эрис поникла. Так, значит, то были вовсе не джунгли и не корабль, полный сокровищ и потерпевший крушение. *А просто стена.*

Где-то скрипнула дверь. Великан остановился в галерее и стал ждать. К Эрис, в залитый солнцем сад, он не вышел. Теперь, при свете утра, она смогла получше его разглядеть. Он кутался в бархатный плащ винного цвета, пряча лицо под капюшоном. В капюшоне были две прорези, из которых торчали рога, напоминавшие бычьи. Один из них сломался чуть выше основания и теперь топорщился неровным обрубокком.

Великан жестом позвал ее в комнату со сводчатым высоким потолком. На каменных колоннах здесь еще виднелись остатки краски. Каждый ее шаг отдавался от стен эхом. На потолке угадывались чьи-то силуэты, но слишком высоко, с пола не разглядишь. Незажженные канделябры, покрытые пылью и паутиной, встречались чуть ли не на каждом шагу. Еще здесь стоял вытянутый дубовый стол, за которым могло уместиться человек двадцать. Больше в зале не было мебели, если не считать одинокого стула неподалеку.

Великан указал огромной рукой на стол. На нем стояли дымящиеся миски с кашей и вареными яйцами в коричневом соусе. Судя по размерам, порция предназначалась для одного человека.

– Спасибо, – сказала Эрис и села за стол.

Великан положил на дальний конец стола круглый льняной сверток.

– Тут еще припасы. Чтобы тебе было чем подкрепиться по дороге домой.

Он направился к главным дверям замка – так быстро, что его фигура мелькнула перед глазами Эрис огромным алым пятном. На этих дверях были изображены бесчисленные силуэты, изогнувшиеся

в причудливых позах. Некоторые из фигур словно падали с огромной высоты. Венчала композицию статуя женщины со змеиной головой, приподнявшей одну ногу точно в танце. Пасть змеи была широко раскрыта, а из нее тянулся раздвоенный язык. Одна рука, объятая языками пламени, застыла в воздухе, казалось, еще мгновение, и она обрушится на фигуры ниже. Над женщиной была надпись, которую Эрис не смогла разобрать. А еще у нее было четыре спутника: девушка с телом скорпиона, мужчина с кабаньей головой и сотней рук, андрогин, спящий на облаке, и старик с израненными запястьями и шеей. Глаза у всех были закрыты. Наверное, это боги, заключила Эрис.

Двери снова отворились, а к горлу Эрис подкатил ком. Она едва не погибла от голода из-за своего взбалмошного нрава, и ей очень повезло, что рогатый великан ее пощадил. Вернись она домой, Констанция опять ее бросит, а Виктория, слишком занятая работой, едва ли вообще заметит ее отсутствие. В Кешгиуме ей теперь было нечего делать.

Можно, правда, сбежать в Тингар или Йоннер, вот только нынешняя вылазка едва ее не погубила, так стоило ли еще раз испытывать судьбу? Может, и *впрямь* стоило вернуться домой, под сестринское крылышко, туда, где городские стены будут хранить ее от опасностей? И жизнь продолжится. Потянется череда одинаковых дней и однообразных воспоминаний, да и саму Эрис никто не запомнит. Она умрет, и ее похоронят в тесной гробнице – так и закончится ее жалкое существование.

Эрис прервала трапезу и опустила ложку.

– Что-то ты не спешишь домой, – подметил великан.

– Вы мне угрожали кое-чем пострашнее смерти, – тихо напомнила девушка.

– Мне бы очень хотелось оживить этот край. Моим приказам эта земля не повинуется, а вот твоим – да. Предлагаю то же, что и накануне: останься, и я научу тебя управлять той силой, которой ты наделена, – и ты возродишь здесь жизнь. А если не хочешь, возвращайся в свой город с осознанием, что убила существо, которое было для меня священным, ела с моего стола и ничем не отплатила мне за гостеприимство.

Она не осмелилась взглянуть ему в глаза.

– Почему вы так печетесь об этом месте?

– Это мой дом. Неужели ты не поступила бы так же, если бы все кругом погибло?

Девушке вспомнились сухие пшеничные стебли, увядающие под полуденным солнцем. Вспомнилось, как болела спина, если долго собирать урожай, как колосья кололи ей руки. Вспомнилось, как сестры качали головами, ощупывая каждый стебель в поисках хоть одного зернышка, а потом бросали сухие ростки в кучу, на растопку, чтобы ночью согреться, если уж насытиться не получится.

– Что бы там ни болтали о магии в твоём городе, сама посуди: что плохого в том, чтобы вырастить розу своими руками? – продолжал великан. – Магия бывает во вред, а бывает во благо, все зависит от того, кто ею обладает. Если бы не пища, которую я для тебя наколдовал, ты бы уже погибла. Разве же вернуть жизнь краю, где царствует смерть, недостойное дело в твоих глазах?

Здесь было сложно поспорить. Магия магией, но ведь она забрала у этого великана то, что было ему дорого. Долг Виктории она не вернула, выбрав побег. Нельзя повторить этой ошибки.

Пусть боги накажут меня завтра.

Эрис поднялась со своего стула, придерживаясь за край стола, чтобы не упасть.

– Я уничтожила вашу святыню, – сказала она, – и хочу загладить вину. Обещаю, что верну сюда жизнь, чтобы искупить то, что я сделала.

– Значит, договорились. – Великан едва заметно кивнул и протянул лапу, обмотанную тканью. – Я заберу твой кинжал, если не возражаешь.

Эрис отшатнулась.

– Не понимаю, о чем вы.

– У тебя в ботинке спрятано оружие. Я счел, что невежливо забирать его сразу, и оставил на ночь, но теперь мы с тобой пришли к соглашению. Отныне ты моя гостья, я даю тебе пищу и кров, а взамен хотел бы исключить угрозу для себя. – Он выдержал паузу и смерил Эрис взглядом. – И для тебя самой.

Девушка нахмурилась.

– Я владею кинжалом. И точно не порежусь случайно.

– А я и не про случайные порезы.

Между ними повисло молчание. Раны Эрис запульсировали. Прикусив губу, она достала оружие и пробежала большим пальцем по буграм на рукояти, обмотанной змеиной кожей. Потом, прокрутив кинжал в руке, хотела было отдать его великану, но замерла на полпути.

– А когда вы его вернете?

– Когда будет выполнен наш договор. Справедливо, разве не так?

– Точно не потеряете?

– Я верю, что ты исполнишь свое обещание, так и ты поверь моему слову.

Великан не внушал Эрис доверия, но расстаться с кинжалом было куда лучше, чем вернуться в город. Она повернула нож, взялась за край лезвия и положила рукоять на ладонь хозяина замка.

Он взял кинжал – слишком уж буднично, как показалось Эрис, – и направился к дверям, сделав ей знак следовать за собой.

– Приступим к урокам сразу же, как будешь готова.

– Как твое имя? – спросила Эрис, решив перейти на «ты».

Великан остановился, явно удивленный этим вопросом.

– Мне столько их понадавали – нет желания повторять.

– Так как же мне тогда тебя звать?

– Человек... нет, пожалуй, довольно будет чудовища. Справедливое наказание за то, что я сотворил.

Расспрашивать подробнее она не стала. Сейчас было не до того.

– А я Эрис. И раз уж я тут задержусь у тебя, Чудовище, хочу сказать вот о чем: на прикроватном столике у меня в комнате лежат

бараньи кости, а посуда стоит в умывальнике.

Интерлюдия. Пламя, что слепит глаза

Последний раз я охотился весной. До чего же прекрасная пора. Солнце бликами ложится на землю, листва в лесу сияет, как изумруды. Весна – время перерождения. Снега в горах тают и питают ручьи.

А вот для охоты сезон неподходящий. Звери выводят потомство, а детенышей мы не трогаем. Это легкая, медлительная добыча, но, если не дать молодняку подрасти, можно уничтожить весь вид.

И все же я присоединяюсь к отряду охотников – горстке людей, одетых в латные доспехи, однако предпочитающих стрелять издалека. Они вечно соревнуются за мое внимание – даже когда стрела пролетает мимо оленьей головы, они меня окликают, точно думают, что, если я засвидетельствую их промах, окажу им большую услугу.

Как только выдается возможность, я от них сбегаяю. Мох, которым выстелена земля в лесу, заглушает мои шаги. Молодой олень лакомится молодыми побегами чертополоха, не слыша тонкого звона тетивы, натянутой мной.

Прицеливаюсь, стреляю – и треклятое острие вонзается в оленьё сердце.

А я ведь не хотел, чтобы стрела его убила. Только чтобы царапнула хвост или ухо – совсем легонько, будто это он сам случайно поранился. Главная радость вовсе не в убийстве, а в том, чтобы проверить свою меткость, почувствовать, как замирает дыхание в предвкушении выстрела. Но мой магический дар распорядился иначе. В те времена я еще не умел им владеть и не понимал, на что он способен.

Спустя несколько минут олень, пошатываясь, приваливается к дереву и падает. Язык вываливается из раскрытого рта. Возношу тихую молитву Аэру: избави меня от участи умереть с языком наружу.

Белки его выпученных глаз тревожат меня своим видом. Слишком уж похожи на человеческие, хотя так быть не должно. Олени – грациозные, пугливые создания, мы же шатаемся по лесу в броне

из кожи и железа и угрожающе рываем на зверей, которым под силу разорвать нас пополам. Оборачиваю тканью оленью голову, кладу его тело на спину своей лошади и возвращаюсь в замок.

Меньше всего я ожидал встретить в Мемориальном зале его. Кто-то из моих спутников обогнал меня и сообщил о моих планах. Шпион. Ну что за напрасная трата времени. Теперь вместо боев и охоты придется остаться здесь, чтобы избавиться от предателя.

– Ты убил оленя, – рывкает он. – За что?

Я жму плечами.

– Он сбил меня с лошади. Я решил немного позабавиться. Порисоваться. – Это неправда, но он не спрашивает, с какой стати я решил поохотиться весной. Он давным-давно перестал о таком беспокоиться. Я в его глазах уже успел стать взбалмошным, жестоким отродьем, и едва ли можно было изменить это мнение, как бы я ни старался.

Сощурившись, он обводит взглядом тушу оленя.

– Ему и года нет, – замечает он. – Совсем еще детеныш. Сколько охотников ты привел с собой в лес?

Честно говоря, у меня нет ответа на этот вопрос, но уж очень хочется его позлить.

– Десять тысяч.

Он в отчаянии сжимает переносицу. Чудесно.

– Ты ведь нарочно упрямишься. Мы это всё обсуждали. Твои действия ставят под угрозу равновесие на наших землях.

– Вот только не надо делать вид, что беспокоишься о природе, – говорю я, закатывая глаза. – Избавь меня от своей праведности. Сам-то уже долгие годы травишь ее своей магией.

– Ты бы лучше у меня поучился, – подмечает он. – Вот уж кому праведность не помешает.

Мой смех эхом прокатывается по залу. Он нарочно встретил меня здесь, у шести статуй королей стародавних времен, чтобы запугать и подчинить своей воле. Мечтает пополнить их ряды.

– Тебе ли меня учить, что хорошо, а что плохо?

– Ты уже и так перессорился с половиной королевства, болван, – говорит он. – Со мной спорить не нужно. Приходится о твоих проделках из третьих уст узнавать, да еще тратить средства из королевской казны, чтобы уладить то, что ты наворотил...

Стыдно признаться, но первым ударил я. Саму драку толком не помню – лишь то, что она была. Наверное, я применил какую-то боевую технику, попытался его одолеть, но в итоге он вцепился мне в руку и вышвырнул из зала.

Помню, как скрипела грязь, попавшая мне на зубы, и какое унижение я испытал – оно было точно крошечная песчинка, обрушившая целый замок.

– Это ты виноват! – кричу я после драки. – Ты виноват в смерти матери.

– Если бы я знал, как ее спасти, спас бы, – шипит он сквозь зубы.

– А вот и нет. наших рыбаков ты не спас, не ударил палец о палец, когда горели города, никак не помешал буре. Только и знаешь, что все под себя грести, крысеныш жадный.

– А ты проматывать все подчистую. – Он вновь меня бьет. – Надоело.

Плюю кровью ему в лицо. Хочу, чтобы последнее слово осталось за мной.

Ну что за мелочность?! Разумеется, мамина смерть – не его вина. Что с того, что он изучал магию чуть прилежнее меня? С какой стати я ждал, что он поймет мое горе, если не мог отплатить ему тем же? Ярость слепила меня, заставляла искать одни недостатки, всеми путями оправдывать свою ненависть.

Эта ссора казалась сперва незначительным эпизодом в истории моей жизни, пылинкой, пролетевшей перед ураганом. Тогда я еще не догадывался, что именно она стала началом конца.

Немесис

Глава девятая

Во сне Эрис парила над стеклянной пустыней. Вдалеке мерцал белый Кешгиум, точно призма в лучах солнца. Даже на расстоянии чувствовался запах благовоний, витавший над городом. Никогда ей уже от него не избавиться.

В воздух тянулась целая стена из роз, пробиваясь сквозь прозрачное стекло, заменившее земную твердь. На толстых стеблях цвели бутоны тех же оттенков, что и в саду возле виллы Виктории в то злополучное утро, – пурпурных, бордовых и розовых.

Их корни уходили глубоко в бездонную черноту и извивались в поисках влаги. Эрис покачала головой. Бесполезно. Кешгиум выпил из этой земли все соки, он беспощадно впитал их до последней капли.

Если здесь ничего нет, может, подняться? Девушка расправила плечи, стряхнула песок, припорошивший ямку меж ее ключиц, и полезла по стене, хватаясь за узловатые ветви. Инстинкт подсказывал ей, куда тянется каждая из них, где переплетаются стебли, даже сколько всего шипов на стене и сколько лепестков в каждом бутоне.

Стебли гнулись под ее весом. Оказалось, что они оплетают городские известняковые стены. Эрис поползла по ним, раздвигая ветви. Она двигалась на ощупь, нащупывала под стеблями стены и остов здания: два этажа, чердак, кровать, в которой сегодня никто не спал, кресло-качалка, пузырек из-под лекарства – *это что, дом Виктории?* – чего бы она ни коснулась, к пальцам липла сажа. На языке появился угольный привкус.

– *Вот ты где!* – воскликнул высокий, отрывистый голос.

Стеклянная пустыня блеснула в лучах света, и перед ней на согнутых ветках появились мальчик и девочка лет семи-восьми. Лица у них были загорелые и красивые, как у херувимов. Они махали Эрис, спеша привлечь ее внимание. На девочке была темно-красная туника, на мальчике – коричневатого-черная.

– *Сперва с гостями надо поздороваться*, – с укором сказал мальчик своей маленькой спутнице.

Девочка закатила глаза и откинула назад прядь темных волос.

– *Чудо, что она вообще появилась. Привет, Эрис.*

– *Вы знаете, как меня зовут?* – изумилась Эрис. – *Кто вы такие?*

– *А ты уже нас забыла?* – спросила девочка и надула губки. – *Мы розы! Те самые, что росли у тебя в саду. Непросто расти в омертвелой земле, но нам так хотелось поглядеть на сияющий город, который мы должны были...*

– *Изучить*, – вставил мальчик.

– *Да, изучить*, – подтвердила девочка.

– *А что случилось с домом Виктории? И с городом?* – спросила Эрис.

– *Город спалили люди*, – махнув рукой, ответила девочка. – *Недовольный народ.*

– *Не волнуйся, твои сестры не пострадали*, – добавил мальчик. – *Старшая сильно-сильно злится. У меня ветки дрожат, когда она рядом, – уж очень громко кричит.*

– *Ты нам скажи, что это такое?* – спросила девочка. По стеклу побежала какая-то бурлящая липкая жидкость, заливая розовую стену. Мгновение – и Эрис оказалась в ней почти по пояс.

– *Они целыми днями ее на нас льют*, – пожаловалась девочка. Она запрыгала в топкой жиже, точно ребенок в ванне, полной воды, а мальчик уселся на сплетении ветвей и опустил в нее ноги.

– *Всяко приятнее, чем мертвая земля, в которую уходят наши корни*, – заметил он. – *Мы любим с ней играть!*

Эрис обмакнула палец в жижу. На ощупь та оказалась густой и маслянистой. Девушка подняла руку. С нее, точно лава, закапали вязкие капли. Палец отяжелел, точно на него надели тяжелое дорогое кольцо. Легкие наполнились едким горьким воздухом. Эрис закашлялась.

Деготь.

Она кинулась к детям.

– *Бегите отсю...*

В мгновение ока рядом занялось оранжевое пламя – незванный феникс посреди черной бурлящей бездны – и распалилось ровным кругом, источая клубы черного дыма. Одежды детей, перепачканные дегтем, тоже вспыхнули. Мальчик с девочкой исчезли за стеной алого огня. Эрис упала на спину, закрываясь руками.

Она стала торопливо искать прореху в огненной пелене. Жар иссушил ей кожу, густой дым забивал горло. Огонь взревел со страшной силой и вскоре заглушил детские крики.

В приступе паники Эрис прыгнула в пламя – другого выхода не было – и оказалась в пучине горящего дегтя. Руки тотчас заалели, опаленные жаром. В воздухе летал пепел и кусочки золы.

– *Где же вы?* – выкрикнула девушка, пытаясь раздвинуть руками дымную завесу. Огненный круг, сужаясь, подбирался к ней все ближе.

Огонь обжег глаза. Она закричала и закрыла лицо руками.

– *Нет, нет, нет, нет, Эрис, пожалуйста, не бросай нас, только не сейч...* – долетели до нее детские крики.

Эрис проснулась, тяжело дыша. В окно лился солнечный свет. Щеки у нее увлажнились от слез, а кругом была вода. Снова уснула в ванне. Перед тем как в нее лечь, ей пришлось снять доспехи, и несколько минут она просто лежала, наслаждаясь каждым вдохом – даже измученный тоской любовник меньше радуется долгожданному поцелую. Так, значит, она задремала. Эрис поджала губы. Не стоило в очередной раз спать без брони.

Вода была до того соленой, что удерживала ее на поверхности. Кристаллики соли украшали всю комнату и мерцали в лучах солнца. Сама ванна – вытянутая и неровная – была обязана своей формой солевым перегородкам, затвердевшим внутри нее. Чудовище предупредило, что пить воду отсюда не стоит – жажда только усилится, – так что Эрис просто побрызгала ее на лицо, чтобы смыть слезы. Несколько капель упало на губы, и их сильно защипало.

Последняя мольба детей эхом отдавалась у Эрис в ушах. Память сохранила лишь отдельные эпизоды сна, он рассыпался, точно опаленные крылышки мотылька. Пылающие розы, горящий город, залитый дегтем, обнаруженным ею на стене. Должно быть, восстание

у ворот, от которого она убежала, уничтожило городскую ограду, и разъяренный народ поджег не только дома, но и цветы.

Но ведь сны – это не реальность. Наверное, ей только почудилось, что это все взаправду, как было, когда она увидела руки, появившиеся из крови маленькой пантеры. И все же Эрис принялась разглядывать свои пальцы, выискивать на них следы дегтя. Но нет, на них были разве что мозоли, а кожа сохранила здоровый розоватый оттенок. Девушка ощупала лицо. Никаких ожогов.

Просто ночной кошмар, заключила она. Болезненный сон, порождение ума, который еще не привык к новому месту. Надо выбросить его из головы.

Судя по яркому свету, был уже самый разгар утра. Коря себя, Эрис выбралась из воды. Опоздать на самый первый урок – не лучший способ произвести хорошее впечатление.

Чудовище поинтересовалось, нужна ли ей новая одежда, и она попросила длинную рубашку, чтобы доспехи не натирали кожу. И теперь каждое утро в уголке у двери в спальню ее ждал аккуратный белый сверток. Сегодня она забрала рубашку с собой в ванную, надела ее, а потом попыталась одновременно обуться и натянуть доспехи, попрыгав на полу. На небольшом соляном столбике стояла бутылочка с маслом, а рядом лежала тряпочка – их хозяин замка оставил тут по собственной воле, чтобы Эрис могла обработать броню и та не растрескалась.

До Главного зала Эрис добиралась бегом. Чудовище стояло, вперив взгляд в пол и наклонившись вперед. Могучие руки хозяин замка сцепил за спиной. Его одинокая фигура тронула Эрис. *Сколько же он тут живет в полном безмолвии?*

– Простите за опоздание, – запыхавшись, сказала она.

Он распрямился и поглядел на нее.

– Нестрашно. Привыкать к новой обстановке всегда утомительно.

А теперь пойдем.

* * *

Замок возвышался на островке земли, окруженном бездонной пропастью. С лесом, засыпанным пеплом, его соединял лишь длинный

мост. Чудовище миновало обрушившуюся стену и двинулось в обход замка. Потом стало спускаться к подножию скалы. Стопы у Эрис были – еще не успели зажить после долгого путешествия. Она придерживалась за стену, чтобы не упасть, и шипела от боли.

Они спустились в неглубокую впадину. Черная тень каменного замка заслонила их. Кругом валялись обломки мраморных колонн, на которых когда-то были фрески, а теперь почти не осталось краски. Чудовище остановилось у края пропасти.

– Когда-то здесь был ручей, – рассказало оно, кивнув на гладкие камни, нагретые солнцем. – Мне подумалось, что это место как нельзя лучше подходит для обучения магии.

Нежное утреннее солнце согревало кожу, а вот на севере полыхнула молния, осветив черную стену и неподвижное море, которое она ограждала. Тяжелые серые тучи так и не рассеялись с тех пор, как она видела их в прошлый раз. Эрис начала подозревать, что эта гроза никогда не закончится. А на юге за пропастью тянулась скалистая цепь – природная граница, отделяющая эту землю от остального мира.

– Представь, что магия – это единый источник, который питает всё и всех. Это дерево, из которого произрастает сама жизнь; оно пьет влагу, чтобы приносить плоды. И каждому доступен этот источник силы, от муравья, что копошится под землей, до облаков в небе. Большинство пользуется магией, не осознавая того. Некоторые делают это втайне и меняют ход истории – как, например, волшебники, колдуны, короли.

– Доступен каждому? – сдвинув брови, переспросила Эрис. – Почему же тогда магия так редко встречается? Я знаю только одного человека, который ее применял, но он был злодеем.

– Тем, кто не знает, как управляться с магической силой, она является в обличье шанса. Взять, к примеру, блага, которые дарит нам жизнь. У тебя ведь бывало так, что ты возносила молитвы о чем-то конкретном – к примеру, о неожиданном доходе или об исцелении возлюбленного, а потом желание точно по волшебству исполнялось?

«*Может, поэтому у Стаци все так хорошо получается*», – подумала Эрис. Ее сестра неустанно молилась в святилище, воздвигнутом в богадельне. Когда Эрис была еще маленькой и хотела

играть, она вечно мешала сестре, но Стаци всякий раз усаживала ее на коврик рядом с собой.

– Они плещутся у самого краешка безбрежного моря, – продолжил великан, – но не замечают его. А потом, нагнувшись пониже, случайно ныряют в океан чудес. Но стоит им только увидеть предмет своих желаний, они взмывают на седьмое небо от счастья и ни капли не думают о том, каким образом сбылась их мечта. Магия – это навык, который можно усвоить и отточить, главное – нрав ее обладателя. Прежде чем мы начнем, нужно усвоить единственное правило. Из моих слов важнее всего запомнить вот что: мы берем у земли, а потом возвращаем ей долг. Такова суть природы, так она восполняет свои силы. Олень погибает, чтобы насытился волк, а тот после смерти питает дерево...

– А оно умирает зимой, когда олень сдирает с него кору, – подхватила Эрис.

– Магия тоже повинуется круговороту жизни и смерти.

– Откуда ты все это знаешь? – спросила девушка. – Тоже был волшебником?

– Был. Я упал в этот океан по случайности, и у меня ушел не один десяток лет на то, чтобы постичь мерный ритм его сердцебиения. Ты же, напротив, и сама не замечаешь, как обращаешься к магии, невольно порождая жизнь. Она льется из тебя сама собой и, словно огонь, зажигает все, чего только касается. – Чудовище жестом позвало ее к самому краю пересохшего водопада. Огонь делает важный вклад в круговорот жизни и смерти, обращая все в пепел, но внутри него прячется зерно блага. Я стремлюсь укротить его, взять под контроль, превратить в силу, столь могущественную, сколь пожелаешь.

Может, ей достаточно только приказать траве расти и та повинуется? Эрис закрыла глаза, представила пышную, сочную зелень и попыталась воплотить эту грезу в жизнь. А когда открыла глаза, перед ней раскинулся тот же выжженный ландшафт. Впрочем, больших надежд она и не питала.

– А насколько сильна эта самая магия? – спросила она. – Если мне под силу выращивать цветы, могу ли я подчинять людей своей воле?

Чудовище покачало головой.

– Ты неверно представляешь ее границы. Магия – это сила, истекающая из самой природы, и воздействует она лишь на то,

что видит. Если тебе хватит воли и средств, можно победить законы земного притяжения, или, заручившись помощью земли, создать океан, или, повелевая ветром, призвать бурю. Но природе почти недоступны абстрактные понятия – к примеру, любовь и счастье, – и, если ты хочешь влюбить кого-то в себя или сделать его убийцей, тебя ждет разочарование.

Эрис уставилась на горизонт, обдумывая его слова.

– То есть магия воздействует на мир физически. Почему же тогда нельзя с ее помощью сделать так, чтобы человек поперхнулся вином из собственного бокала? Или чтобы у меня появилась незримая рука, которая будет управляться с копьем и убьет моих врагов?

Чудовище подняло палец.

– Погляди, как быстро на ум приходят разрушительные мысли, стоит только заручиться такой силой.

– Я просто подумала о том, как можно использовать ее во вред! – торопливо пояснила Эрис, вспоминая о Твари, описанной в книгах. – Тот, кто наделен властью, наверняка найдет способ ей злоупотребить.

– Совершенно верно. Если бы каждый черпал знания из этого источника, мы бы все искали свой способ их прирастить и руководствовались разными представлениями о том, как стоит применить этот дар. Я лишь единожды обмолвился, что постигаю магию, и больше не намерен так делать – из страха, что это используют против меня. Другие волшебники по той же причине умалчивают о своих способностях.

– И все же вы решили обучить меня.

– Теперь ты понимаешь, сколь велико мое доверие к тебе.

Эрис замерла, осознав всю серьезность его признания.

– Эта земля задыхается. Корни, что тянутся к океану магии, обрублены. Поэтому здесь ничего не растет и обычные семена не приносят урожая. Ты же доказала, что тебе под силу это изменить. – Оно направилось к ней, и Эрис шагнула ближе к обрыву от испуга. Чудовище понизило голос. – Возрождение этой земли для меня чрезвычайно важно, и ради него я готов рискнуть. Однако помни, что я всю свою жизнь посвятил изучению магии. Уверяю тебя, если ты меня предашь и используешь полученные знания мне во вред, месть моя будет стократной.

Эрис нахмурилась. Угроза Чудовища испугала и разозлила ее.

– Я никогда не лгу и лгать не стану. Не знаю, правда ли мне под силу возродить эту землю, как вы говорите, или попытки убьют меня, но обещания я не нарушу. Не такой я человек.

– Посмотрим, – прорычало Чудовище. Хозяин замка подошел к одной из упавших колонн и опустился на колени, уперев в них огромные руки. – Сперва надо успокоить разум, – сказал он. – Если стереть чувства, которые тебя терзают, будет проще отыскать то самое дерево, что источает чары.

Эрис медленно опустилась на колени, стараясь шипеть от боли как можно тише. От соприкосновения с землей, усыпанной пеплом, колени обожгло болью.

– Лишь отыскав источник магии внутри себя, можно сознательно использовать ее в будущем, – пояснило Чудовище. – Закрой глаза, обрати все свои мысли внутрь и дыши. – Широкие плечи великана стали ритмично опускаться на каждом выдохе.

Эрис последовала его примеру. И ничего. Она повторила попытку, стараясь дышать в ритм с Чудовищем. Заерзала, ища позу поудобнее. Царапина на лице заныла, но она подавила желание ее почесать. Интересно, сестры вообще знают, что она пропала? Может, кто-то узнал ее в толпе и видел, как она убегает. Хоть бы Виктория навещала отца в этой его мрачной гробнице. Алая роза, которую Эрис возложила на гроб, уже наверняка завяла. Может, и Стаци к нему ходит, если только у нее есть свободное время. Где же он сейчас? Отыскал ли путь к Вечному дереву? Какой вердикт вынесли ему короли? Обрел ли он покой?

Она очень по нему тосковала. Милостивые короли, как сильна была эта тоска! Как бы ей хотелось, чтобы отец вновь подхватил ее на руки, показал на звезды, поделился новой историей, заверил, что все хорошо. Она обрела свободу, как и обещала. *Все вышло совсем не так, как я думала, но я свое слово сдержала.*

– Эрис?

Девушка открыла глаза. Ресницы на миг прилипли к коже.

– Извините. – Она смахнула слезы. – У меня остался один вопрос.

– Задавай.

– Может ли магия оживлять мертвых?

– Стало быть, ты потеряла кого-то.

– Может или нет? – упрямо переспросила она.

– Настоятельно не рекомендую этого делать.

– Получается, это возможно! – заключила она, стараясь скрыть радость.

Плечи Чудовища напряженно застыли. Оно встало.

– Чтобы нарушить столь фундаментальный закон природы, нужны мощные чары и огромная сила воли. Я как-то попытался – и ничего не вышло. Я обрек на муки тех, кого хотел вернуть к жизни.

– Они стали призраками? Можно на них поглядеть? Они прячутся где-то неподалеку?

– Нет. – Чудовище постучало себя по груди. – Они внутри меня.

– Покажите!

– Нет. – Великан отступил в сторону. – Это мои дорогие друзья, которых я любил до конца их дней. Они посвятили мне жизнь, и я бесконечно это ценю. Никто – и уж тем более девчонка, которая попросту хочет оправдать оживление мертвецов, – не вправе на них глазеть.

Эрис бросилась к нему, сокращая дистанцию, которую он выдержал.

– Я вовсе не хочу оскорбить их память. И не стану просить вас его оживить. Я лишь подумала: может, если мне хватит сил, если вы научите меня, я смогу...

– Эрис...

– Я никуда не убегу, – продолжила она, не слушая Чудовище. – Я не хочу нарушать обещание, но, может, однажды... вы отпустите меня в город, чтобы я забрала его тело из мавзолея, и я вернусь сюда вместе с ним, а как это сделать, уж придумаю, если придется, понесу на себе через лес, а потом, применив знания, которые вы мне дадите, верну его к жизни...

– Это осквернение мертвых.

– А если не получится, мне довольно будет частички его памяти, – продолжила Эрис. – Надолго я его тут не задержу, просто хочу с ним немного поговорить. Сказать, что люблю его, что он – единственная радость, что была у меня в жизни.

На это Чудовище ничего не ответило.

– Ну почему! – со слезами воскликнула Эрис. – Почему вы отказываетесь?

– Твое отчаяние столь велико, что ты цепляешься за любую соломинку. Я обрек тех, кого так люблю, на муки куда страшнее смерти. Это было страшной ошибкой, о которой я и по сей день жалею. Не стоит возвращать то, что уже отняла Смерть.

Оно хотело успокоить ее, но вместо этого лишь упрочило уверенность. Эрис поняла: Чудовище – ключ к тому, чтобы вернуть отца к жизни. Она будет учиться магии до тех пор, пока не сможет сама его воскресить. Разумеется, взамен придется помочь хозяину замка – такова природа взаимной выгоды, и она не станет увиливать, учитывая, что на кону вовсе не пустяковая услуга, а воскрешение. Правда, нужно время, чтобы переубедить Чудовище, донести, как для нее важен отец. Оно не сможет отказать такой просьбе.

Я отыщу Смерть, поклялась Эрис, я одолею ее, чтобы только вернуть отца.

Глава десятая

Чем дольше Эрис просиживала у пропасти, тем сильнее делалось ее беспокойство. Царапины зажили, рана на лице затянулась – теперь на коже остался лишь розовый шрам. Движения больше не отдавались болью, и потому она теперь еще больше ерзала по утрам. Чудовище сидело рядом неподвижно, пока Эрис считала секунды, завидев солнце, встающее над горизонтом. Она часто сбивалась со счета, вспоминая о покосившейся двери или даже – короли упасите! – об отце, и едва сдерживала слезы. Тогда Чудовище делало ей знак, и урок заканчивался. Они расставались до следующего утра. После завтрака в Большом зале великан всякий раз приветствовал ее.

Днем Эрис обыкновенно бродила по пепельному лесу, пристально рассматривая иссохшую растительность. Как-то раз она набрела на большое ущелье. Скалы высились над заливом, окружавшим замок. Спуститься оказалось несложно. Гладкие камни у подножия намекали на то, что когда-то меж ними текла вода. Скалы тянулись вдоль обрыва, и на них, точно шрамы, еще виднелись безжизненные корни ползучих растений.

К ночи девушка возвращалась, ориентируясь по звездам. В первый раз при виде очертаний замка она невольно остановилась. Никто никогда не упоминал об уединенном королевстве за горами. В Храме она на зубок выучила историю Тингара и местного бога в облике морского конька, которого здесь очень почитали, а еще описание Йоннерских гор, окутанных дымом и пылью. Но о таком она точно не слышала. Словно вовсе и не существовало на свете замка, лежащего в руинах и занесенного песком, и его хозяина, который ничем не правил.

А впрочем, какая разница? Что ей даст очередная глава из учебника истории, краткий эпизод в летописи бесконечного времени? Никакие рассказы не вернут отца. А вот магия, которой ее учит Чудовище...

После переезда в город она почти не обращалась к созвездиям, но Полярная звезда – этот сияющий бриллиант посреди космоса – никуда не делась. Здесь она светила даже ярче, чем в городе с его факелами. Даже если Эрис оказывалась под деревьями с такими толстыми ветвями, что те закрывали небо, она всегда находила дорогу к темному силуэту замка по отблескам молний, вспыхивавших к северу. Намечая путь, она радовалась свободе, пускай и небезграничной, и вместе с тем с благодарностью думала о том, что в замке ее ждут постель и ужин.

Первое время она боялась, что прогулки по лесу внушат Чудовищу опасения, что она собралась бежать. Однажды вечером она застала великана у входа в замок, но не успела и слова промолвить, как он нырнул в темноту. С тех пор он ни разу ее не ждал.

Хозяин замка многое для нее делал, а она никак не могла выполнить его единственную просьбу. Похожее чувство Эрис испытывала, когда разочаровывала Викторию. Ей предстояло поучаствовать в ритуале, к которому у нее не было никакой склонности, и не по своей воле.

– Кажется, все это без толку, – сказала она как-то утром, набравшись смелости. В ответ она ожидала услышать что-нибудь вроде «Так и должно быть» или «Привыкай» – эти слова ей часто твердила Виктория, точно Эрис была расплавленным свинцом, который заливают в форму.

– Почему ты так думаешь? – отозвалось Чудовище.

– Я ведь просто сижу и смотрю – или впадаю в дрему. И толком не понимаю, что мы делаем. Я пыталась заглянуть внутрь себя, вообразить древо, но чем дольше сижу, тем глупее себя чувствую.

– Что же ты предлагаешь? – дружелюбно и легко спросило оно.

– Сама не знаю, – призналась девушка, изумленная тем, что ему интересно ее мнение. – Я ведь даже не понимаю, что нужно найти. Просто думаю о... – Она осеклась, решив не делиться своими грезами.

– Давай тогда пойдем другим путем, – сказал Чудовище и сделало ей знак последовать за ним в замок. – Что толку

медитировать, если чувства, от которых надо избавиться, только усугубляются?

Великан начал подниматься по лестнице, а вот Эрис не двинулась с места.

– В чем дело? – спросил он, обернувшись.

– Меня... меня прежде никто не слушал.

– Магия податлива. Каждый чародей применяет ее по-своему. Настаивая на каком-то конкретном способе, я бы только излишне усложнил тебе задачу. – Он нетерпеливо постучал когтями по каменной ограде. – Не стоит так удивляться тому, что я подстраиваю под тебя наши уроки, это не мешает делу. А теперь пойдем. – Он снова привел ее в замок. Они пошли по коридорам, и шагал великан непривычно медленно. Эрис поспевала за ним, радуясь, что помогает искать место для занятия.

– Почему ты сбежала из города? – спросило Чудовище.

– Соскучилась по деревьям и звездам. По тишине. По дому.

– Разве твой дом не в городе?

– Нет. Мы раньше жили на ферме. Мне хотелось туда вернуться.

– И семья тебя не остановила? – оно задавало вопросы быстро, один за другим, точно выискивало что-то в ее истории.

Лукавить не стоило.

– Они ни о чем не знали. Я сглупила: отдала голодному беженцу деньги из городской казны. Он бы умер без моей помощи. Тогда Виктория пригрозила, что посадит меня в тюрьму за предательство. Этого я бы не вынесла. Тем более после смерти моего... нашего отца.

– Так вот кого ты потеряла. – Голос Чудовища смягчился. – Что же было дальше?

– Я сбежала. А когда добралась до фермы, оказалось, что ее больше нет.

– К такому ты оказалась не готова. Вскоре тебя замучил голод, и ты решила пробраться в мои владения.

– Я тогда особо не думала.

Великан склонил голову набок.

– Ты это часто повторяешь. Скажи, а ты всегда повинешься порыву?

Эрис пожала плечами, стараясь сохранять самообладание.

– Я тогда ничего не чувствовала. После смерти отца жизнь стала невыносимой.

Шаги Чудовища стали шире. Эрис пришлось перейти на бег, чтобы не отстать.

– Расскажи подробнее, – попросил великан.

– Ну... Это все равно что открыть глаза и ничего не увидеть. А потом зажмуриться и понять, что ничего не изменилось. – Девушка тряхнула головой. – Нет, конечно, я различала цвета, ароматы, людей, но все казалось каким-то ненастоящим. Я была точно грифельная доска, с которой стерли надписи. Вся моя жизнь сводилась к тому, чтобы расхаживать туда-сюда по храмовой лестнице из девяти сотен ступенек. По утрам я просыпалась и жалела об этом, потому что должна была жить жизнью, которой совсем не хотела.

– Какая несчастная жизнь, – проговорило Чудовище.

– Я страшная эгоистка, сама понимаю. Сестры трудились не покладая рук, чтобы только вытащить нас из бедности. Стоило бы радоваться, но не получалось.

– Что ж, тогда сегодня посвятим урок вот чему. Пройдемся.

Эрис нахмурилась.

– Уж ходить-то я прекрасно умею... – Тут она обо что-то споткнулась и едва не упала. Перед ней простерлась равнина, покрытая песком, гладким, как лед. Хозяин замка провел ее широкой тропой под островерхой аркой, которая теперь осталась позади. Похожая была в городе, только она не стояла отдельно посреди пустыни.

– Когда вытягиваешь ногу, мышцы расслабляются и сокращаются, – заметило Чудовище. – Возможно, сперва ты встаешь на пятку, а потом переносишь вес на пальцы. А может, сразу на всю стопу. Обрати внимание, как один-единственный шаг влияет на все тело. Как смещается его тяжесть, как движутся руки. Отследи каждую мысль, что проносится в голове.

– Чем же мне это поможет?

– Я хочу, чтобы ты приучилась мыслить. Ты так долго пробыла в краю скорби, что твоя жизнь стала бездумной. Тебя заботило лишь одно – как выжить, повинаясь порыву и инстинкту. Теперь же можешь свободно гулять по замку или лесу, держа в памяти этот урок. Подумай

о собственном существовании. Есть ли внешний мир, нет его, не столь важно.

– А как вы открыли для себя магию? – спросила девушка. – Неужели пережили что-то похожее?

Чудовище опустило голову, выставив рога вперед. Казалось, оно пытается что-то припомнить.

– Я нырнул в ее пучину еще в детстве. Это было суматошное время, и часто приходилось перебираться с места на место. Однажды я сбежал к ручью, чтобы отвлечься от всей этой суеты, пускай и ненадолго. Вдохнул поглубже и взглянул на эту землю по-новому, и тогда во мне разлилось тепло. Я увидел бескрайний черный океан, увидел, что нахожусь в самом его центре. Кругом было невероятно тихо. Я парил над самой водой, боясь ее потревожить. Она простиралась до горизонта – сколько ни беги, края не увидишь. И я подумал: а какой этот океан? Холодный или теплый? Отхлынет ли вода от меня или прильнет, если к ней прикоснуться? И, как всякий любопытный ребенок, решил это проверить – вытянул ногу и опустил в воду палец. От него тотчас же побежали круги – я насчитал их семь. Пока они разбегались, небо надо мной заложило тучами. А потом мне на щеку упали капли, и я невольно зажмурился. А когда открыл глаза, обнаружил, что из-за меня начался шторм.

Пока он рассказывал, Эрис склонилась к нему поближе, пытаясь представить его мир.

– Как красиво, – тихо проговорила она. – Вот бы и мне так уметь.

– Слово «пробуждение» кажется мне самым подходящим, чтобы описать то, что случилось. Я перестал управлять магией – я *сам* стал ею. Такие мгновения редки и мимолетны. Даже после пробуждения я еще долго приручал магию. Старательно изучал, как она воздействует на мир, как подарила нам жизнь. И только благодаря скрупулезным экспериментам смог наконец с ней совладать. Пробуждение у каждого свое, и я не могу предсказать, что почувствуешь ты. Не исключено, что это слово вообще покажется тебе крайне неточным. Больше, что я могу сделать, – это объяснить, как идти к цели, и надеяться, что ты до нее доберешься.

– Доберусь ли?

– Если хочешь оживить эти земли, придется. Тут понадобится очень мощная магия.

Больше откладывать разговор об облике Чудовища было нельзя. Если оно обязано им магии, лучше ей узнать об этом заранее.

– Скажите... а уж не из-за ваших экспериментов с магией приходится... прятаться под плащом?

Чудовище переступило с ноги на ногу, вперив взгляд в землю.

– Нет. Просто я считаю, что мне лучше себя скрывать. Это зрелище не для каждого.

– Я не боюсь, – выпалила Эрис, хотя по спине пробежал холодок.

Чудовище опустило голову еще ниже, опять наставив рога на пустыню.

– А я – да.

Эрис скользнула взглядом по плащу великана. *Чего он боится? Или кого?* Уж точно не ее. Ему под силу в любой момент оборвать ее жизнь. Да, она тут точно ни при чем. Ему причинили боль в прошлом, но кто и какую?

Эрис отвернулась. Ей стало так жалко великана, что екнуло сердце. Наверное, лучшее что сейчас можно сделать, – это научиться магии. Тогда она сможет загладить свою вину и не усугублять его несчастье.

Девушка вытянула ногу и уперла стопу в песок. Сперва он казался твердым и прочным, но стоило ей сделать второй шаг, и нога провалилась куда глубже, чем она ожидала. Она по самые локти потонула в рыхлом песке, и только потом ладони нащупали камень. В рот набились песчинки. Эрис дернулась назад, отплеываясь, и упала на спину, взметнув в воздух песчаное облако.

Она с трудом поднялась на ноги. Откашляться все никак не получалось. Чудовище приблизилось к ней. Его ноги не оставили на песке ни следа.

– Попробуем еще раз, – предложил великан. – Вспомни, о чем я говорил.

Страхнув с себя всю пыль, Эрис снова встала на камень. Прежде чем сделать новый шаг, она замешкалась и стала осторожно ощупывать землю стопой, дожидаясь одобрения Чудовища. Оно кивнуло, и девушка продолжила начатое, надеясь, что ощупью сможет отыскать то, что не видно глазу.

Глава одиннадцатая

Дальше потянулась череда болезненных дней. В один из них Эрис, постучав по песку стопой, нащупала небольшой каменный островок, который обнаружила еще вчера. Она осторожно надавила на него, проверяя, не осыплется ли он под ее весом. Глубокая царапина на бедре служила напоминанием о недавней неудаче.

Левая нога нащупала вытянутый, заостренный камень – наверное, сталагмит – не шире ладони. На роль прочной ступени он не подходил, так что Эрис стала ощупывать пространство вокруг, пока правое бедро не заболело под весом всего тела. Встать было больше не на что. Эрис вытянула ногу вперед, надеясь найти еще какую-нибудь опору. Но тщетно.

Досадливо прорывав, она взвесила варианты. Можно вернуться к арке и поискать новую тропу или рискнуть и встать на сталагмит. Возможно, балансировать на нем придется всего секунду, а потом она быстро найдет следующую ступень. Девушка напрягла ноги на случай, если упадет, – чтобы случайно не подвернуть лодыжку.

Потом, выдохнув, она осторожно оперлась одной ногой на самую верхушку остроконечного камня. Все мышцы натянулись, точно струны, по спине заструился пот, но тут же впитался в ткань рубашки. В тот миг она думала лишь о себе, напрочь позабыв и о городе, и о сестрах, и о Чудовище. Ее заботило лишь одно: как бы найти следующую опору?

Движение оказалось слишком быстрым. Мир вокруг нее пошатнулся.

Эрис запомнила траекторию своего падения – ее отбросило влево, а рука задела камень. Тело обмякло. Ослепленная песком, она нащупала

сталагмит, уцепилась за него и выбралась из ямы.

Пустыня только усиливала беспощадно яркий свет солнца – Эрис такого еще никогда не видела. Сощурившись, она принялась снова щупать ногой песок, предательски осыпавшийся под ней, раскидывая его в стороны. Она вновь искала опору.

Тщетно.

* * *

Пощипывая царапину на руке, она нырнула под арку, где ее уже ждало Чудовище. Эрис наслаждалась болью – избавиться от этого рефлекса никак не получалось. Констанция часто ругала ее за это, велела не тревожить раны, но так и не смогла отучить.

– Меня болтало как кошку, которая упала в воду, а плавать совсем не умеет, – проворчала девушка, стряхивая песок с доспехов.

Чудовище фыркнуло, и кожу Эрис обдало холодным дыханием. Кажется, она его насмешила. Но эта веселость мгновенно улетучилась, стоило великану увидеть из-под капюшона рану на руке девушки. Царапина ярко алела на коже.

– Нужно ее перебинтовать, – сказала Чудовище. – Пойдем.

Они не стали возвращаться в Большой зал, вместо этого Чудовище свернуло с каменной тропки. Если Эрис могла ориентироваться лишь по руинам и песчаным дюнам, оно ни разу не сбавило шаг. Великан превосходно знал замок и его окрестности.

– Сколько же вы тут живете? – любопытствовала Эрис.

– Многие века, – серьезно ответил он. – Я бессмертен.

Эрис резко остановилась.

– Бессмертны?

– Я забрал у тебя оружие по одной простой причине: бессмертие не избавляет от боли, – пояснил он. – Да, я никогда не умру, но перерезанная артерия – штука не из приятных.

Стилет, тонкая кожаная броня, деревянное кресло – и этим она хотела защититься от бессмертного существа! Эрис расхохоталась бы, если бы не пот, выступивший на ладонях.

– Я думала, бессмертия не бывает. В книге...

– Всё так. Насколько мне известно, я единственный, кто смог его достичь. Наверняка в этой твоей книге оно названо порочной формой магии.

Эрис робко улыбнулась.

– Так называют всё противоестественное. Наверняка и бессмертие тоже.

Чудовище одолело смерть, но не хочет учить ее тому, как вернуть отца. Впрочем, неудивительно: любой здравомыслящий чародей оставил бы такие знания при себе. Будь она, Эрис, способна на такое, оно бы ее убило. Надо убедить его в том, что вечная жизнь ее саму ни капли не интересует, вот только на это нужно время. А когда отец вернется, она попросит прощения. У Чудовища и у богов. *Завтра.*

Они добрались до незнакомого Эрис крыла замка – нескольких строений из черного кирпича, которым уступали в высоте даже городские ворота. Каждая колонна здесь была украшена горельефами. Один изображал воина в доспехах, который гнался по лесу за оленем, другой – сражение двух королей (голова у одного из них была бычьей). Часто встречалась фигура дамы с телом скорпиона – той самой, которую Эрис уже видела в Большом зале. Ее длинное тело обвивалось вокруг трупов и языков пламени, что тянулись позади коронованных воинов. *Это Смерть*, догадалась Эрис.

Чудовище задержалось у порога.

– А что еще сказано в твоей книге про магию и бессмертие?

– Что магию использовала Тварь. Это неотесанное, дикое существо, обитавшее в лесах и пожиравшее горожан, – пояснила Эрис, судорожно думая о том, как бы вернуться к теме воскрешения. – Оно было до того ненасытным, что как-то раз попросило у двух королей еще еды, а когда получило отказ, разрушило город своей магией.

Чудовище распахнуло железные двери и стало спускаться по каменной лестнице.

– Чтобы собрать армию, Тварь посулила людям власть и богатства, – продолжала Эрис, стряхивая с обуви песок. – Вот только это была ложь – Тварь никогда не говорила правды. Магия была использована во вред, и двум королям пришлось положить конец распространению столь опасного знания. – Эрис нервно рассмеялась. –

Честно говоря, меня бы уже казнили, если бы узнали, что я учусь у вас магии. Даже Виктория меня бы не спасла.

– Тем больше причин не возвращаться, – подметил великан. – Ведь в твоём городе сеют ложь, чтобы внушить страх.

Эрис кивнула. Она понимала: все это временно. От Чудовища ей нужно только одно – знание, которое поможет вернуть отца. А потом они с отцом смогут отправиться куда угодно, подальше от города. Тогда и только тогда она обретет свободу.

– Странно, что Тварь, про которую ты рассказываешь, решила поселиться в лесу и питаться человечинной, – заметило оно. – Зачем терроризировать местных жителей, если можно построить свой дом и кормиться тем, что выращиваешь сам? В те времена это было осуществимо.

Эрис подавила смешок, на краткий миг позабыв о своих планах. Чудовище производило впечатление образованного аристократа.

– Вы когда-то были королем или принцем, – предположила она и пытливо взглянула на великана.

За ржавеющими дверями их ждала маленькая комнатка, заваленная узорчатым бархатом и синим шелком. Удивительно, но на ткани совсем не было пыли. В углу высилась башня из переполненных сундуков. Из их приоткрытых челюстей вываливались платья и шелковые рубашки. Должно быть, отсюда же бралась и одежда, которую Эрис находила у себя на кровати каждое утро.

Чудовище подошло к глубокой полке, набитой льняными рулонами, и оторвало когтями несколько узких кусков.

– Королем, – промолвило оно и вышло из комнаты.

Дальше они вошли в огромный старинный зал. Вдоль стен высились шесть гигантских статуй. Лица у них были человечьи и удивительно натуралистичные – разве что мелкие выбоины на камне напоминали о том, что это лишь скульптуры. Каждую фигуру венчала корона – либо высокая и островерхая, либо квадратная и приземистая. Солнце пробивалось в зал, но глаза истуканов оставались в тени и словно мрачно следили за Эрис. Девушка невольно содрогнулась.

– Расскажи мне подробнее о городе, ненавидящем магию, – попросило Чудовище. – Ты упоминала, что там есть золотые статуи. Кого они изображают? Саулоса и Ананоса, тех самых королей, которым вы поклоняетесь?

Подошвы ботинок Эрис стучали по мраморному полу, поднимая в воздух облачка пыли.

– Почти все фрески и статуи посвящены историям из книги. На площади есть монумент в память о том дне, когда короли зарубили Тварь. Он самый большой в городе.

– А эти самые короли еще живы?

Эрис расхохоталась.

– Конечно нет. Они умерли триста лет назад.

Чудовище резко остановилось и задержало взгляд на узких окнах.

– А в книге рассказывается об их смерти? – спросило оно. Голос стал чуть тише.

– Вы их знали? Вы же бессмертный, значит, застали их правление.

– Я знаю лишь то, что происходит на моих землях, – ответило Чудовище, перебирая льняные ленты.

Должно быть, это означало «нет».

– В книге сказано, что они дожили до глубокой старости и были мудрыми правителями. Они ладили друг с другом и разделяли обязанности так, чтобы обладать равной властью. У Ананоса было много партнеров, но первой женой стала Селена. У пары родилось трое детей. Саулос же был близок с одним из своих подданных, Теосом.

Плечи Чудовища задрожали. Эрис показалось, что оно смеется.

– Что такое?

– Да так, эта история напомнила мне мою собственную, – ответило оно. – А что стало с городским управлением после смерти братьев?

– До появления совета происхождение определяло, кто займет королевский трон, – пояснила Эрис, припоминая, о чем говорилось в книге. Статуи в зале казались ей куда интереснее, чем истории, о которых ее спрашивало Чудовище. Она сощурилась, пытаясь рассмотреть, что же изображено на одном из постаментов, и разглядела процессию из мужчин одинакового роста и в коронах. Под статуями каждого короля тянулось еще по веренице изображений. Чаще всего среди них встречались лошади и пшеничные колосья. Под одним из правителей виднелись окровавленные копыта, под другим – три замка, под третьим – ничего.

– Ананос настоял на том, чтобы оставить такой порядок в прошлом, – продолжала Эрис, – так появился совет. Ананос умер первым. Рассказывают, что он роздал свою последнюю милостыню,

вернулся домой и мирно скончался у себя в постели. Еще несколько лет Саулос правил один, а Теос поддерживал и утешал его, но с годами королю стало сложно справляться с повседневными обязанностями, и он стал передавать их совету. Еще про братьев говорили, что они были словно одно целое. Когда Ананос умер, Саулос будто утратил половину собственной жизни, но однажды ночью его страданиям пришел конец. С тех пор королевский трон пустует. Городом управляет совет вместе с Верховным священником – с ним обсуждаются все вопросы.

Чудовище продолжило путь.

– Ты упоминала Верховного священника еще в самом начале. Чем он вообще занимается?

– Бахадус выступает от лица совета и возглавляет Храм, – пояснила Эрис, прибавив шаг, чтобы нагнать великана. – Сколько я себя помню, он всегда занимал эту должность. Он уже глубокий старик, а еще типичный представитель Верхнего квартала, но он мне нравится. Когда он взял Стаци себе в помощницы, он помог нам выбраться из бедности, но, думаю, даже она понимала, что ей не хватит жесткости, чтобы стать Второй. А вот Виктория уговорила его выбрать себя.

– Ваши короли – боги, – со смешком проговорило Чудовище, когда они проходили под аркой, ведущей в знакомый сад, к огромному черному дереву, склонившемуся под собственным весом. – Как иронично. Умереть, чтобы стать бессмертными.

«Иронично – не то слово, – подумала Эрис. – Вы вот живете вечно, но никто вас не помнит».

Чудовище уселось под крючковой ветвью согнутого дерева, достало из рукава маленькую деревянную миску и положило на землю.

– Я провожу тут почти все свое время, – сказал великан. – Как-то утром мне подумалось, что сад, выращенный своими руками, может стать мостиком, который снова соединит мои земли с природой. Несколько десятилетий я пытался его оживить. Может, все дело в том, что я не человек. – Он тихонько засмеялся.

Ужас пронзил сердце Эрис. Ее задача – исправить собственную ошибку, а не использовать великана в своих целях. Он был учтив и вежлив, и с людской точки зрения обладал безупречными манерами, хоть и настаивал на том, чтобы его звали Чудовищем. Сестры за всю

жизнь не окружили ее таким пониманием, как он за те несколько недель, что Эрис успела прогостить в замке. Девушка прикусила губу. Долой чувство вины. Оно лишь навредит планам. Нужно научиться искусству воскрешения, возродить жизнь на местных землях и вернуть отца.

Чудовище склонило голову. Из-под рукава его бархатного плаща показалось изумрудное сияние. Рука задрожала, дыхание стало тяжелее – точно это великан поранился, а вовсе не Эрис. Девушка притихла, рассудив, что не стоит сейчас его отвлекать, но при виде яркого света удивленно округлила глаза. Чудовище задержало руку над деревянной миской. Из-под бархата вниз по руке заструился зеленоватый дым. Он собрался каплей на самом кончике когтистой лапы и упал в сосуд. Следом упала еще одна капля, а потом еще. В воздух взвился запах алкоголя.

– А нельзя исцелить меня напрямую? – спросила она.

– Если бы я мог, я бы так уже сделал, – ответил великан, едва заметно кивнув на свою когтистую лапу. – Увы, придется довольствоваться тем, что есть. – Он макнул в миску льняной лоскут.

– Выходит, этот зеленый свет и есть ваша магия?

– Совсем наоборот. Он мешает мне использовать магию в полную мощь.

– То есть ограничивает вашу силу?

– В некотором роде, – подтвердило Чудовище, отжимая лоскут.

– *«В некотором роде»*, – посмеиваясь, повторила Эрис и потянулась к миске. – Неудивительно, что вы разговариваете так официально, раз живете целую вечность...

Когтистая лапа взметнулась с молниеносной скоростью.

Эрис вскрикнула. Она торопливо потянулась к ботинку, хотя оружия в нем уже не было.

Но нападения не последовало. Чудовище отшатнулось. Еще несколько мгновений они сидели на расстоянии друг от друга, позабыв в суматохе про сосуд с алкоголем.

– Прошу прощения, – наконец нарушив тишину, проговорил хозяин замка. – Не люблю, когда ко мне прикасаются. Когда такое в прошлый раз случилось... – Он скользнул пальцами себе по горлу. – Впрочем, не важно.

Эрис крепче вцепилась в ботинок. От страха к горлу подкатил ком.

– Изви... ните, – выдавила она из себя.

– Ты цела?

Девушка кивнула и села чуть дальше от миски. В этот раз она уже не стала к ней тянуться, а просто подняла руку ладонью кверху.

– Можно? – начала она, ожидая, что он сам проявит инициативу.

Великан положил кусок льна ей на руку, тщательно проследив за тем, чтобы бархат его плаща не коснулся Эрис. Она протерла тканью глубокие царапины, смыла гной и засохшую кровь. От алкоголя кожу тут же защипало. Девушка задышала глубже. *Он не любит, когда к нему прикасаются*, повторила она про себя. Не стоит больше к нему приближаться, не нужно делать резких движений.

– Ты умеешь обрабатывать раны, – подметило Чудовище – великан явно хотел перевести разговор в более мирное русло. – Значит, ты врач?

Эрис покачала головой.

– Стаци – врач, она вместе с Сивасом лечит пациентов в богадельне. – Голос у девушки по-прежнему дрожал. – В детстве я очень хотела ей помогать, но в основном обрабатывала раны и мозоли путешественников. Когда богадельня только открылась, у нас толком ничего не было, так что вместо спирта мы использовали колодезную воду. У нас не хватало денег даже на то, чтобы ее вскипятить. Большинство пациентов, которым я помогала, поправились, но, думаю, дело еще и в том, что Стаци пыталась оградить меня от тех, кто был серьезно болен. Ими они с Сивасом занимались вдвоем. – Девушка еще раз провела тканью по рукам и коленям.

– А что случилось, когда ты повзрослела?

– Я стала служить в гвардии.

– Странное занятие для человека, который любит тишину.

– Так получилось, – пожав плечами, сказала Эрис. – Стаци и Сивас собрались играть свадьбу, богадельня переполнилась из-за неурожайных лет. Больше я там оставаться не могла. Виктория в то время уже поднималась по служебной лестнице, и мы с папой перебрались к ней жить. Она-то и предложила мне вступить в гвардию, чтобы принести городу пользу. – Девушка вздохнула. – Они обе твердо знали, чему хотят посвятить свою жизнь. А я думала лишь об одном – как бы вернуться домой.

– В городе, наверное, есть деревья, – задумчиво и удивленно произнес великан. – И утреннее небо с ночным не спутаешь.

– Когда я была маленькой, я очень любила гулять в нашем лесу, но сейчас от него почти ничего не осталось. В городе вечно идет стройка, и там постоянно нужна древесина – как топливо и стройматериал, а еще для изготовления инструментов и строительных лесов. По ночам там горят факелы, так что из окна моей спальни и горстки звезд не увидеть.

Чудовище неодобрительно прорычало:

– Природа – источник всякой жизни. Разлучиться с ней поневоле – незавидная участь.

Эрис улыбнулась, радуясь, что удастся сохранить серьезность.

Увядавшие стебли безжизненно повисли на железных треногах. Сад немного изменился с тех пор, как она тут оказалась. Эрис не узнавала эти новые растения с голыми черными стеблями. Она отчетливо помнила только дерево в самом сердце сада, поникшее под собственным весом, и бутоны роз, случайно пробужденные ею к жизни.

Если Чудовище настоит на том, чтобы она использовала магию во благо, возможно, со временем она проберется в город и поможет ему втайне от всех. А когда сад опять зацветет, она возродит лес, и тот вновь раскинется до самой их старой семейной фермы. Потом Эрис отстроит их домик, и пшеничные поля начнут приносить обильный урожай. А вот покосившуюся дверь она чинить не станет.

И воскресит отца.

Глава двенадцатая

Эрис снова приснилась стеклянная пустыня, только если в прошлый раз с неба лился ослепительный солнечный свет, теперь оно скрывалось за густым облаком серого дыма. Над горизонтом подрагивало оранжевое марево.

Розы уже не горели. Но стоило Эрис подойти к раскидистым кустам в поисках детей, она вдруг поняла, что прежде видела совсем другие цветы. Стебли разрослись до чудовищных размеров и оплели весь Кешгиум. Бутоны же стали крошечными, зато шипы так удлинились, что легко могли проткнуть насквозь неосторожного наблюдателя.

Стекло замерцало, и перед Эрис появились человечьи фигуры: призраки в белых рубашках, прозрачные, будто мушиные крылья, воспарили над землей. Стражники и гвардейцы – их Эрис узнала по гербу с Вечным деревом – выплеснули из ведер что-то черное в трещину, из которой росли розы. Вязкая жидкость тут же окутала корни.

Снова деготь.

– *Остановитесь*, – взмолилась Эрис, но призраки ее не услышали. Они лили деготь, опустошая ведро за ведром, и он, точно черный муссонный дождь, в конце концов переполнил трещину. Обойти толпу было невозможно, так что Эрис протиснулась сквозь нее. Пускай люди и казались призраками, плоти они не лишились – в нос девушке ударил запах их кожаных доспехов, а кончики пальцев коснулись грубых льняных рубашек.

Эрис приблизилась к толстым ветвям, и они задрожали.

– *Ты нас бросила*.

– Я не сумела остаться, – ответила она. – Вы целы? Как мне остановить этих людей?

– Мы ослабели, так ослабели, что ничего не можем сделать. – Юные голоса с каждой секундой становились глубже, стремительно старели. – А ведь наш король создал нас из ничего.

– О чем вы говорите? – спросила Эрис. – Кто он, ваш король?

– Старшая... – начал мальчик (вернее, уже мужчина?), казалось, он повторяет какое-то пророчество, – так старательно ищет повсюду злой умысел, что и не замечает, до чего покорна.

– Вторая, – продолжила другая роза, – сильнее и слабее всех. Она не слушает мир вокруг и вполне довольна жизнью в невежестве.

– А ты, – хором заключили они, – самая неудержимая, ты говоришь громче всех, но не ударишь и палец о палец, чтобы нам помочь.

– Я не знаю как! – воскликнула Эрис натянутым от отчаяния голосом. – Мне очень, очень жаль!

– Не нужны нам твои извинения. Что от них толку!

Розы затрепетали. С их веточек посыпались листья. Стоило им приземлиться, и их охватывала дрожь, а потом из сердцевины каждого вырывались черные петлистые стебельки и уходили корнями в стеклянную твердь, разбивая ее.

– Прав был наш король, – рявкнул мальчик. – В сияющем городе нет и капли добра.

– Да, сияние – это лишь маска, – подтвердила девочка, а под ней таятся все та же грязь, жестокость, себялюбие.

Стебли ринулись вперед и слились в густую черную массу. Некоторые призраки не успели вовремя отлететь, и черные шипы пробили их прозрачные легкие тела, словно камни – паутинку. Их очертания стали расплываться, а вскоре и вовсе исчезли.

В толпе стали раздаваться крики. Дети вцепились в призрака, парившего перед Эрис, и подкинули его в воздух. Ветви впились в его бледную кожу, а черный стебель сдавил горло. Призрак всхлипнул – пискляво и жалобно, – но эта ничтожная попытка сделать вдох не увенчалась успехом. На доспехи Эрис капнула кровавая пена.

– Прошу, перестаньте! – взмолилась она.

Толпа поддавалась панике и ударилась в бегство. Люди спотыкались, налетали друг на друга, и вскоре неподалеку уже выросла целая стена

извивающихся тел. Некоторые пытались ее перелезть. Колючие стебли не отличали солдат от гражданских и давили всех на своем пути. Вокруг с каждым мигом все выше росли горы трупов. Бежать было некуда.

Ветви нацелились на Эрис, и она потянулась в ботинок, ища свой кинжал. *«Треклятое королевство!»* – ругнулась она, готовясь к удару. И как ей вообще ума хватило отдать свое единственное оружие?

Но тут деготь под розами загорелся. Стеклянная твердь разлетелась на осколки, и между Эрис и цветами разверзлась пламенеющая пропасть. Те из призраков, которых еще не успела задавить колючая ветвистая масса, взмыли вверх. Их кожаные доспехи задымались, а льняные рубашки вспыхнули.

Розы вздрогнули, налетев на преграду. Огонь под ними мучительно медленно поднимался, сжирая тела. Стебли и лепестки съежились от жара. Розы и люди, отрезанные стеной огня, истошно кричали, но густой черный дым приглушал их голоса. У Эрис перехватило дыхание.

– *Мы столько сделали для твоего отца,* – прошипели близнецы, – *и вот чем ты нам отплатила!*

Она проснулась, судорожно и хрипло вздохнув, и закашлялась на своей кровати с пологом под вышитым одеялом. Камин у дальней стены слабо потрескивал. От остывающих угольков исходил сероватый дым и растекался по комнате.

Эрис нашла кочергу и стала тушить ею остатки огня. Во сне розы убивали горожан. Неужели город в опасности? Что грозит ее сестрам? Как розы помогли отцу? Или это все – какая-то метафора, пророчество, которое она не может понять?

Эрис принялась щипать себя за царапины. Боль принесла облегчение, но мучительные вопросы, от которых все внутри сжималось, никуда не исчезли.

Вряд ли это просто сон. Скорее всего, здесь не обошлось без магии, а Чудовище прекрасно в ней разбирается. Наверняка оно что-то знает.

Великан стоял на коленях у земляной горки в углу сада. На ней лежало три камня – они служили надгробием. Инструментов для того, чтобы вытесать настоящее, в замке не было.

Здесь они похоронили маленькую пантеру. После этого Эрис лишь один раз сопровождала Чудовище к могиле – само ее существование пробуждало в девушке чувство вины, а тишина, царящая здесь, неумолимо напоминала об отце.

Чудовище соединило ладони, потом повернуло одну из них к могиле, вытянуло могучую руку, а потом опустило. Кончики пальцев коснулись земли. Похожие движения Эрис видела в Храме, когда священники проводили службы в память о смерти королей. Они раскрывали ладони, кланялись до самого пола, совершая древние ритуалы, которых никто из горожан уже не помнил.

Эрис решила не отвлекать Чудовище от молитвы и сосредоточила свое внимание на черной колючей ветви, которая оплела прочный деревянный колышек, воткнутый в землю. Девушка рассеянно погладила стебель и поморщилась, когда шипы царапнули кожу, оставив после себя розовую полосу. Царапина была совсем неглубокой – даже кровь не выступила, но руку все равно пронзила боль.

И думать забудь. Ты убила его пантеру. Лучше уходи, он ведь даже не заметит.

За развалинами замка высились горы. Где-то в безжизненном лесу у границы таилась расщелина – путь в город, к сестрам.

«Свобода, свобода, свобода!» – опять прокричал голос у нее в голове.

Но девушка отогнала эту мысль.

Как знать, может, ей сейчас пригодится урок, усвоенный среди развалин. Девушка зажмурилась. Биение ее сердца через кончики пальцев передалось и стеблю. Она взяла его, оглаживая жесткую, точно кора дерева, поверхность. Отыскав местечко, где шипов было поменьше, она осторожно сжала стебель.

И тут на омертвевшей ветке появился маленький бутон с алой сердцевинкой.

– Получилось! – ахнув, воскликнула Эрис.

Чудовище беззвучно подскочило к ней – лишь тихий шорох плаща возвестил о его приближении. Великан склонился пониже, чтобы рассмотреть цветок, и радостно вскрикнул.

– Это и есть пробуждение? – спросила Эрис.

Чудовище покачало головой.

– Но это все равно достижение.

Девушка театрально простонала. Она понимала, что путь будет нелегким, но досадовала, что не получилось мгновенно достичь успеха.

– На то, чтобы освоить магию, нужно время, Эрис, – с терпеливой улыбкой пояснил великан. – Нельзя пробудиться так быстро.

– Но как я узнаю, что это произошло? Вдруг все уже случилось?

– Ты его не пропустишь. Продолжай трудиться, не забывай наши уроки, и все получится.

Девушка снова взялась за ветку и погладила ее, мысленно приказывая бутону раскрыться сильнее, но нетерпение отвлекало, и ничего не вышло.

– А что это за цветы? – любопытствовала она.

– Алые розы.

Она кивнула на другие кусты.

– А там?

– Несколько видов того же цвета.

Ей вспомнились дикие розы, которые расцвели в саду за их домом, оплели стеблями стены и даже закрыли ей окно. Алый оттенок бархатистых лепестков того цветка, который она сорвала для отца в день его смерти. Такой же, как у бутона, что она теперь держала в руках. Значит, отец здесь бывал. *Да, наверняка.*

– А у вас тут не было гостя десять лет назад? – спросила девушка.

– Для меня времени не существует, но ты права. До тебя у меня гостил лишь один человек.

– Мужчина, стройный и жилистый, с огрубевшей смуглой кожей. Рубашка из пеньки в грязных пятнах. Редкие волосы на висках. Приступы кашля.

– Да, верно. – Чудовище выдержало паузу, с любопытством посмотрело на Эрис. – Ты его знаешь.

– Да. Это мой отец.

– В ту ночь я почувствовал, что завеса между нашими мирами разорвалась. Земля задрожала так сильно, что я испугался, как бы замок не обрушился. Пошел искать причину и наткнулся на него. Он шел к замку с факелом в руке. Бедняга очень испугался, увидев меня без плаща, и бросился наутек. Я его окликнул.

– И он, должно быть, вернулся. Его не было два дня.

Чудовище кивнуло.

– Думаю, отчаяние в нем победило страх. Я вернулся в замок, и уже через несколько часов кто-то постучал в дверь. Тогда-то я и решил спрятать лицо, чтобы его не пугать. Он, как и ты, стал моим гостем, когда на дворе была глубокая ночь. Чем дольше мы разговаривали, тем сильнее я убеждался, что никаких магических способностей у него нет. Передо мной был всего-навсего перепуганный, измученный работой человек. Волшебство было ему неведомо. Он надеялся, что путешествие в мои края хоть немного его обогатит, что он найдет тут средство от невзгод, переполнивших его жизнь.

– И вы дали ему семена роз, – отчеканила Эрис ледяным тоном, хотя сама от себя такого не ожидала.

Чудовище удивленно вскинуло голову.

– Так ты и про розы знаешь?

Эрис горько рассмеялась.

– Надо же, а я ведь восхищалась их красотой. Жаль только, что они стали последним, что он увидел при жизни.

– Они что... расцвели? – изумленно спросил великан.

Его одержимость судьбой роз до того разозлила Эрис, что у нее задрожали руки.

– Нам пришлось бежать из нашего единственного дома, да еще с пустыми руками! У нас не было знакомых, мы не понимали, что нас ждет, не знали даже, выживем ли! А ты, – накинулась она на Чудовище, мигом позабыв о вежливости, – ты дал ему *семена*? Зачем, чтобы моя семья вечно помнила о твоём самолюбии?

Нападки вывели Чудовище из задумчивости.

– Эрис, поверь мне, – качая головой, произнес он. – Я дал твоему отцу семена вовсе не для того, чтобы поглумиться над его бедами.

– А зачем тогда? – прошипела она, отшатнувшись от него. – Они не могли нас прокормить, их нельзя было продать, ими не погасить долг. Когда ты был королем, ты и к своему народу так относишься?

– Возможно, мое золото лет на десять избавило бы твоего отца от невзгод, – подметило Чудовище, пропустив колкость Эрис мимо ушей. – Но засуха ведь никуда бы не делась. Вы бы, как и раньше, пахали, не получая никакого урожая, только теперь кредитором был бы я. Разве не в таком же положении был твой отец, когда пришел ко мне? Жизнь твоей семьи ни капли бы не изменилась.

Горло Эрис сдавило от гнева.

– Откуда тебе знать? Может, через год засуха бы закончилась! Может, ты бы нас спас!

Чудовище наклонилось вперед. От его ледяного дыхания по коже Эрис пробежали мурашки.

– Но она не закончилась. Твой город до сих пор борется за жизнь. Возможно, твоя семья и жила бы припеваючи посреди погибшего мира, но мне не хотелось усугублять его участь. Неужели ты поступила бы по-другому?

Засуха продолжалась уже три с лишним десятка лет. Золотистые пшеничные поля теперь можно было увидеть только на картинах, и Эрис понимала, что через год ничего не изменится. Этот ужас нескончаем. В город продолжают стекаться беженцы и трудиться до изнеможения, как ее отец.

Ей повезло. Семья Эрис могла бы умереть с голоду за городскими воротами, как многие бедняки, которые прибыли вместе с ними. Из-за Чудовища им пришлось рискнуть жизнью, ведь мировую катастрофу, само собой, никак нельзя было сравнить с невзгодами одного-единственного человека.

И в этой своей жестокости великан походил на Викторию.

Эрис поджала губы.

– Мы выдирали травинки у дороги. И жевали их. Потому что еды совсем не было.

Великан вскинул руки в успокаивающем жесте, хоть это и было бесполезно.

– Я понимаю твою злость, – заверил он ровным бесцветным голосом. – Но я не хотел...

– Почему мне снится, как твои розы нападают на город? – спросила она, не желая слушать его оправданий. – Что это, правда, выдумка или пророчество?

Чудовище отступило. Великан немного помолчал, потирая ладонь большим пальцем, а потом ответил:

– Это ночной кошмар, не больше.

«Лжец из него никакой, как и из меня», – подумала Эрис.

– А вот и неправда, – сказала она. – Мне уже дважды они снились. Это не совпадение. Ты на меня эти сны насылаешь?

– Я таким не занимаюсь, – возразил он. – Маг не может контролировать сны. Они путаются в голове у того, кто их видит,

а потом и вовсе забываются. Даже если бы хотел, я бы не смог ими управлять, в своем-то состоянии.

Этому Эрис поверила.

– Розы говорили со мной в обличье двух ребятишек. Они сыпали загадками, которых я не поняла. И упоминали про короля. Это ты?

Чудовище снова выдержало паузу.

– Нет.

– Но ведь они наверняка волшебные. Отец сказал, что посадил их уже давно, но распустились они только сейчас, а значит, ты наверняка...

– *Довольно!* – отрезал великан. – Твои сны – это просто фантазии. Розы самые обыкновенные. Они погибли, как и всё на моей земле. Я дал твоему отцу семена, чтобы подарить им жизнь вдали отсюда.

Всех мировых запасов спокойствия не хватило бы, чтобы унять гнев Эрис.

– Ну понятно, тебе важнее, чтобы какие-то там древние семена проросли, а на то, вернется ли человек с того света, плевать!

– Эрис, твой отец умер, – резко напомнил великан. – И никакая магия на свете не сможет его воскресить.

– Ложь! – крикнула девушка, давая свободу мыслям, переполнявшим разум. – У тебя ведь получилось! Ты мог его спасти, но не спас. Ты бессмертный, но не хочешь учить меня воскрешению. А сам ведь уже нарушал правила. Так почему же сейчас не хочешь?

– Не нужно сравнивать. Я сумел отогнать от себя Смерть, но вернуть утраченное не смог.

– Но пытался, и я тоже хочу! – Девушка кивнула на бутон розы. – Я рассказала тебе все, что знаю, о городе, я вырастила для тебя этот цветок и больше взамен ничего не прошу. Умоляю, Чудовище, *позволь* мне попробовать!

– Нет, – отрезал великан. – Не стоит думать, что воскрешение избавит тебя от боли. Глупости это все. Оно лишь усугубит страдания. Мысли о неудаче будут преследовать тебя до конца дней.

И вновь никаких ответов. Грудь так сдавило отчаяние, что стало больно дышать. Эрис отвернулась, опустила на корточки и сжалась в комочек.

А она-то уже размечталась, поспешно поверила, что отец вернется, что она снова увидит улыбку на его смуглом лице, как десять лет назад,

во время игр в лесу. Как ей хотелось вернуть эти дни! Вновь оказаться дома, вязать снопы белых стеблей, молотить зерно.

Нет. Эрис уткнулась лицом в колени. Чудовище убедило ее в том, что нет смысла и дальше копаться в иссохшей земле. Из года в год она будет делать одно и то же, и ее тело сгорбится, а кожа потемнеет и покроется морщинами. В конце концов содержать ферму станет невозможно, и ей тоже придется занять денег, а потом отбиваться от сборщиков, повторяя судьбу отца.

Ностальгия по детству так ослепила ее, что она позабыла о реальности. В те годы она была еще слишком мала, чтобы помогать в поле, и сестры поручали ей только вязать снопы, а еще она смутно помнила, как ссыпала зерна в решето. По меркам восьмилетней девчушки работа была нетрудной, но прошло уже много лет, и что-то могло стереться из памяти. Эрис ненавидела город, но и в прошлое вернуться не могла.

Нигде мне нет места.

Слезы закапали на пепел. Прежде Эрис пыталась выстоять против волны горя, отчаянно глотала воздух всякий раз, когда она обрушивалась. И план, который она придумала, до поры до времени помогал направить чувства в новое русло, отвлечься от этой самой волны, от попыток ее понять, спрятаться, чтобы только не оставаться с ней наедине.

А теперь Чудовище лишило ее надежды на воскрешение. А значит, волна уже не отступит.

– Не могу я вечно жить с этим чувством, – дрожащим голосом сказала она. – Отец был для меня всем.

Чудовище вздохнуло и сочувственно опустило плечи. Приподняв полы плаща, чтобы они не задели ног Эрис, великан опустился рядом с ней. Он потянулся к руке девушки, но тут же опомнился и упер ладони себе в колени.

– Эрис, – сказал он на выдохе, который был легче крыльев бабочки, – голоса океана окружают нас. Возможно, ты еще не услышала отца, но он живет среди деревьев, растущих из земли, среди песчинок, лежащих на берегу. Ты, как и весь мир, – часть цикла возрождения. Понимаю, в пучине горя ты моих слов не услышишь, но, поверь, твой отец вернется.

Эрис сильнее уткнулась в колени. Как жаль, что она не зеленый листик, иначе бы здешний воздух выжал из нее все соки, и слезы бы остановились.

– В этом краю смерти и пепла времени хоть отбавляй, – сказал великан, догадавшись, что ей сейчас нужнее всего. – Путешествие будет не из быстрых. Отдохни, а когда будешь готова, попробуем еще раз.

– Столько людей умерло за тебя... Как же ты победил скорбь? – спросила Эрис.

Чудовище ответило не сразу. Оно рассеянно вывело на пепельном ковре несколько кругов.

– Никак, – наконец сказало оно.

Глава тринадцатая

Легче сказать, чем сделать, и можно положить не одно столетие на то, чтобы победить горе, – и все равно потерпеть поражение. Стоило Эрис осознать это, как между ней и Чудовищем установилось понимание. Пускай девушке и не доставало теплоты объятий, она почувствовала в великане единомышленника – их сплотил тот самый бессмысленный бунт, нежелание отпускать. И все же скорби она себе не позволяла.

Она взвалила на плечи тяжелое кресло из спальни, потащила его вниз по лестнице, в Большой зал, и остановилась у стола.

– Ты что делаешь? – спросил великан, даже не шевельнувшись, чтобы ей помочь.

Эрис, промычав от натуги, поставила кресло на пол, отряхнула руки от пыли, нашла взглядом Чудовище, притаившееся в самом темном углу комнаты.

– Поешь со мной.

– Я бессмертен, – напомнил великан. – И уже много веков не ел. Время можно провести с большей пользой.

– Это где же, интересно?

– В саду.

Эрис нахмурилась.

– Ты что, постоянно там торчишь?

– Это моя единственная цель.

Девушка недовольно выдохнула.

– А сейчас я у тебя в гостях и хочу, чтобы ты составил мне компанию. Ты сам-то пробовал еду, которую наколдовываешь? Очень вкусно!

Великан не спешил выйти из тени.

– Не лучше ли подкрепиться одной? Мой вид тебе только аппетит испортит.

– Вот уж не знаю, ты ведь лица не показываешь. Но одно я знаю точно: когда ешь в одиночку, приборы уж очень громко звенят.

– Могу заменить вилку и ложку на деревянные, если хочешь.

Эрис указала рукой на принесенное кресло.

– Не усложняй. Чего я хочу – так это чтобы ты со мной посидел.

Великан спрятал руки в складки плаща.

– Не могу отказать гостю.

Эрис отблагодарила его поклоном. Великан уселся за стол. Отблески свечей подрагивали на его плаще.

– Почему ты скрываешь лицо? – любопытствовала девушка. – Внешность не самое главное. Уверена, не такой уж ты и страшный.

Ножки кресла Чудовища скрипнули.

– Я не хочу обсуждать свой облик.

Эрис решила, что не будет упорствовать. Чудовище уже от нее отгородилось, и умасливанием его все равно не переубедишь. Аппетитный запах запеченного фазана с пряностями и лепешками и теплого пшеничного вина вскружил ей голову.

Огоньки свечей подрагивали на стенах зала. Чудовище неподвижно сидело за столом. Его лицо было скрыто под капюшоном, но казалось, оно не сводит глаз с Эрис. А та старалась не скрипнуть ненароком вилкой по тарелке.

– А что случилось с тем существом, о котором написано в твоей книге? – вдруг спросил великан, нарушив тишину.

– Его зарубили.

– Как это произошло?

– Три года шла война, – пояснила Эрис. – Когда два короля убили Тварь, из ее крови выросло Вечное древо, и с тех пор в городе его считают символом той победы. – Она выдержала паузу, раздумывая, насколько близко можно подобраться к теме, которую ей так хотелось затронуть. – Ты говорил, что и здесь была война. Из-за нее тут все и погибло?

– Всему виной те, кто не уважал законы этих краев – законы жизни, смерти, возрождения. Они-то и изгнали отсюда природу своей магией.

Два короля убили Тварь без помощи колдовства. Эрис откинулась на спинку кресла и зажмурилась. Какое облегчение. Короли Саулос и Ананос не причинили Чудовищу вреда.

– Выходит, эту землю погубили другие волшебники?

– Мои подчиненные и ученики. Однажды мы поссорились из-за того, как правильно применять магию. Я верил в цикл жизни и смерти. Если что-то берешь, нужно потом вернуть. А они – что можно брать бесконечно. Иными словами, если океан магии безбрежен, значит, можно черпать ее, а она будет восстанавливаться сама собой. – Он слегка повысил голос: – Их жадности не было предела, и магию они использовали лишь для собственных прихотей. Между нами разгорелась нешуточная война. Я как король бился за эту землю, пытался сохранить ей жизнь, а они – уничтожить ее. Я проиграл. Они осушили море, сбросили в него останки моих слуг, а за морем устроили вечный шторм. А меня заточили здесь и клеймили, чтобы лишить магических сил.

У Эрис челюсть отвисла.

– Клеймили?

Чудовище громко вдохнуло, и из-под складок его плаща заструилось знакомое изумрудное сияние. Оно побежало по предплечью, взобралось на плечо, озарило часть головы. В полумраке зала оно высветило длинные, угловатые символы, вырезанные на коже. Рука затряслась, и дрожь передалась столу. Канделябры задрезжали, огоньки свечей закачались, и их отсветы заплясали на глубоких отметинах на теле великана. Красивое зрелище, если не знать, что это за следы.

Великан выдохнул, и зеленый туман рассеялся.

– Вот они, мои клейма.

– Сколько же страданий ты перенес... – Милостивые короли, а ей еще хватило наглости донимать его расспросами про облик! – Должно быть, ты очень на них злишься.

– Злился первое время. Выл, ярился, бился о горные подножия и стены замка. Лез на железную стену, нырял в вечный шторм в надежде, что смогу сбежать, но прилив всегда выбрасывал мое изнуренное тело обратно, как бы я ни старался. Мне отсюда уже не выбраться. Я пленник этой земли. Когда я подхожу к границе между нашими мирами, меня пронзает такая боль, что тело парализует. Как-то

раз я три дня пролежал в агонии у подножия гор к югу от замка не в силах пошевелиться. А путь назад, в замок, занял и того больше. – Чудовище содрогнулось от воспоминаний. – Вот я и стал искать способ вернуть сюда жизнь – другого выхода у меня не было. – Хозяин замка потер большим когтистым пальцем остальные.

– Вот почему ты так разозлился, когда я убила детеныша пантеры, – догадалась Эрис. – Очень сложно возродить жизнь в краю, где она под запретом.

– Что сделано, то сделано, – ответил великан. – Сейчас ты здесь и исправляешь свою ошибку.

– Годы, а может, и века труда насмарку, а все потому, что я пришла и наворотила тут всякого. – Эрис сглотнула. – Словами не передать, как мне жаль. Я тогда и...

– Подумать не могла, – закончил великан за нее и фыркнул от смеха. – Кажется, это твое привычное состояние – действовать, повинуюсь порыву, инстинктивно. Даже решения, которые обрекают тебя на смертельную опасность, и те не удерживают от повторения ошибок в будущем.

– Я всегда так жила, – сказала девушка. – Обожаю это чувство: когда сердце колотится, а в теле кипит жизнь, как уж тут усидеть на месте? Тогда в голове столько мыслей, а в жилах бурлит энергия, и хочется одного: бежать, бежать, пока силы совсем не оставят. – Она вдохнула, припоминая прохладную ночь, когда она вырвалась из города, вынырнула из моря людских тел.

Но память сохранила лишь пустоту в желудке, боль от каждого шага, кровь на руках.

– А потом за свои решения приходится платить, – пробормотала она, сплетая пальцы. – От эйфории не остается и следа. Все затмевает сожаление.

– Вечно тебе надо балансировать на грани жизни и смерти.

– Только так я могу что-то почувствовать.

– Может, и справедливо, – тихо произнесло Чудовище, – но где-то ведь есть тот утес, с которого тебе уже не вернуться. – Великан кивнул на богов, высеченных на дверях Большого зала, а потом указал на фигуру старика слева, в самом углу. – Его зовут Жизнь. Он видел, как рождается время, и будет жить до самого конца. Мрачный и дряхлый старик, он вечно жалуется на то, как все меняется от века

к веку, потому что все помнит. Он дерется, напивается вусмерть, распутничает, но умереть никак не может. Его тело покрыто рубцами от неустанных попыток убить себя – каждый раз он надеется узреть то, чего прежде не видел. Смерть приходит лишь тогда, когда настает время забрать должок, вот только с Жизни, с вечной Жизни, и взять нечего.

Эрис печально улыбнулась.

– Мораль такова: Жизнь есть боль.

– Верно, но есть куда более важная новость, – подметил великан.

По голосу было слышно, что он сдерживает улыбку. – Жизнь упорна.

– Бессмертие в обмен на вечные страдания? Таков твой выбор?

Чудовище пожало плечами.

– Я боюсь смерти, как и все люди.

– А я боюсь так и не почувствовать себя живой, – ответила Эрис, вперив взгляд в нетронутую еду.

Великан встал.

– Ну вот, все-таки испортил тебе аппетит, – сказал он беззаботно. –

А я ведь совсем другого хотел. Давай провожу тебя в комнату. Этих тем мы больше касаться не будем.

Эрис, к собственному изумлению, улыбнулась.

– Завтра вечером увидимся?

– Если пожелаешь, но говорить станем только о приятном. –

Он махнул рукой на сад, мимо которого они проходили. – К примеру, о ботанике.

– Лучше о кулинарии, – предложила девушка. – Какие лепешки ты наколдываешь – просто пальчики оближешь! Если получится, однажды сама выращу пшеницу и испеку такие же!

Великан усмехнулся.

– Работы предстоит немало. Придется молотить и веять зерно, да и инструменты понадобятся.

– А ты немало знаешь о крестьянском труде, если судить по королевским меркам.

– Каждый король должен представлять фундамент, на котором стоит цивилизация. Без искусства и золота можно обойтись, а вот без пищи – нет. Впрочем, на твоём пути возникнут преграды и посерьезнее. Кухни в этом замке давно засыпало песком – ты по нему каждое утро ходишь.

– Мне хватит каменной плиты и огня, – невозмутимо возразила она. – Уж как-нибудь справлюсь.

– Мы справимся, – поправил великан.

Девушка удивленно вскинула брови.

– Мы? Решил мне помочь?

– Давненько я ничего не делал руками. Здорово было бы вернуться к... относительной нормальности.

– Только без магии! – потребовала она, ткнув в Чудовище пальцем. – А то весь смысл исчезнет!

– Само собой.

Разговор подошел к логическому концу, но Чудовище не спешило уходить от дверей спальни Эрис.

Она вежливо улыбнулась. Позволительно ли уйти к себе в комнату, если тебя сюда проводил сам король? Каков протокол для таких случаев? Или надо дожидаться, пока он с ней попрощается? В Храме учили, что в других городах повернуться к монарху спиной – значит страшно его оскорбить, но великан и слова не проронил. Может, ждал, что она сама что-нибудь скажет?

– Я пойду, ладно? – выпалила девушка.

Эта фраза, казалось, искренне его изумила.

– Да... да, конечно! – воскликнуло Чудовище. – Не буду тебя задерживать.

Но с места он не двинулся. Может, дожидаться, пока она уйдет первой, уже вошло у него в привычку.

Эрис переступила порог своей комнаты.

– Доброй ночи, – сказала она.

– Доброй ночи, Эрис, – проговорил великан.

Прежде чем дверь захлопнулась, Эрис мельком увидела лапы Чудовища. Одна из них вцепилась в другую, точно великан боролся сам с собой, мало того, он беспокойно царапал большой палец ногтем соседнего.

До чего странный человек.

Свою комнату – эту крепость с четырьмя стенами и единственным узким окошком – Эрис возненавидела. Кровать была чересчур неудобной, и ночи напролет девушка ворочалась, то и дело просыпаясь из-за того, что в неудобной позе затекли ноги. Ночную рубашку она не носила – спала в доспехах, так ей было спокойнее. А почему – она и сама не знала. Если Чудовище схватит ее под покровом ночи своими когтистыми лапами, ее броня поможет не больше, чем бумажные латы. И все же она ее не снимала, только усугубляя бессонницу.

Просить у хозяина замка другую комнату она не хотела. В конце концов, она отбывала тут наказание, и не в ее положении было вести себя как капризная аристократка, так что Эрис сносила головные боли молча. От камина тоже было мало толку – он наполнял комнату дымом – таким же, что душил ее в городе, и, чтобы проветрить спальню, уходил не один час.

В ту ночь Эрис вышла в сад. Под открытым ночным небом боль в голове слабела, а тишина за пределами стен не казалась такой гнетущей, но по телу все равно бегала дрожь от докучливых мыслей.

Свет факелов лился на стены, окружавшие сад. Чудовище сидело у сломанного дерева спиной к девушке. Великан гладил бутоны роз, которые Эрис вырастила два дня назад. Она шагнула вперед, чтобы его поприветствовать, но тут он сжал могучий кулак и раздавил в нем розу. Эрис изумленно уставилась на Чудовище.

Оно продолжило срывать с куста цветы, отдавая предпочтение тем, что росли поближе к земле, и уничтожая их бутон за бутон. Пригнувшись, Эрис подобралась к ограде сада и спряталась у ее основания, наблюдая за великаном сквозь трещины. Сквозь его пальцы падали кусочки пепла, но он продолжал сжимать кулак, размалывая их в пыль. А когда раскрыл ладонь, от бутонов и следа не осталось. Зеленоватое сияние сменилось слепящим белым светом.

Вдруг Чудовище взобралось на обрушившуюся стену и перескочило ров. Эрис решила не идти через сад – шорох гравия выдал бы ее присутствие. Она обогнула край двора, прижимаясь спиной к стене, которая соседствовала с лестницей, ведущей

на бастион. Девушка надеялась, что тени скроют ее. Припомнив уроки Чудовища, она осторожно переставляла стопы, поднималась по ступенькам на цыпочках, чтобы только не шуметь.

Чудовище устроилось на одной из сторожевых башен за рвом, у самого края, точно одна из поломанных статуй, украшавших фасад замка. Вдоль стены не нашлось ни одного укромного места, где Эрис могла бы притаиться, поэтому она спряталась за углом на самом верху лестницы. С такого расстояния великан был не больше ладони.

Он дернул рукой, объятый сиянием, за невидимую веревку, и тучи, похожие на гигантские волны – виновники вечного шторма, – грозно поплыли к замку. А потом, как вода во время отлива, схлынули и вернулись.

– Давай же! – рявкнуло Чудовище и стукнуло кулаком по парапету.

Эрис подскочила. Молния ударила в черный холм вдалеке, на миг отбросив тени на громаду, возвышавшуюся за замком.

– Отвечай. Почему сейчас? – потребовало Чудовище.

Тишина. Великан снова ударил по парапету, и вторая вспышка молнии рассекла небо – на этот раз куда ярче и ближе.

– Отвечай, – повторил великан с непоколебимой властью в голосе – ничего подобного Эрис от него прежде не слышала.

И снова никто не отозвался.

Чудовище громко простонало и повисло на парапете. Ослепительный свет его отметин немного померк, стал зеленоватым, а потом и вовсе растворился. Клейма закровоточили.

Эрис испугалась, что не сможет сдержать крика. Она зажала рот руками, чтобы только не ахнуть, съежилась, крепче вцепилась в колени, чтобы стать как можно меньше.

От нехватки воздуха уже начинало жечь легкие. Великан тем временем, царапая когтями камень, спустился со стены и пересек сад – до того быстро, что Эрис успела заметить лишь расплывчатое черное пятно. Двери в Большой зал скрипнули от его касания.

Девушка несколько раз досчитала до трех, озираясь по сторонам, чтобы удостовериться, что осталась одна. Убедившись, что все кругом стихло, она подобралась к краю сторожевой башни. Ей хотелось узнать, во что же попала молния. Уже очень скоро взгляд натолкнулся на лес. Все до единого дерева в нем были рассечены надвое. В дыму не было видно никого. Тот, к кому обращался великан, то ли исчез, то ли вовсе не появлялся.

По спине девушки побежали мурашки. Чудовище настолько сильно, что по-прежнему может повелевать магией, которой ему запретили пользоваться, а ее способности – лишь капельки в крошечном океане силы.

Унять дрожь в руках никак не получалось.

Глава четырнадцатая

Горсть коричневых продолговатых семян из ее детства лежала на дне плетеной корзинки. В закутке под ветхой лестницей Эрис заметила грудку пеньки, присыпанную соломой и мелкими камешками. Она расчистила ее и нашла эту корзину, и если бы не воспоминания, то и не поняла бы, что за крошечное сокровище попало к ней в руки. Девушка собрала их и пересчитала. Пять. Расплывшись в улыбке, Эрис вознесла двум королям хвалу за то, что даровали ей удачу.

Спрятав находку в ладонях так, чтобы ни одно семечко не выпало, она побежала в сад. Безжизненный ландшафт разбавляло всего несколько островков из зеленых листьев и бутонов. Да, пепла тут было по-прежнему больше, чем флоры, но Эрис каждый день добавляла новые яркие краски.

Ей не терпелось поскорее посадить пшеничные зернышки. Инструментов у Эрис не было, поэтому она вырыла небольшую ямку руками. *Вот, отлично!* Положила в нее семена, присыпала пеплом. Виктория отчитала бы ее за такую спешку, но сейчас можно поступать как душе угодно. Если хоть у одного из зернышек есть шанс на жизнь, магия сделает все остальное.

Плащ Чудовища прошуршал по полу, выдав его присутствие. Раньше они встречались только на утренних уроках и ужине, но теперь великан стал приходить всякий раз, когда девушка работала в саду. Он прислонялся к одной из колонн галереи и молча наблюдал за Эрис. Ее такая компания не смущала.

Он рассказал ей, как называются растения, появившиеся в саду, – многие из них Эрис видела впервые. Она узнала лаванду и душицу – их Констанция использовала в богадельне, – а вот глицинию спутала

с розами – ей показалось, что веточки у них похожи, – а еще всякий раз запиналась, пытаясь произнести «рододендрон». Еще в саду выросли ирисы, шалфей, маргаритки, чертополох. Девушка и не ожидала такого разнообразия.

Кое-что оказалось совсем просто вырастить – к примеру, одуванчики быстро заполнили все пространство, отвоевав место, которое Эрис хотела отдать другим цветам. Она в ужасе попыталась их выполоть – как в детстве, когда они вырастали на поле и сестры спасали от них урожай, – но Чудовище остановило девушку.

– Здесь жизнь драгоценна, – сказала оно. – И мы рады любым ее проявлениям.

Эрис поджала губы. Каждая ошибка на шаг отталкивала ее от пробуждения. Раз оно не случилось, значит, она что-то делает неправильно, ведь столько времени уже прошло. Ей нужна помощь. Девушка поставила перед собой новую задачу – вырастить ирисы – и обратилась к Чудовищу.

– Как сделать так, чтобы они расцвели? – спросила она, показав завязавшийся бутон. – Может, я неправильно его держу?

– Не важно, как держать, – сказал великан. – Важно, какая связь между вами.

– Да знаю, знаю, – протянула Эрис, постукивая ногой. – Стебель касается моей кожи, а через нее передается мой пульс. Но что еще можно сделать?

– Выйди за пределы телесных ощущений. Тут нужна осознанность. Представь, что идешь по камням, которых не видишь.

Девушка потерла лоб – так энергично, что кожа покраснела.

– У меня такое чувство, что я иду сквозь туман, но вместо факела ты дал мне палку.

– Я бы выбрал другое сравнение, – фыркнув, ответил великан. – Неудачные попытки – неотъемлемая часть любой задачи, Эрис. Все, что мне только известно о магии, меня научили ошибки, коих было немало.

Гонимая нетерпением, Эрис пыталась переключиться на более крупные детали сада. Согнутое пополам дерево так и не зацвело. Она пробовала его оживить, клала руки на расслоившуюся кору, припоминала уроки прогулок по зыбучим пескам, но попытки лишь забирала внимание и силы, а на ветвях так и не завязалось ни листочка.

Утесы, между которыми раньше текла вода, так и оставались иссохшими островками в глубокой пропасти. Эрис воображала, каким был этот край, пока здесь не поселилась смерть, – представляла пышную зелень и синь вод.

За садом и крытыми галереями виднелось громадное, похожее на змею чудовище – бог, чье изображение было выбито на дверях в Большой зал. Даже на расстоянии и в темноте легко можно было различить его гигантские рога, раздвоенный язык, безглазую морду, которая, казалось, насмехается над каждым провалом Эрис.

– Что это за существо? – спросила девушка как-то днем.

– Это Аэру, верховная мать, Создательница и Уничтожительница, – сообщил великан. – Она восседает на колесе времени, распахнув челюсти, готовая сожрать все сущее. В правой руке она держит огненный шар, в левой – воду, обе стихии и живительны, и разрушительны и напоминают о равновесии в природе. Если Аэру в ярости, все под ее ногами горит, а тело ее превращается в жидкое пламя, способное просочиться даже сквозь самую тонкую трещинку в земле. Когда ее гнев утихает, огонь гаснет, а выжженная земля на долгие годы остается бесплодной. Но потом жизнь возвращается...

– И снова гибнет от ее касания, – подхватила Эрис. Она впервые слышала об этой богине, но знала о вулканах и жидком убийственном пламени.

– В этой жизни во всем царит равновесие. Чтобы создать, нужно разрушить. И мы с тобой не исключение. Если этот цикл прервать, сама жизнь в конце концов прекратится.

Эрис сдвинула брови.

– Тогда объясни, как твое бессмертие вписывается в этот закон. Ты живешь вечно, а значит, ничего природе не возвращаешь.

Великан остановился под согнутым деревом, положил руку на его кору, посмотрел на ветки, раскинувшиеся над его головой.

– Когда-то давно это дерево приносило плоды, – поведал он. – На нем росли яблоки. Крупные, круглые, розовые, они так и сияли на солнце. Когда я был ребенком, то не мог дотянуться до веток и потому собирал то, что уже упало на землю. Когда приходило время урожая, я не мог собрать всё. Птицы стаями прилетали к яблоне и клевали плоды, до которых мне было никак не достать. Я прогонял их.

Он поманил Эрис за собой. Они поднялись по лестнице на сторожевую башню, а на самом верху путь им преградила большая трещина и гора руин, занявшая часть сада. Внешнюю стену повредили давным-давно – должно быть, по ней стреляли из катапульты, – расколов башню на две части. Великан уселся у края. Эрис последовала его примеру, расположившись чуть поодаль и свесив ноги над каменными обломками, лежащими в саду.

– Когда я стал старше, я начал наблюдать за птицами, которые клевали яблоки. – Великан указал на черное дерево посреди сада. – Они съедали весь плод без остатка и даже огрызок – и тот уносили с собой. Потом разгорелась война, и за деревом перестали ухаживать. Оно заболело, листву стали подтачивать черви, яблоки, которые падали с ветвей, теперь были мелкими и гнилыми. Но птицы все равно прилетали. Я думал: куда же деваются яблочные семена? А потом меня осенило – и я смог применить это открытие и к своей магии. Что, если я уже не часть дерева, а зернышко, которое оно породило?

Глаза Эрис расширились.

– Погоди, то есть ты создал собственную форму магии?

– Вроде того. Как и у зернышка, у нее есть источник. Магия, которую я применяю, всегда будет связана с океаном, из которого ее черпаешь ты. Но из зернышка вырастает отдельное дерево, со своими корнями и ветками. И в решающий момент, когда я оказался на пороге гибели, я стал таким деревом – стал частью цикла жизни и смерти. *Я и есть* природа и потому бессмертен.

Эрис невольно ошетинулась. До чего же могущественное создание перед ней! Он не только может использовать запретную магию, но перешагнул пределы природы и самой Смерти, освоил в совершенстве искусство, к которому она едва-едва прикоснулась всего несколько недель назад.

– Ты отдельная сущность, – заключила она.

– Именно так. Я – источник вечной жизни, но...

Но сидишь тут, прячешь свое проклятое тело под плащом, просишь меня о помощи.

– Но тебя клеймили, – закончила девушка. Мерцающие символы под бархатом лишают его сил. Интересно, а как он выглядел в расцвете жизни, еще до проклятия? Наверное, был еще страшнее и больше, чем теперь.

– И теперь... мне очень трудно создавать то, что когда-то получалось само собой. – Его голос был пронизан отчаянием. – Неукротимая сила ярится внутри меня, бьется о камни, словно мощная волна, готовая затопить все на своем пути, если только убрать дамбу. Но наружу просачивается лишь слабенький ручеек, да и тот пересыхает с восходом солнца.

Вдруг Эрис осенило. В тот день, когда он пытался промыть ей раны, он отдернул руку. Ей показалось, что дыхание у него сбилось от сосредоточенности, но причина была куда страшнее.

– Стало быть, сад, который ты пытаешься возродить, пища, которую мне даешь, все это... причиняет тебе боль?

Чудовище замешкалось с ответом, но он был и не нужен.

– Я... я сама смогу прокормиться! – запинаясь, воскликнула она. – Я уже умею выращивать розы, а значит, справлюсь и...

– Благодаря тебе распустился бутон, но впереди еще долгий путь, – уточнил великан. – Да, мы с тобой разговаривали про хлеб, но заставить гостя самому готовить себе еду в моем доме, даже если он превосходно с этим справится, – позор для хозяина.

– Мы с тобой уже не просто хозяин и гость, Чудовище, – нахмурившись, подметила девушка. – Ты мой друг и не должен ради меня страдать. Отныне я не съем и кусочка той пищи, которую ты с такими муками добываешь!

– Эрис...

Девушка встала. Ее голова теперь едва-едва доставала до краешка капюшона Чудовища, хоть оно и осталось сидеть.

– Я выращу пшеницу силой магии. Потом сама приготовлю себе ужин.

* * *

Эрис забыла пометить точное место, где посеяла пять зернышек, поэтому островок земли для магических упражнений пришлось обозначить примерно. За три дня не проклюнулось ни одного росточка, и девушку охватило нетерпение. Пшеница росла слишком долго, а ей надо было поскорее стать независимой – по меньшей мере начать самой удовлетворять свои основные потребности.

Она обратилась к магии. Вот только на мертвой земле толком не к чему было ее применить. Эрис собрала горсть пепла, положила на тарелку и попыталась пробудить в себе то же чувство, что помогло ей вырастить самый первый цветок. Когда внимание рассеялось, она открыла глаза. Посреди тарелки лежало нечто черное и безобразное.

– *Этим-то* вы питаетесь у себя в городе? – спросил великан, присев рядом на корточки.

Эрис стало неловко. Она зарделась, но признавать ошибку не хотела.

– Это называется хлеб, – заявила она. – Уж извини, если моя еда недостаточно изысканная для Вашего королевского Величества.

Чудовище хохотнуло над ее остротой.

– Черный хлеб выглядит куда лучше, чем это недоразумение. Как будто бы ты кроличий помет поджарила. – Великан принюхался. – Да и запах соответствующий!

– Ты все равно ничего не ешь, так что думай себе, что хочешь, – съязвила девушка. – Это мое.

Чудовище медленно обвело взглядом длинный стол, на котором больше ничего не было.

– Ты и впрямь решила это съесть? – спросило оно мрачно.

– Да. Выглядит неплохо, – солгала девушка. Надо только не забыть задержать дыхание, чтобы не почувствовать вкус и запах. Она взяла кусочек и осторожно сжала его двумя пальцами. Он не поддался – прямо камень, а никакой не хлеб. Главное – привыкнуть к вкусу.

Она набрала в легкие воздуха и запихала кусочек в рот, а потом попыталась проглотить. Вкус у него был гнилой и угольный. Горло сдавило. Чудовище наблюдало за всей этой картиной, и, хотя улыбки видно не было, дрожь в плечах выдавала попытки сдержать смех.

Эрис решительно стиснула зубы, и под ними скрипнуло что-то вроде песка. Ее лицо исказила гримаса – продолжать трапезу дальше было попросту невозможно. Девушка выплюнула черный кусок на тарелку, не сдержав рвотных позывов. По Большому залу разнесся гулкий смех Чудовища.

– Прошу прощения, – выдавило оно сквозь хохот. – Дай-ка я. – Оно взмахнуло рукой. Клейма на ней блеснули, и из них засочился все тот же мягкий зеленый туман. Он заскользил по руке Чудовища

и поплыл над столом, постепенно обретая форму. Изумрудный блеск потихоньку померк, оставив после себя рагу из баранины, приготовленное на медленном огне, и мягкий хлеб с хрустящей корочкой. Свечи зажглись сами собой и осветили стол.

Эрис смущенно заерзала при виде ужина.

– Ты не ешь, потому что тебе больно наколдовывать пищу, – сказала она, – а я не хочу, чтобы ты из-за меня страдал.

– Тронут твоим участием, – серьезно произнес великан, – но, прошу, поверь, куда больнее мне будет от мысли, что гость в моем доме не встретил должной заботы. Я ведь был королем, а закон гостеприимства столь же незыблем, как остов этого замка. Уж ты как никто другой знаешь, что физическая боль – это пустяки, если ум не дает покоя.

– Но...

– Я живу с этой болью уже много веков и продолжу с ней жить. – Чудовище подалось вперед. Его зеленые глаза блеснули из-под капюшона в свете свечей. – И уж лучше я буду испытывать ее по таким вот безобидным поводам, а не из-за чего похуже.

– Я... ну... спасибо, – выдавила из себя Эрис. – Если могу чем-то помочь...

– Ты трудишься у меня в саду – это уже огромная помощь. – Великан выдержал паузу. – А еще скрашиваешь мое одиночество.

– Это в последнюю очередь, – поспешила заметить Эрис, не желая обнадеживать себя мыслью о том, что может кому-то понравиться не потому, что приносит пользу.

– Верно: твое присутствие здесь обусловлено нашим уговором. – Великан прочистил горло. – Но, сказать по правде, я так не хохотал с тех пор, как мой брат упал с лошади, а это было несколько веков назад! Я очень рад, что завесу между мирами преодолела именно ты. Будь это кто другой, меня бы ждало непростое время... Я что, обидел тебя?

Исключительность существования Эрис вдруг встроилась в картину мира, точно последняя деталь мозаики. В этот самый миг она, Эрис, вдруг обрела значимость. Девушка потеряла глаза.

– Нет-нет, все в порядке.

– Не хочу снова портить тебе аппетит. – Великан хмыкнул и указал на ужин. – Не будем больше о неприятном. Поешь.

Глава пятнадцатая

– Неужели к тебе никто не заглядывал, кроме нас с отцом? – спросила девушка, ища повода подольше побыть в Большом зале. Тут было тепло и просторно – не то что в ее одинокой спальне, куда совсем не хотелось возвращаться.

Половина тела Чудовища снова замерцала, когда он поднял руку. Пустые тарелки и остатки костей обьяло сияние, а спустя мгновение они развеялись изумрудным дымом. Туман пронесся над столом и рассеялся, тонкими струйками стекая на пол.

– Никто. Я даже не знаю, как выглядит эта прореха между мирами. Когда твой отец ушел, я пытался сам ее найти, но не смог добраться до гор, которые его сюда привели. Возможно, ты раскроешь мне эту тайну.

– В горе была трещина – проход, в который я смогла протиснуться, – пояснила Эрис. – Помнится, когда я была маленькой, он казался гораздо шире, но, может, память меня подводит.

– Отнюдь, – возразил великан, разминая могучую руку. – Дыра между мирами со временем затягивается. Я чувствую это, недаром я теперь уже не могу пробраться так же далеко, как прежде. Не удивлюсь, если скоро трещина в горе исчезнет.

– И тебя не пугает, что ты снова будешь отрезан от мира?

– Я уже смирился со своей участью. Я король и в ответе за свою землю. Война разорила ее, а я должен восстановить, а до той поры даже помыслить не могу об уходе отсюда.

– Выходит, тебе нравилось тут править, – заметила Эрис. – А я вот представить не могу, каково это – жить в одном месте до скончания века. – Она попыталась вообразить на месте пепельного леса город

из сотни домов, его обитателей, которые плясали, строили, смеялись на фоне черного сверкающего замка под безоблачным небом. До чего похоже на Кешгиум. Эрис и сюда не смогла бы вписаться.

– Я достиг вершин монаршего счастья. Когда я был еще юным принцем, послы из других городов привозили мне в подарок сундуки, полные золота, и бочки вина. Другие короли сватали мне своих отпрысков. А после коронации от меня требовали одного: чтобы я был добр и справедлив. В юности мне казалось, что это обещание выполнить несложно. Толпа наставников учила меня искусству правления, законам физики и алхимии, различать созвездия на небе. До начала войны не было ни мятежей, ни бунтов.

– Стало быть, ты ни в чем не нуждался.

Великан покачал головой.

– Как и ты, я всегда искал чего-то большего. Все сокровища мира лежали у моих ног, но этого никогда не хватило бы, чтобы подкупить Смерть, явившуюся забрать то, что ей причитается.

– Твое бессмертие.

– Именно.

Несмотря на обстоятельные оправдания вечной жизни и разговоры о возрождении и возвращении долга природе, Эрис терзали сомнения. Великан нарушил правила, которым сам же ее учил, это было очевидно. Странно, что сам он этого не замечал.

– Чародеи, с которыми ты воевал, должно быть, тебя боялись, – предположила она, решив не откладывать эту тему.

– Они были слепы, – тут же ответил он с нотками гнева в голосе. – Бессмертие – часть природы, но они видели в нем мерзость и аномалию. Эти глупцы считали, что столь революционная идея несет в себе вред. Я пытался их переубедить, но их заботило лишь одно: как бы отнять у меня мои земли. Они черпали и черпали магию, не зная меры, – я не смог вынести такой несправедливости и, когда они явились ко мне, вынужден был защищаться.

– Получается, вы все злоупотребляли магией, просто каждый по-своему.

– Я – нет. Мое королевство погибло бы, позволь я высосать из него все соки. А со мной переменчивый нрав природы был вовсе не страшен.

– Говоришь, что жил припеваючи. А я ведь ни разу не слышала об этих землях, пока сама тут не оказалась. И о короле и его битве с волшебниками. Мне вообще было невдомек, что за этими горами кто-то живет.

– Я проиграл в войне, – отрезал великан. Его терпение уже иссякало. – В тот день погибло все мое королевство и все его жители. Когда меня клеймили и отправили в плен, история была переписана, и само время меня позабыло.

Девушка поджала губы.

– Я видела, как ты колдуешь. Несмотря на клейма, ты можешь пользоваться магией. Твое могущество велико, и, наверное, не прокляни они тебя, ты смог бы сотрясти землю и переполнить реки. Будь я волшебницей, которой угрожает такой вот бессмертный король, считающий, что я применяю магию во вред, хотя и сам злоупотребляет своим даром, я бы... сделала все, чтобы забрать у него могущество, если уж нельзя... его убить.

Великан склонился вперед.

– Глупо заранее рассказывать о предательстве, – прорычал он. – Пусть будет сюрприз – выиграешь время на побег.

– Разве я дала повод для недоверия? – потрясенно спросила Эрис. Кажется, эти ее слова сильнее всего ранили Чудовище. Прекрасно. А сколько раз *оно* выводило ее из себя, начиная с непонятных уроков и заканчивая отказом обучить ее воскрешению, она уже и со счета сбилась. А ведь из-за этого она ни на йоту пока не приблизилась к выполнению обещания. Пускай теперь узнает, каково это. – Я по-прежнему хочу тебе помочь. Но объявить войну подданным, будучи бессмертным королем... Что, если подданные не были волшебниками и вообще не владели магией? Наверняка даже ты согласишься, что это тирания.

Последнее слово сильно его задело. Оно осуждающе ткнуло ей в грудь пальцем.

– Что ж, ладно. Хочешь знать, что за волшебники меня уничтожили? Это были те самые люди, чей герб ты носишь.

Эрис посмотрела на свои доспехи. Эмблема Вечного древа мерцала в свете огня.

– Они не были волшебниками, – проговорила она, вспоминая то, что знала. – Наоборот: терпеть не могли магию.

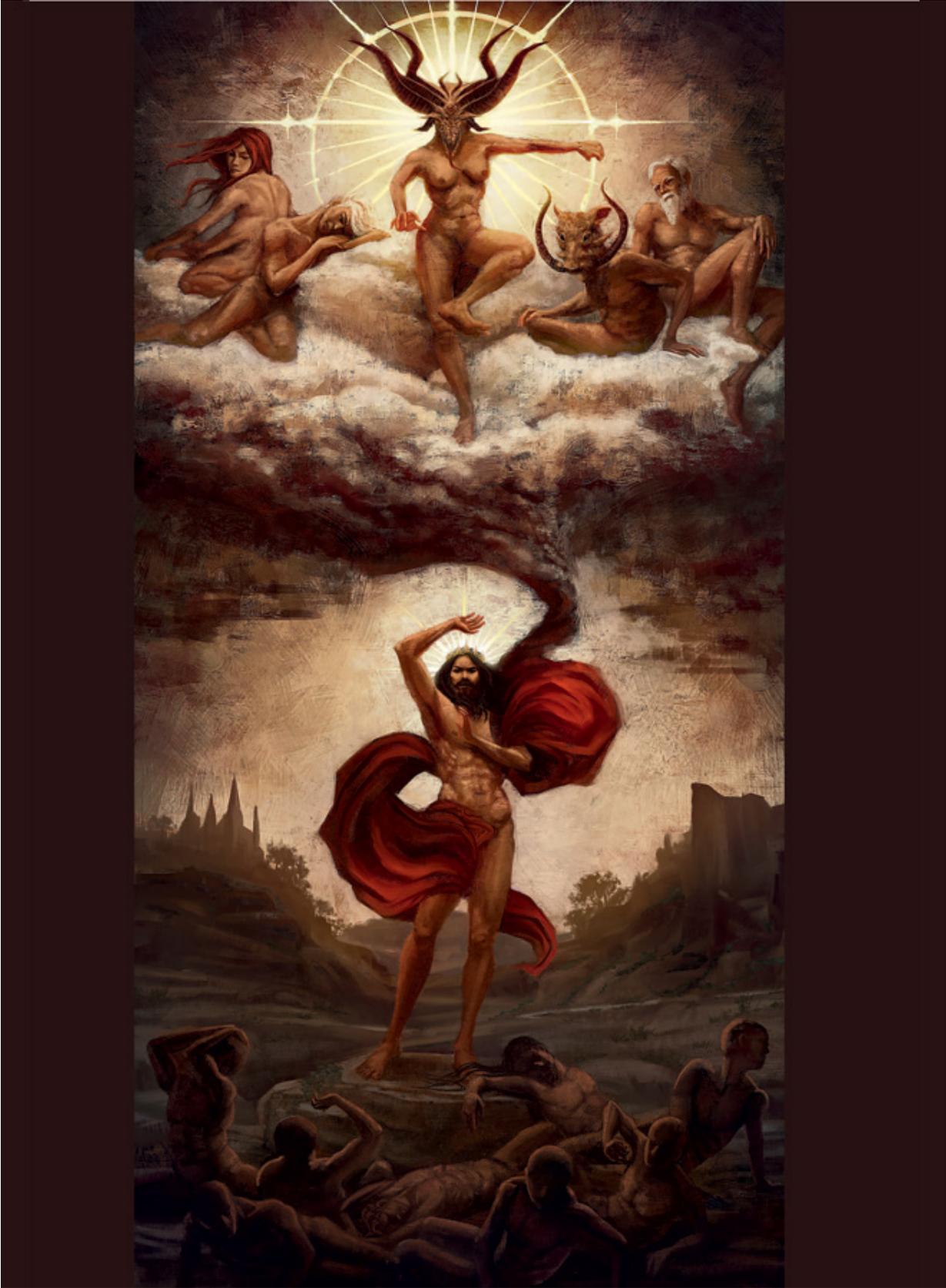
– Они владели ею, просто решили лгать, – с горечью пояснил великан. – И о том, что из моей крови выросло дерево, тоже солгали. Как и о моей смерти.

Эрис похолодела.

– Так *ты и есть* та Тварь, о которой написано в книге! – ахнув, прошептала она.

Все сложилось в цельную картину. Война, о которой он упомянул, магия, шрамы. Милостивые короли, даже имя, которым он ей представился, напоминало о Твари. И как это она сразу не догадалась? *Глупая девчонка! Ну что за дурочка: готова спасти всех, кто попросит.*

Помощь Мэтью обернулась неприятностями. Да, она помогла одному человеку, но в ущерб многим. А теперь повторила ошибку.

Ничему ее жизнь не учит.

В книге сказано, что Тварь завлекает смертных обещаниями исполнить их самые заветные желания. Но Чудовище поступило еще коварнее. Оно обратило наивность Эрис против нее же самой, и она добровольно закрыла глаза на очевиднейшую подсказку, понадеявшись, что этот обезображенный кудесник и впрямь окажется не таким, как все те, кого она знала.

– Я не тварь. – Великан поднялся со своего кресла. – Я король, а меня превратили в злобного уродца из детских сказок, которому в пору милостыню на улице просить. Их жадность не знала предела. Они иссушили эту землю, забрав всю магию, чтобы только подпитать свои силы, и возвели собственный город, не пустив в него меня.

– Да не пользовались они магией! – возразила Эрис, все больше убеждаясь в том, что каждое слово Чудовища лживо. – Город существовал еще до их появления.

– Да откуда тебе знать? – спросило оно, повысив голос. – Небось, ряженные медиумы рассказали, когда простирались перед этими вашими позолоченными статуями и делали вид, будто общаются с духами?

– Нечего высмеивать то, чего даже не видел. Ты за пределами этой земли ни разу не бывал. А я бывала. – Эрис тоже вскочила, чтобы показать свой гнев – и заодно спрятать капли пота на ладонях. – Они помогли городу, став королями, и защищали людей, когда пришла беда. Они спасли нас от *тебя*.

– Опять сказочки из той дурацкой книжки, – рявкнуло Чудовище. – Думаешь, раз умеешь читать, то знаешь про Саулоса с Ананосом всю правду?

– Можно подумать, ты ее знаешь, раз враждовал с ними и ничего, кроме ненависти, к ним не испытывал.

Великан стукнул по столу кулаком. Эхо удара сотрясло тело Эрис.

– А вот и знаю. Это мои братья.

Глава шестнадцатая

Боль пронзила грудь Эрис, точно ее швырнули в ледяное озеро.

– Твои братья?

– Я был старшим, – процедил великан, – и очень их любил, пока они меня не предали. До встречи с тобой я всего один раз делился знаниями о магии. Я подарил их братьям в знак нашего кровного родства. Научил их управлять магией, и за несколько лет мы в совершенстве овладели искусством управлять стихиями. Мы договорились, что оставим это знание при себе, чтобы никто не употребил его во зло, и сами будем применять его лишь во благо: для помощи нуждающимся, для поддержания равновесия в природе. Если случится голод, мы ослабим его, если потоп – иссушим, если пожар – умирим огонь. Таков был уговор, но он продлился недолго. – Чудовище вцепилось в столешницу. – Братья забыли, что природе нужно воздавать свое. Они повиновались секундным прихотям. Вместо того чтобы ослабить голод, они искореняли его. Если им не нравилась прохлада, они готовы были повелеть всем ветрам стихнуть. Так возник опасный прецедент. Жизнь рождается, только когда ее питает смерть, а их заботило лишь собственное наследие. Они считали, что человек должен становиться все сильнее, все выше и только тогда достигнет процветания. Только тогда мы будем жить в Вечном королевстве, в краю изобилия, где ни в чем нет недостатка. Мне эта идея казалась абсурдной. Самое высокое дерево рано или поздно надломится.

– Вот ты и решил, что бессмертие – лучшее решение, – съязвила девушка.

– Это новая форма магии, – поправил ее великан, – способная породить и вырастить собственное семя. Я бы вернул то, что забрал.

– Ты хотел вечно быть королем, – заметила девушка. Сладкие речи Чудовища больше ее не прельщали.

– Тут дело вовсе не во власти.

Девушка усмехнулась.

– Я, может, умом и не блещу, но даже мне понятно, на что способно бессмертие. Оно напугало твоих братьев. Да и *меня*, когда ты впервые про него упомянул. Короли уничтожили магию, чтобы защитить нас от тебя.

– Они уничтожили правду, чтобы приукрасить историю, – великан снова гневно повысил голос. – Братья неустанно черпали из источника магии, считая, что возвращать долг не нужно. Ну и где теперь твой город, это Вечное королевство, которое они вам сулили? Под гнетом засухи и голода! Природа наконец забирает свое, отвоевывает то, что у нее отнимали долгие годы эти себялюбцы!

– Зато твой город, как я погляжу, процветает! – гневно выкрикнула девушка в ответ. – Короли хотя бы не нарушали законов природы, лицемерно заявляя, будто следуют им!

Великан хрипло рассмеялся.

– Пускай их уже нет в живых, но, уверяю тебя, их наследие не погибло. Кое-кто до сих пор подпитывает город своей магией, а сам в таком ужасе, что того и гляди в штаны наложит, гадая, почему же она не повинуется его законам.

– Это все неправда! – воскликнула Эрис. Горло уже саднило от криков. – Виктория не стала бы держать такое в секрете. Тем более что и Констанция свято верит в королей. Уж я-то знаю своих сестер. А ты – подлый лжец.

– Магия – это фундамент, на котором стоит твой любимый город, – сказало Чудовище. – Именно она питала наши земли, так неужели ты думаешь, что братья стали искать какой-нибудь другой способ? Не на тех напали. Саулос с Ананосом злоупотребили знанием, которым я с ними поделился. Они высасывали из природы все, что только можно было.

– Это потому, что ты тиран! – вскричала Эрис. – Как ты не понимаешь? Твое могущество их пугало! Они просили тебя остановиться. Хотели простить тебя, проявить милосердие, но твоя жестокость не оставила им выбора. Ты объявил им войну!

– Нет, это *они* ее объявили! Мало того, этим трусам даже не хватило духу прибыть ко мне – они послали гонца. Жизнь этого юноши их ни капли не заботила. А как только я развернул свиток, по стенам замка уже забарабанили снаряды. Они вооружились *моей* магией, *моими* знаниями, которые я с таким трудом добывал! А когда победили, нанесли последний удар в спину – построили свой город и уничтожили меня. – Чудовище подалось вперед, вонзило когти в столешницу. – Я уже столько времени прозябаю в заточении и забвении, – процедило оно, подчеркивая каждое слово. – Но непременно заберу то, что они украли.

Эрис шагнула назад, скользнув пяткой по заднику ботинка.

– Ты жаждешь мести, – проговорила она, вдруг поняв, зачем же ему понадобилась. – Если ты возродишь эти земли, к тебе вернется и магия. Ты используешь меня, чтобы уничтожить Кешгиум и его жителей!

– Город, которого вообще не должно было существовать.

– Ты же сам говорил: магию нужно применять лишь на благо!

– Я хочу исправить несправедливость. Это самое что ни на есть настоящее благо.

– Королей нет уже несколько веков. А ты хочешь погубить тысячи горожан за то, на что они никак не могли повлиять! – Эрис стало нечем дышать и она попыталась ослабить кожаную броню, но тщетно. Великан и не думал становиться с ней друзьями. Все, чем он ее обнадежил, было ложью. – И меня убить хотел, как только я выполню свою часть уговора!

Великан горько рассмеялся.

– Я научил братьев магии, а они меня – мести. Но я как был королем, так и остался. – Он обвел жестом пустой зал. – Помоги мне, и поделишь со мной все это.

К горлу Эрис подкатил ком.

– Как...

– Став королевой.

– Нет, – сказала она, даже не успев этого осознать.

– Тебе все равно нечего делать в городе. Там скука смертная, уж я-то об этом наслушался. А здесь ты счастлива. Я предлагаю тебе сохранить то, что уже есть: тишину, свободу, замок. Уроки, которые

превратят тебя в настоящую волшебницу. Достижение *цели*. Уж не этого ли ты искала столько времени?

– Тварь, ты ведь меня использовал, – сказала девушка. – Твоя ложь ослепила меня, затмила правду. Никакая ты не жертва. Ты сам довел до такого.

Чудовище резким движением засучило бархатный рукав.

– Это все их заслуги, – взревело оно, вскинув изуродованную руку. – Они обезобразили меня проклятием, повелели океану яриться в вечном шторме, возвели горы, чтобы я не смог сбежать. Я заперт здесь до скончания веков, и ты еще смеешь *меня* винить?

Даже в слабом свете от свечей виден был серовато-синий оттенок его кожи. Всю руку покрывали глубокие, вздувшиеся по краям шрамы. Девушка вскрикнула. Жуткое зрелище застало ее врасплох.

– Я ведь все для тебя делаю! – прокричал великан, и эхо его голоса сотрясло каменные колонны. – И учу всему, что знаю. Проклятие истязает меня, и после этого я еще виноват? – Он схватил канделябр обнажившейся рукой и швырнул его в стену. Удар об пол потушил пламя, и зал погрузился во тьму. – Сама посуди, хотя куда уж тебе! Живешь мгновеньем, забот не знаешь, а о последствиях своих действий даже не думаешь!

Эрис трясло от холода, а после шквала откровений, обрушившихся на нее, дыхание никак не желало восстанавливаться. По сводчатому потолку бежали тени, ветер шипел ей на ухо.

Чудовище шагнуло к ней – медленно и решительно.

– Если не хочешь помочь, я тебя заставлю.

Вспышка паники отогнала оцепенение. Эрис поднялась на ноги и кинулась в спальню – в эту каменную темную клетку с четырьмя стенами, – только времени баррикадировать вход уже не оставалось. Шум шагов великана нарастал, и вот уже его огромное тело появилось посреди коридора.

Никакого плана у Эрис не было, но она понимала одно: нужно во что бы то ни стало остановить Чудовище. Девушка упала на колени и ударила кулаками по каменному полу. И вдруг из-под них вырвалось пламя и заслонило ее огненной стеной.

Эрис отпрянула, закрываясь от слепящего огня, и стала пятиться поглубже в спальню.

Сквозь яростный рев Чудовища, сквозь ее собственные испуганнее крики огонь прошептал одно-единственное слово:
– *Уничтожительница.*

Интерлюдия. Слова, съевшие небо

На нашу виллу приехал юноша. Он приветствует меня, прижав кулак к сердцу.

– Я к вам с вестями, король Ананос.

Его зовут Дэмеон. Помню его имя, потому что несколько месяцев спустя мы отправим его на смерть. Он повезет бумагу с известием о начале войны, а когда доставит ее, мы атакуем стены и убьем его.

В свою защиту хочу сказать вот что: я хотел действовать быстро и решительно. Думал, мы сможем уничтожить брата на месте, убить тирана сразу, минуя долгое противостояние. А гибель парнишки... что ж, это сопутствующий ущерб.

Оказывается, эта жертва была совершенно напрасной.

Но пока что мы этого не знаем. Пока что Саулос платит Дэмеону за информацию, а мы остаемся в изгнании за Королевским морем и пользуемся гостеприимством наших восточных союзников. Я очень им благодарен, вот только они во все добавляют сахар, да и лепешек сильно не хватает.

Киваю гонцу.

– Докладывай.

– Он восходит на трон раз в четыре дня, – сообщает Дэмеон. – Недавно вот к нему обратился человек, повздоривший с соседом из-за козла. Король не стал его слушать и принял сторону соседа. А после тотчас же ушел, не удостоив вниманием остальных.

– Раз в четыре дня? – переспрашиваю и хмурюсь. – А надо бы каждый день.

– Ты же сам знаешь, чем он занят, – напоминает Саулос.

– Ничего он не найдет. Это невозможно.

Саулос встает на ноги.

– Ладно, предположим, что наш дорогой братец не сможет стать богом. Он из кожи вон лезет, пытаясь найти этот самый чудесный эликсир, а долгом правителя пренебрегает. Что дальше? Чем больше людей он бросит на произвол судьбы, тем больше

недовольных обратятся за помощью к своим господам, чтобы те восстановили справедливость. А тем Аэру не указ. Они накопят могущество и соберут собственные армии, которые, хочу еще раз подчеркнуть, королю не подчиняются. А дальше – раскол. Население распадется на десятки групп, люди будут грызться за жалкие ошметки.

– Это предположение, не больше, – подмечаю я. – Разве человека можно приговорить к смерти за преступления, которые он, как мы думаем, совершит позже? Пока что его можно обвинить разве что в нелюдимости.

– А ты что предлагаешь? Ждать, пока наш народ начнет погибать, не получив помощи?

Я морицусь.

– Слово «ждать» безнадежно опорочено нашим братом и его философией безделья.

– Положим, он обретет бессмертие, – продолжает Саулос. – Но ведь он нарушил фундаментальнейший закон магии. Все, что берем у земли, нужно ей вернуть. Съев яблоко, мы растим из его остатков целый лес, который станет приютом для птиц, а те – кормом для кошек. Лишь человек обладает уникальной способностью возвращать больше, чем взял. Как знать, может, завтра наш братец сотрет нас с лица земли. Пусть называет это, как ему угодно, но на деле он уничтожает все, что мы знаем. Он станет богом и начнет жить по своим законам – не по законам Аэру, Архайи или даже Смерти, а по своим собственным, – а мы будем бессильны его остановить. Мы ведь с тобой как никто знаем его. Он не помог, когда начались бури. Он будет сидеть сложа руки, смотреть, как погибает его земля, нести всякую чушь про природу, в которой «все идет своим чередом», и жадно впитывать магию. – Саулос садится на колени и берет меня за руки. Пальцы у него в мозолях – слишком уж много читает. – Но мы-то можем все изменить. В наших силах все исправить.

Думаю о матери, которую он бросил ради бессмертия. Думаю о пожаре в Йенпире, самом южном городе в нашем краю. Тогда мальчишка, помощник гончара, не успел вовремя потушить угольки. Я хотел исцелить жертв при помощи магии, убрать ожоги,

покрывшие их тела. Но он сказал – нет. Лучше погляжу, как невинные люди страдают.

Ладно, это я уже додумываю, таких слов я от него не слышал. Тогда я никак не мог понять, почему он отказался подстегнуть масштабные перемены, а вот вечную жизнь себе обеспечил.

И до сих пор не понимаю. Жаль, он нам так ничего и не объяснил.

– Больше медлить ни к чему, – говорю я. – Не станем ждать, пока все порастет быльем. С проворством молнии, что бьет в дерево, вступим в игру и одним метким ударом изменим будущее.

Вот как мы убили Дэмеона и начали войну.

До чего мы были наивны. За два года изгнания, руководствуясь лишь скухими известиями, которые до нас долетали, мы состряпали историю о беспутном короле, который предал свой народ. Я всем сердцем поверил в его порочность, а когда мы его убили, только утвердился в этом мнении. Мне и в голову не приходило, что он и впрямь мог быть прекрасным правителем. Недаром ведь его подданные бились за своего короля целых десять лет. Наверняка на то были причины.

Ради спасения своего народа мы отправили на смерть тысячи бойцов; миллионы жителей погибли от голода и мятежей, начавшихся позже. Я обрек людей на страдания, потому что поверил в мрачное будущее, от которого только мы можем их защитить. А все из-за сущей мелочи: подумаешь, отказаться от ежедневных аудиенций. Какой пустяк! Свою отправку на войну мы сравнивали с тушением лесного пожара – надо погасить искорку, говорили мы, пока весь лес не погиб в огне.

Но он все равно сгорел. Мы погубили родной дом.

Нет, «погубили» – еще мягко сказано. Мы его уничтожили.

Понимаете? Обычно на войне погибают только люди. Земле до этого дела нет. Можно проливать кровь, сжигать дома, но Архайя будет ждать в стороне, а вместе с ним дожди и гниение, и вернутся они, лишь когда гнев ненасытной Аэру поутихнет. Развязав войну, мы устроили апокалипсис. Мы пустили в расход всё до последнего зернышка, до последнего порыва ветра, до последней капельки из ручья – и мир кругом погиб, от него совсем ничего не осталось.

Я убил родного брата собственным мечом. Дважды перерезал ему горло. И сам поранился – на руке до сих пор есть шрам. Под кожей осталась капелька крови, и как бы я ни ковырял свою плоть, убрать ее не получается.

Неужели мы выбрали лучший путь?

Неужели?

Катарсис

Глава семнадцатая

Уничтожительница.

По комнате расплылся алый жаркий туман, а следом вспыхнул огонь. Языки пламени стали сгущаться, постепенно раскаляясь добела, и наконец обрели форму двух ребятишек. Эрис узнала херувимские личики из своих снов, вот только теперь на глазах у детей были повязки, а белый огонь плясал в пустых, выжженных глазницах. Девочка потеряла руку – жаркий ветер раздувал пустой рукав. Мальчик был куда ниже, чем в снах Эрис. Она не сразу поняла, что он сидит. Оказалось, что он лишился обеих ног.

– *Мы снова встретились,* – сказал мальчик. Его прежний голос эхом пронесся в сознании Эрис. – *Повелительница текучего пламени.*

– *Та, что хранит равновесие между мирной водой и бурей,* – добавила девочка.

– *А его все равно сжигает.*

– *И называет другом,* – поправила брата девочка, сделав особый упор на этом слове.

Пустые глазницы мальчика уставились на Эрис.

– *Любопытно. А он так совсем не думает.*

– Не понимаю, о чем вы толкуете, – сказала Эрис. Перед глазами плясали алые пятна. Когда зрение восстановилось, девушка стала искать взглядом сторбленную фигуру великана, но бездымный огонь пылал ярко, точно звезда перед гибелью, и в этом свете не было видно ни единой тени.

Девочка выгнула бровь, уперла обожженную руку в бок, оглядела комнату, куда их с братом призвала Эрис.

– Стало быть, у тебя прибавилось магии, раз тебе удалось такое в запретном краю.

– Где все хрупко и несовершенно, – подхватил мальчик. – Дар ясновидения, который мы обрели, прибавляет нам знаний, но не времени.

– Тогда не будем тянуть, – сказала сестра. – Твой город медленно и мучительно умирает – из-за тебя.

– Магия исчезает – из-за тебя, – подхватил мальчик.

– Мы умираем из-за тебя, – продолжили они хором. – Нам виден финал. Ты подняла волну, и нас несет течение смерти, уничтожительница.

– Не зовите меня так! – процедила Эрис. – Это не я разоряю город, а Чудовище. Я пыталась вам помочь. Честное слово. Мне жаль, что моих сил не хватило. – Она отчаянно схватилась за волосы, но этот жест несколько ее не утешил. – Я ничего не знаю. Я не понимаю, о чем вы говорите. Я понятия не имею, как вас спасти. Как можно валить на меня всю вину, если я только начинаю понимать, что такое магия...

Слезы подступили к горлу. Два короля солгали! Никому они горло не перерезали. Своего брата они проклинали. Они пользовались магией. Кешгиум пропитан ложью, а Чудовище реально, это и есть Тварь, жаждущая отмщения, и она использует Эрис как сосуд с чарами, не больше. И забота Чудовища была лживой. Все, во что она верила, – неправда. Храм, ритуалы, фрески на воротах, статуи, безобидная роза, которую она возложила к отцовскому гробу, ужины, разговоры в теплом свете свечей – все это ложь.

– Довольно! – рявкнула Эрис. – Не знаю, чего вы от меня хотите, а ему нужно лишь одно – магия. Хватит с меня вопросов без ответа, хватит требований! – Она попыталась уйти, прервать разговор, но стена пламени преградила ей путь. Девушка выглянула в единственное окошко. Щербатые стены замка не смягчат ее падения – напротив, переломают все кости. Россыпь чахлах мертвых деревьев внизу тоже не помогла бы, даже выживи Эрис после прыжка. Она сунула руку в ботинок, туда, где раньше хранился кинжал, – пустота. Жаль, что она так плохо владеет магией и не может сделать, чтобы оружие вновь появилось в руке.

– Десница Аэру, у нас для тебя сообщение...

– Нет! – Эрис замахнулась на огонь в тщетной попытке заглушить голоса детей.

– *Мы в безвыходном положении,* – продолжал мальчик. Белые контуры его тела начали расплываться в огне. – *Город напал на нас первым, сжег нас дважды, но тела жертв питают наши корни, выигрывают для нас время. Мы затаились, мы ждем, пока восстановятся шипы, лепестки, веточки, чашечки. Но работа эта небыстрая, мы скованы нашим королем, да и город быстро восстанавливается. Они всё бегут и бегут, как муравьи, сколько ни раздавишь, появляются новые.*

Эрис не справилась с ужасом, который взметнулся волной в груди.

– Так вы убиваете горожан! – воскликнула она дрожащим голосом. – Мои сны были вещими!

– *Мы не можем завершить возмездие своими силами,* – продолжили дети. – *Нам нужна помощь. Нам нужна магия. Твоя магия.*

Чудовище жаждало отомстить своим братьям. Розы попали в город и убивали его жителей. Слишком поздно. Возмездие началось много лет назад, когда великан отправил ее отца домой с горстью семян вместо золота.

Руки Эрис задрожали от ярости. Чудовище использовало ее отца! А как только розы расцвели, он умер!

– *Когда твое сердце смягчится, вспомни наши слова,* – прошептал мальчик, увидев гнев на лице Эрис. – *Мы не убивали твоего отца. Он надыхался пылью в бесплодных полях, отсюда и взялся кашель. Долго он бы не протянул.*

– Вы его убили, – крикнула девушка, не желая слушать детских оправданий.

– *Он поливал нас,* – продолжала девочка, – *нашептывал нам всякие безделицы, а потом позабыл.*

– *Мы отвечали ему любовью,* – подхватил мальчик. – *Всякий раз благодарили его перед уходом. Цвели изо всех сил, чтобы нас можно было увидеть издалека.* – Его опаленные брови – вернее, то, что от них осталось, – горестно опустились, состарив еще сильнее его обезображенное тело. – *Мы послушались своего короля ради того, чтобы поддерживать в твоём отце жизнь.*

– *Но это не могло длиться вечно,* – добавила девочка. – *Слишком уж его легкие почернели, запачкались, съезжались.*

– Передай нашему королю, что мы просим прощения. Мы полюбили другого, и... эта любовь подарила нам надежду, пускай и на время.

– Ничего я ему передавать не буду, – отрезала Эрис. Кровь в ушах стучала до того громко, что почти заглушала трескучие голоса детей. – И что толку от ваших подачек? Тварь использовала моего отца, чтобы отомстить, чтобы истребить весь город. Он все равно бы не выжил, а сестры... – Девушка побледнела. – Короли, помилуйте! Мои сестры... Гнусный лжец...

Не успела Эрис остановить детей, как огонь стал холодным и изумрудным и ураганом взвился под потолок. В дверях застыла огромная грозная фигура Чудовища. По комнате заплясали темные силуэты.

Чудовище потянуло на себя огонь – так дергает поводья всадник, и тот побежал по его руке, а потом исчез. Зеленые шрамы вспыхнули, раскалившись добела, а потом тоже погасли. Великан склонился вперед со стоном – руку свело страшной судорогой, – но у Эрис не было к нему и капли сочувствия.

– Ты их подослал, – прошипела она. – Ты использовал моего отца.

Глава восемнадцатая

Эрис прочертила ногтями ярко-красные полосы на руке. Всякий раз, когда Чудовище попадало в поле зрения, ее накрывало таким отвращением, что так и хотелось содрать с себя это чувство.

– Довольно лжи! – воскликнула девушка. – Розы мне все рассказали. Ты их подослал, чтобы уничтожить город, так?

Великан схватил себя за руку. Та заметно дрожала.

– Лучше скажи сперва, цела ли ты...

– Ты использовал моего отца, чтобы отомстить, – отчеканила Эрис, пропустив его слова мимо ушей.

– Прискорбно, что так вышло.

– Останови их!

– С какой стати? – рявкнул великан. – Этот твой город – противоестественная мерзость, с которой давно пора свести счеты. Он живет лишь благодаря магии, и в нем нет ни капли правды.

– Мои сестры погибнут из-за тебя! – вскричала Эрис. Мысль о том, что Чудовище не понимает, сколько невинных горожан падут жертвами его мести, приводила ее в ярость. – Останови их!

Великан скрипнул зубами.

– Побочный ущерб, что поделать. Все ради цели, к которой я шел не одно столетие.

– Бессердечный ты изверг! Ну и что ты выгадал, используя моего отца?! – Девушка вскинула руку и указала на трещины в потолке комнаты. – Пустой замок несуществующих богов. Мир позабыл о тебе, и поделом.

– Будь уверена, я сотру город, который построили мои братцы, в порошок, – сказал великан. – И если в расплату за это мне придется

целую вечность прожить в этой пустыне, так тому и быть. – Чудовище тряхнуло головой, глухо усмехнувшись, – казалось, оно не могло поверить, что отмщение наконец свершается. – Я продумывал план несколько веков, потом потянулись семь лет ожидания, и вот наконец я у финальной черты.

Эрис сжала кулаки – так сильно, что ногти вонзились в кожу. Без толку пытаться докричаться до Чудовища. Остается одно – самой призвать розы. Она упала на колени и принялась колотить по каменному полу, повторяя движения, еще совсем недавно пробудившие к жизни огонь, но тщетно. Эрис повторила попытку, только куда яростнее. Кожу саднило, кости дрожали, и вскоре на каменном полу появились кровавые полосы.

Ее боль пробудила в великане тень сочувствия.

– Ну что ты себя калечишь? – сказал он и потянулся к девушке, но та отпрянула.

– А тебе какое дело, Тварь? – спросила она, баюкая окровавленные руки. – Тебе же только и надо, что истребить все живое!

– Я не Тварь, – прошипел великан.

– Не вижу разницы. Ты предал любовь двух королей. Использовал моего отца, чтобы отвоевать былое величие. А теперь и сестер моих убить задумал. Может, уже убил.

– Что это ты вдруг так о них забеспокоилась, – насмешливо спросил великан. – Они же так плохо с тобой обращались. Ты ведь и сбежала из города потому, что родная сестра собиралась бросить тебя в темницу!

– Семья на то и семья, – ответила девушка. – Ты любишь ее, даже если родня делает тебе больно.

Великан сделал несколько шагов назад и переступил порог комнаты. Скрестил могучие руки на груди, усмехнулся с таким вызовом, что Эрис тут же поняла – она его больно задела.

– Глупая девчонка, – сказал великан. – «Время пожирает все». Так написано над изображением Аэру и других богов, украшающим вход в Большой зал. Однажды ты поймешь, что твоя любовь неуместна, а жертва не имеет никакой цены для тех, ради кого ты готова была сердце из груди вырвать. Твоя любовь обернется против

тебя же, дитя, тебя проклянут, и даже имя – и то исказится до неузнаваемости. Время пожирает все, и любовь не исключение.

Эрис уставилась на его лицо, скрытое капюшоном. Нет, это было не предупреждение. В его речи сквозила боль, причиненная братьями и той ложью, которую они вокруг него соткали.

– Теперь ты колдунья, – продолжал великан, приняв ее молчание за согласие. – Если ты вернешься домой и применишь во благо городу те крупицы волшебной силы, которыми здесь овладела, сестры не встретят тебя с распростертыми объятиями. Никто и не подумает поблагодарить за спасение. Тебя возненавидят, а потом казнят, и никто не заступится, а все из-за лживых книжек, которые они прочли, и бессмыслицы, написанной там. В тебе увидят рабыню, попавшую в лапы того, кого они нарекли Тварью. – Великан распрямился, грозной горой нависнув над Эрис. – За что бороться? – спросил он с тенью улыбки в голосе. – Награды ты от них не дождешься, тебя ждет верная смерть. А я подарю тебе заслуженное признание.

– Они же совсем не то, что твои братья, – прошептала Эрис.

– Что?

– Виктория и Стаци, – сказала Эрис. – Они никакого зла тебе не причинили. И мой отец тоже.

Чудовище поникло, в один миг растеряв дух победителя. Оно не проронило ни слова, но Эрис и так все поняла.

Мне больно это слышать, сказал бы сейчас великан, будь он готов это признать.

Девушка поднялась на ноги и толкнула плечом железную дверь своей комнаты. Чудовище не шелохнулось, чтобы ее остановить. Металл скрипнул по камню. Сейчас ей требовалось одно: время. И не стоило отвлекаться на Тварь – так быстрее получится найти розы в детском обличье. Она остановит их, и ей больше не придется лицезреть уродливую великанскую фигуру.

Чудовище молча смотрело на стремительно захлопнувшуюся дверь, и руки у него по-прежнему подрагивали. Скоро оно пропало из виду.

Глава девятнадцатая

Как же он добился такой силы? Едва ли для столь мощного пробуждения хватило лишь созерцания. Наверняка был и другой способ, которым он не захотел с ней поделиться, тайное оружие, способное мгновенно пробуждать магию. Но что толку грезить о том, чего она не умеет? Ей оставалось одно – задумчиво созерцать, медитировать и доводить этот навык до совершенства.

Эрис забаррикадировала дверь подгнившими ящиками из шкафа, села на кровать и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Дрожь в руках не стихала, сердце глухо колотилось, а из головы не шли жуткие картины – Констанция, погребенная под лавиной роз, колючие стебли, которые оплели горло Виктории. Лепестки забили Констанции рот, шипы вонзились Виктории в кожу. На шее сестры, словно ожерелье, алели кровавые бусины, а ведь та совсем не любила украшения...

Эрис вцепилась себе в плечи. Что это: пророчество или плод ее воображения? Как ни дыши, а страшные мысли не уходят. Можно попробовать уснуть в надежде, что снова приснится стеклянная пустыня, но за те долгие месяцы, что она провела в стенах замка, розы в детском обличье являлись к ней всего два раза. Медлить некогда. Надо *срочно* с ними поговорить.

Девушка принялась ходить по комнате. Разноцветные коврики можно использовать как замену зыбучим пескам. Она привстала на мыски и стала прыгать по полу – с одного цветного островка на другой, – вот только теперь опасности провалиться в яму не было, и Эрис почувствовала себя глупо, она была точно ребенок, играющий

в классики. Этого мало. Надо придумать что-то еще. Сестрам грозит опасность.

От пожара остался только черный след у двери. В трещинах меж камней виднелись горстки черного пепла. Эрис нахмурилась и подняла обуглившуюся палочку. Кусочек стебля из сада – должно быть, чертополох. Наверное, Чудовище его сюда закинуло, пока она отвлеклась.

Эрис разломала стебель на мелкие кусочки. Великан затушил ее огонь потоком зеленого тумана. Пусть братья и прокляли его, он владел такой мощной магией, что все достижения Эрис с этим не сравнятся.

Если Чудовище и впрямь сожалеет о том, что использовало ее отца, пускай оживит его – только тогда Эрис подумает о прощении. Ему ведь известен секрет воскрешения, просто он не хочет им делиться! Девушка нахмурила саднящий лоб, пытаясь понять, почему же он так упорствует. Она сотворила несколько чудес на этой бесплодной земле. Может, великан чувствует в ее лице угрозу? Он поманил ее идеей пробуждения, но всех карт не раскрыл, чтобы она не смогла его превзойти. Да, в этом-то все и дело. Самолюбивый, жадный до власти монстр – точь-

в-точь Тварь из книги королей.

Пробуждение – недостижимая цель. Все уроки, которые она усвоила, пользы не принесли. Остается одно – пытаться неустанно и яростно. Любой ценой призвать розы.

Эрис опустила на колени у очага и поморщилась от боли. На ободранной коже выступила блестящая кровь. Должно быть, она поранилась и до этого момента просто не замечала боли.

– Вернитесь, – приказала она языкам пламени. – Я приказываю вам остановиться.

Тщетно. Девушка уставилась на огонь, надеясь призвать розы пристальным взглядом.

– Вернитесь, – повторила она громче. – Пожалуйста. Пощадите мою семью. Больше у меня никого нет в целом мире.

Дрова продолжали трещать в камине.

Глаза защипало от жара, пришлось крепко зажмуриться. Под веками проступили яркие пятна – оттого, что она долго смотрела

на огонь, – но вскоре им на смену снова пришли сцены с сестрами. Горло Констанции раздулось от удушливого кома розовых лепестков. Темные волосы Виктории прилипли к лицу, пряча его выражение. Лозы всё крепче оплетали ее тело.

– Нет! – простонала девушка, закрыв лицо ладонями. Не может этого быть. – Нет, нет, нет!

Чудовище спасло ее, проявило милосердие в трудную минуту, но убийцей от этого быть не перестало. Она поджала пальцы на руках и ногах от отвращения. Все его благодушное отношение к ней – лишь маска, за которой таилась истинная сущность! Как оно вообще посмело разглагольствовать о горе и одиночестве! Эрис задрожала от рыданий и снова ударила по полу окровавленными кулаками.

В узком окне, за оградой замка, лесом и горами, раскинулось бескрайнее небо. Оно так и манило к себе.

Свобода, свобода, свобода.

– Спокойно, – шепнула Эрис самой себе. Она понимала: если сбежит, ее и впрямь ждет то, что описал великан, – здесь он не солгал. Ее слабой магии не хватит, чтобы спасти город, но все узнают, что она колдунья.

По щекам девушки побежали слезы. Все, за что она бралась, оборачивалось катастрофой. А она ведь всегда так старалась понять, чего от нее хотят, усвоить уроки – напрасно. Она подвела Викторию, не взяв налога с Мэтью. Подвела отца, оставив его в одиночестве, когда он умирал. Заботься она о нем лучше, может, заметила бы много лет назад, как он сажает розы, и остановила его. А когда розы расцвели, она подвела детей, не поняв их загадок. А теперь вот не может спасти сестер, а уж тем более город.

Да и Чудовищу она была нужна лишь потому, что обладала магической силой. От этой мысли стало больнее всего. До чего же наивно было думать, что ему приятно ее общество!

Эрис последний раз ударила кулаком по каменному полу и позвала розы в надежде, что кровавая жертва станет доказательством ее безмерного отчаяния.

И снова ничего.

Эрис упала на коврик и горестно ткнулась в ткань, орошая ее слезами.

– Кругом одна ложь, – вскрикнула она.

Все попытки оказались бессмысленными. Девушка устало сжалась в комочек посреди ненавистной комнаты, содрогаясь от всхлипов.

Лучше бы она погибла в ту ночь, когда нырнула в пещеру в горе. Злосчастные крупницы магической силы помогли выгадать время, но все шло к одному финалу. Каждый вздох, пропитанный дымом, каждый взгляд на беззвездный потолок. Скоро железная дверь упадет и разлетится на кусочки под напором необъяснимой магии Чудовища, оно переступит порог и схватит ее.

* * *

Сон пришел, но не о стеклянной пустыне.

Эрис открылся причудливый ландшафт, сотканный из струек черного дыма. Их движение не прекращалось ни на миг, они принимали форму лишь на мгновение, а потом рассеивались.

Девушка села рядом со старым домом с покосившейся дверью, стоявшим у опушки зеленого леса, где у деревьев были мощные стволы, питаемые рекой. Но стоило солнцу опуститься за горы, как деревья поникли. Некоторые даже упали, как осенние листья. Мимо фермы шла рабочая лошадка и тащила за собой плуг. Она кивала понурой головой на каждом шагу. В тощем теле, казалось, не осталось ни одной мышцы. Земля, по которой тащился плуг, была безжизненной, зернистой и светлой, но лошадь не останавливалась. *Какой бессмысленный труд.* Эрис подошла к кобылке, погладила ее по крапчатой, седеющей гриве. Сквозь пальцы упало несколько прядок.

Хомут на шее лошади был прикреплен к плугу двумя кожаными ремнями. Не успела Эрис отстегнуть задний, как лошадь заржала и бросилась прочь, поднимая облачка пыли. Она галопом понеслась к лесу.

Эрис бросилась вдогонку. Чем дальше она заходила, тем больше деревьев встречалось на ее пути. Черный лес, сотканный из тумана, казалось, так и рассеивается у нее под ногами. Над головой раскинулись ветви, точно нити чернил, расплывшихся в воде.

Вдруг ноги в чем-то увязли. Под подошвами захлюпала мягкая плоть. Дым уплотнился, и Эрис разглядела, что наступила на вспоротое брюхо быка. Тропу, по которой она шла, усеивали черно-белые доспехи. Трупы громоздились друг на друге, вокруг них сновали мухи, повсюду разливался запах гниения.

Она снова оказалась у расщелины в горе. Рядом с ней сидели две знакомые фигуры: юная Эрис с опухшим от слез лицом и прилипшими к нему соломенными волосами и смуглый мужчина, обнимавший ее в ожидании, пока осядут грязь и пыль.

– Что там? – спросила маленькая Эрис.

Губы девушки тронула нежная улыбка. Она помнила эти события. Помнила мозолистые, шершавые руки отца, землетрясение, из-за которого все это случилось.

– Нет, надо возвращаться, – сказал отец, взял девочку на руки, прижал к груди и пошел прочь от горы. – Нужно готовиться к...

– Стойте! – крикнула им девушка. Ей не хотелось так быстро отпускать отца. Она стиснула его плечо.

Лицо у него расплылось, превратилось в большое пятно. Как Эрис ни смещалась в стороны, она не могла толком его разглядеть. Размытые черты скрывали пряди волос неясного цвета – *белые? черные? темные, но уже тронутые сединой?* – ими играл ветер. И только голубые глаза, окруженные морщинками, ярко сияли в море ее памяти. Одежда отца слилась с черным туманом, а вскоре он залил девушке глаза, поглотил все: и гору, и лес, и тени.

Личико маленькой Эрис вдруг стало лицом другого ребенка – с повязкой на глазах, темными волосами и зловещей улыбкой на губах.

У девушки перехватило дыхание.

– Не надо, – прошептала она и протянула руку, чтобы прогнать девочку-розу.

Отец, безмолвный и испуганный, уставился на нее большими глазами, полными мольбы. Не успел он прервать молчание, как черный туман спустился вновь, нахлынул волной и смыл все без остатка. А следом вспыхнул слепящий свет.

Стены и железная дверь так и стояли невредимыми, а из коридора доносился мягкий, лишенный ритма стук.

Эрис потеряла счет времени и не знала, как давно она уже прячется в этой забаррикадированной комнате. Девушка заерзала на кровати, и жесткий шелк больно царапнул саднящую кожу на ладонях. Раны оказались сухими на ощупь. Что ж, хоть кровотечение прекратилось. В какой-то момент она, должно быть, упала в постель, но, когда и как, вспомнить не могла. Мебель, которую она придвинула к двери, тоже ничуть не пострадала.

Злосчастная комната. Дважды ей здесь грозила верная смерть, и дважды Эрис удавалось уцелеть. Чудовище обмануло ее, посулив погибель, и она была благодарна за эту ложь.

Эрис простонала и помотала головой, стараясь прогнать болезненный гул. Может, ложь и впрямь бывает полезна для общего блага. Виктория вот стала Второй, несмотря на отсутствие сильной веры. Если бы не ее слепые амбиции, Эрис пришлось бы вслед за отцом идти работать на каменоломню, где он надышался бы пылью и умер еще раньше.

Констанция же скрывала правду из сочувствия. Эрис вспомнилось, как сестра однажды сидела у постели умирающего пациента. Живот у него почернел, повязка, одеяло и простынь были алыми от крови, в воздухе висел гнилостный запах. Он бредил от боли и то и дело называл Констанцию мамой.

– Да-да, это я, все будет хорошо, – приговаривала Констанция своим ласковым, успокаивающим голосом. Она пробыла с ним до самого конца – пока он не закрыл глаза навсегда.

Город, созданный королями, властвовал над жизнью всех, кто был дорог Эрис. Сама она не могла найти себе там места, но в этих стенах ее семья обрела спасение.

От этой мысли во рту разлился горьковато-сладкий привкус. *И все равно ложь есть ложь.* Виктория отреклась от собственного прошлого, обрекая на голод бедняков – хотя когда-то и их семья была в их числе, – и все ради процветания города. Констанция же солгала умирающему, чтобы облегчить себе жизнь.

Стук в коридоре никак не утихал. Эрис отодвинула мебель, приоткрыла дверь и выглянула в узкую щелку. На ручке с другой стороны покачивалась маленькая музыкальная подвеска. На полу стоял

железный поднос, а на нем – лепешка, обернутая в ткань, и небольшая тарелка с тушеной бараниной, морковью и перцем. В углу подноса горела свеча в стеклянном подсвечнике, почти до самых краев залитом расплавленным воском.

Чудовище просит прощения.

Эрис стиснула кулаки. Она стала зависимой от убийцы, от его подачек, точно коза, которую откармливают на заклятие и от которой нет больше толка. Вскрикнув, девушка пнула поднос. Тарелки со звоном покатались по полу.

Эрис закрыла лицо руками. До чего жестокий сон! Он снова напомнил ей об отце, которого отняли у нее так рано, которого беспощадно использовали, который жил в городе, полном лживых рассказней о магии, в городе, где найдут упокоение ее сестры – не сейчас, а потом, еще не скоро, – мысли об ином сценарии казались невыносимыми. В Эрис с новой силой вспыхнул гнев – она злилась на главного виновника всех этих бед, на Чудовище, ее бывшего товарища и будущего убийцу тысяч горожан, которые даже не догадываются о его существовании и виноваты лишь в том, что живут в городе, возведенном его братьями.

Призвать розы у нее не получилось. Она не смогла остановить месть великана. Но есть кое-что такое, с чем ей под силу справиться.

Воскрешение.

Сперва она планировала оживить отца после того, как выполнит обещание, данное Чудовищу. Теперь же она берет свои слова назад. Если великан не собирается учить ее искусству воскрешения, она справится и сама.

Только нужен труп. Впрочем, она знала, где его найти.

Глава двадцатая

Спотыкаясь, Эрис пробиралась по темным коридорам, осторожно ощупывая стены. Факел она с собой не взяла – боялась, что ее сразу заметят. Не хватало еще, чтобы ее сцапали. Она еще ни разу не ходила по замку вот так, вслепую. Так он казался просторнее, коридоры будто бы удлинились, дыхание сделалось громче. Наконец чернота сменилась очертаниями сада, залитого лунным светом.

Растения отбрасывали друг на друга синевато-черные тени. Эрис пересекла галереи, рассудив, что стук шагов по мраморному полу лучше скрипа гравия под ногами, и поспешила в дальний угол сада, к небольшому земляному холмику с тремя белыми камнями.

Она не забыла, где похоронен детеныш пантеры. Да и как такое забудешь? Его могила постоянно напоминала ей о совершенном преступлении. Как знать, может, если его оживить, убийство простится и выполнять обещание, данное великану, уже не понадобится?

Обещание. Эрис задумчиво теребила край рубашки, перебирая пальцами. И почему оно никак не идет у нее из головы? Никакого обещания больше нет. И все же, вопреки всей ее злости, успокоиться она не могла. Ведь даже во время их поединка Чудовище тревожилось о ее ранах.

Девушка тряхнула головой. *Это чувство вины*, подумала она. Вины за то, что великан причинил зло слабому старику, который искал золото, чтобы спасти свою ферму. Но каким бы ни было его раскаяние, он не перестанет быть убийцей в ее глазах.

Эрис принялась щупать землю и нашла края могилы. Даже при лунном свете видно было плохо. Могила была усыпана землей, а не пеплом, как все вокруг, но земля эта была зернистой

и сухой и рассыпалась, стоило только к ней прикоснуться. Эрис по очереди убрала камни с холмика, стараясь действовать бесшумно. Если ничего не получится... всегда можно перезахоронить тело.

Потом девушка опустила руки в зыбкую землю и принялась раскапывать ее – так осторожно, будто раздвигала воду, чтобы только не повредить труп. Земля струилась сквозь ее пальцы и шипела в тишине, точно водопад. А каждый камешек громко стучал, точно тяжелый шаг.

Эрис копала все глубже и глубже. По шее ручейками побежал пот. И вот, когда ноги уже жгло от натуги и дальше стоять на коленях было невозможно, она нащупала мягкую шерстку.

Девушка взяла на руки маленькое тельце. Кости слегка сместились, казалось, одно неверное движение – и скелет переломится.

В недрах пустыни трупик превратился в мумию. Тело еще не до конца разложилось. Ключки шерсти выпали, обнажив морщинистую бледную кожу. Земля высосала почти все соки из детеныша, и под кожей топорщились ссохшиеся жилы. Рана на шее, нанесенная Эрис, никуда не делась – она зияла на трупе черным провалом. Девушка смахнула с усов детеныша песчинки.

Глаза у котенка сгнили – от них остались лишь пустые глазницы. При виде их Эрис вспомнила про детей-розы и их окровавленные повязки. По спине побежал холодок. Оторвав кусок ткани от своей рубашки, Эрис замотала котенку голову. Пускай она и собиралась использовать несчастное создание в своих целях, уважение все равно было нелишним.

Девушка отыскала в саду местечко, не усыпанное обломками стен и не скрытое тенью, и осторожно положила трупик на землю. Котенок, казалось, просто уснул на боку. Золотистые пятна на его редкой шерстке слабо мерцали в лунном свете.

Эрис села рядом и прикусила губу.

Другого выбора попросту нет. Нужно действовать, и, если уж в ее распоряжении есть тельце котенка, так тому и быть. Чудовище вон столько жизней погубило на своем веку и наверняка не раз проводило обряд воскрешения. В сравнении с этим ее преступление казалось ничтожным.

Эрис опустила руки на трупик. Кости скрипнули под ее прикосновением, она с трудом сдержала гримасу. Пальцы нащупали что-то похожее на тоненький корешок, – возможно, венку, – и Эрис осторожно ее сжала, закрыла глаза и погрузилась в океан чувств, оставив логику в стороне. Может, если дать волю эмоциям, ей станет легче.

Ее обдало жаром вины и злости, и она сосредоточилась на пульсации в пальцах, силясь выплеснуть свои чувства. Земля не сразу отозвалась, но наконец Эрис ощутила крупцу тепла, слабую, как последняя искорка в костре, но все же теплую. К ней потянулись тысячи корней – бескрайнее мрачное море смерти, ждущее, ждущее...

Чего же оно ждет?

– Тебя, – отозвалась земля.

Я здесь.

Бесконечные корни рванули вперед, накрыли ее руки лавиной раскаленной магмы, и Эрис уже приготовилась...

Но тут кто-то схватил ее за запястье и оттащил в сторону. Девушка взвизгнула, оцарапав локти о землю и подняв облако пыли. А когда подняла голову, увидела над собой сторбленный силуэт. Из-под капюшона торчал острый подбородок, а в голосе сквозил такой гнев, какого Эрис еще никогда не слышала.

– Что, во имя богов, ты тут делаешь?

Глава двадцать первая

– Провожу обряд воскрешения, – ответила девушка. – Хочу вернуть отца.

– Взбалмошная упрямица, – осклабившись, процедил великан. – Это ни к чему.

– Уж как-нибудь сама разберусь, – отрезала Эрис. – Не тебе мне указывать, что чувствовать.

– Ты ступаешь на тропу, откуда нет возврата, – предупредил великан. – Когда оступишься, а это неизбежно...

– А вот и справлюсь, а ты останешься в проигрыше. – Эрис вздернула плечи. – Ты просто меня боишься, – с растущей уверенностью заявила она. – Боишься, что я одолею тебя, победившего Смерть. Стоит мне набраться сил, и я смогу помешать тебе истребить город.

Он удивленно рассмеялся – этот смех походил на лай.

– Думаешь, я тебя предостерегаю из страха? – Из-под ткани плаща замерцал зеленый свет. – Тогда смотри, чем закончились мои попытки воскрешать умерших.

Под великаном расползлось изумрудное сияние, накрыв белый пепел. Потом туман стал сгущаться, и вскоре его струйки сложились в очертания скелета.

Эрис ахнула, уставившись в его пустые глазницы. Сам скелет не двигался, но вокруг него вился дым. В уши Эрис вдруг ударил оглушительный мальчишеский вопль.

– Его звали Симеон, – сказало Чудовище, заглушая пронзительные крики. – Ему было четырнадцать, когда он вступил в мою дружину.

Он был оруженосцем при своем отце. Копье пробило ему живот насквозь.

Девушка не сводила глаз с зеленого скелета, вслушиваясь в единственную фразу, произносимую этой расплывчатой фигурой.

– Детство он провел в доме у ручья. Когда Симеон был еще маленький и на наших землях царил мир, его мать научила мальчишку рыбачить. Но это занятие ему не нравилось: сидеть у реки в вечном ожидании – скука смертная. Он жаждал приключений и крови, грезил о рыцарстве и битвах.

– Отпусти его, – шепотом взмолилась Эрис.

Зубы у Чудовища застучали. Оно стиснуло пасть, чтобы унять дрожь, а потом продолжило рассказ.

– Из-за... моей ошибки он обречен целую вечность снова и снова переживать один и тот же миг. Он видит, как над ним склоняется враг, как протыкает острием копья его тело. Он хватается за копье, думает, что, если вытащить его, все будет хорошо. Боль накрывает его, лишь когда во рту разливается вкус крови. Ум хватается за любой способ выжить, но замыкается на одном-единственном воспоминании...

Хочу домой, хочу домой, хочу домой...

Тут появилось второе тело. Перед Эрис предстал воин. Его костлявые руки были прижаты к груди. Туман вычертил его фигуру куда детальнее, видно было даже герб с молнией на броне, но части головы не хватало. Зазубренные края изуродованного черепа дрожали. Из бездны горла рвался нескончаемый крик.

– Йеон, мой военный генерал, – пояснил великан. – У него была до того белоснежная улыбка, что я однажды в шутку запретил ему показывать зубы. Он был рядом, когда мои братья осушили море и затмили небо. Йеон вполне мог сбежать, дезертировать, сдаться, но решил командовать остатками моего батальона – последней линией обороны перед падением замка. Он ждет славной смерти, бросается вперед с мечом в руке, с вечной улыбкой на губах, но тут его охватывает пламя.

Эрис не сводит глаз с дыры на месте лица.

– Знаешь, как больно умирать в огне? – спросило Чудовище, вскинув руку. – А я каждый день это чувствую. Его кожа пузырится, он пытается ее затушить, но управлять телом не получается, потому что все нервные окончания уже выгорели. Пламя перекидывается

на голову, зубы чернеют и начинают шататься. Я чувствую запах опаленной плоти и волос. Голосовые связки гибнут последними.

Туман вновь закружил и соткал новое тело. На этот раз женское.

– Когда Ананос перебрался через баррикаду и рассек мне горло мечом, мне вспомнилось, как мы сердили маму, утаскивая тополиные веточки из-под ее кровати. – Смешок великана напомнил всхлип. – И я подумал: если она вернется, если я ее воскрешу, все будет как прежде.

– Нет, – ахнула Эрис. – Только не надо показывать...

Его мать стояла как вкопанная, сцепив длинные изящные руки. Ее черты были видны куда отчетливее, чем у прошлых призраков. Эрис различила каждую родинку и морщинку на ее руках. Ее тело не пострадало – не было ни ожогов, ни переломов. Если бы не вышивка и не кисточки на подоле платья, ее можно было бы принять за обычную женщину. Ни Саулос, ни Ананос не унаследовали ее круглое лицо и плоский нос. Зато у них были такие же волосы – мягкие, волнистые от природы, они ниспадали на спину, а их кончики струились по воздуху.

Она смотрела вдаль широко раскрытыми глазами. Зрачки неподвижно застыли, белки были оплетены паутиной лопнувших сосудов, по щекам бежали слезы – это было детально запечатлено туманом. В отличие от остальных, она молчала.

– Она умерла очень давно, – произнес великан так тихо, что едва можно было услышать за криками других призраков. – Не знаю, что именно случилось, но, кажется, я отнял часть ее души. Выглядит и держится она точь-в-точь как прежде, но на этом все. Внутри пусто. Не осталось никаких воспоминаний о жизни, моем отце, братьях, *мне*. Она не переживает предсмертные мгновения, потому что их попросту нет. И все же...

Мать продолжала плакать. Зеленые слезы капали с подбородка на пол и тут же рассеивались.

– Мне безумно хочется ее отпустить, – глухо всхлипнув, признался великан. – Исцелить душу, которую я у нее отнял. Но не могу. Она заточена во мне навечно.

Молчание его матери оглушало сильнее пронзительных криков юноши и генерала.

Эрис зажала уши. В голове звенело от голосов и жуткой тишины. Она даже сама не услышала, как завопила, требуя у Чудовища

прекратить эту пытку.

Туман зашипел, заструился вокруг нее и рассеялся в воздухе. Зеленое мерцание тела великана погасло.

– Во мне живут еще тысячи, – с горечью признался он. – Уж прости, я не стану их всех тебе показывать.

Эрис обняла себя и упала на колени.

– Молю, не лишай меня надежды, – со слезами сказала она.

– Может, за десятилетия труда я освоил магию, но нарушить фундаментальный закон вселенной так и не смог. Возможно, это удалось бы более опытному и сильному колдуну, но ты едва ступила на этот путь. Если ты и впрямь любишь отца, не делай того, с чем точно не справишься. Ты обречешь его вечно быть узником воспоминаний, застыть между жизнью и смертью.

Каждое слово было точно удар обухом. Сердце в груди больно колело. Великан затушил последние искорки надежды однажды увидеть отца. Он не лгал. С его стороны не было недоверия, а ей хватило дерзкой гордости строить из себя угрозу.

Одно за другим он отвергал все ее решения, пока не загнал в границы ее бывшего «я». Последний отказ ранил сильнее всего, отобрал остатки надежды. Эрис застонала – громко, протяжно. Этот крик не желал стихать, даже когда в легких закончился воздух.

Она была окончательно, бесповоротно сломлена.

– Отпусти его к Древу жизни, – тихо велел великан.

– Не могу, – ответила Эрис, вжавшись лбом в землю. Пепел быстро пропитался ее слезами. – Ты использовал его, а теперь убьешь моих сестер и всех горожан, а я никак не могу этому помешать.

Повисло долгое молчание, а потом Эрис окутала тяжелая завеса. По ее голым предплечьям скользнул тяжелый бархат. Под многослойным плащом проступили очертания великанских рук, они легли девушке на плечи, а следом ее голова прижалась к широкой груди.

– Не надо, – глухо пробормотала она, уткнувшись в ткань и слабо сопротивляясь, чтобы показать Чудовищу свою ненависть, но за этим протестом пряталась отчаянная жажда утешения. После отцовской смерти ее еще никто не обнимал, а на этой мертвой земле больше не у кого было просить поддержки.

Эрис зарылась носом в холодный бархат и расплакалась. Она оплакивала свое горе, слабость, отца, сестер, город и великана, эхо ее всхлипов разносилось по коридорам разрушенного замка, который вот уже не одно столетие возвышался среди пустыни, безучастно наблюдая за неустанным круговоротом времен.

Глава двадцать вторая

Чудовище поднялось и понесло Эрис прочь из сада. Она зарылась лицом ему в плащ и не видела, куда они идут, но это и не имело значения. Потом великан начал взбираться вверх, помогая себе свободной рукой и перепрыгивая с камня на камень. Эрис чувствовала, как напрягаются его мышцы. Наконец он остановился. Здесь громовые раскаты звучали куда громче. Чудовище опустило Эрис на землю рядом с собой, село, скрестив ноги, и обхватило девушку за плечи одной рукой. Она и сама не знала, сколько проплакала, но, когда провела пальцами по ткани плаща великана, та была насквозь мокрой.

– Секунду, – вдруг сказал великан и отстранился от Эрис. Та вздрогнула от холода. Она не стала оборачиваться, чтобы узнать, куда это отправилось Чудовище, но слышала, как его плащ шелестит по пеплу. Великан далеко не ушел.

Она приоткрыла опухшие глаза. Ночь еще не закончилась. Луна мерцала по левую руку и уже клонилась к горизонту. В воздухе угадывался металлический запах, на земле вперемешку валялись засохшие кровавые корки и ржавое железо. Плоский ландшафт постепенно сливался с неподвижным черным морем. В полумраке девушка различила остатки нагрудников, латных рукавиц и больших прямоугольных щитов. А позади сгущались чернота и нескончаемая буря. Чудовище рассказывало ей об этих полях боя, пропитанных горем, о телах его воинов, наполнявших море вдали.

Зазвенел и застучал металл. Наконец Чудовище показалось в поле зрения Эрис. В руках оно несло камни и железные обломки. Опустившись на колени рядом с девушкой, великан разложил перед ней свою добычу.

– Обычно это поручалось священнику, – пояснило Чудовище. – И камни выбирались несколько часов, не то что... сейчас. – Оно кивнуло на найденные обломки. – Важно было все: количество камней, их цвет и форма, даже положение. – Великан взял обломок, положил на землю, призадумался на мгновение, выбрал еще один и опустил сверху – получилось что-то вроде импровизированной метки, такой же, как на могиле детеныша пантеры.

– Я не хочу, – хрипло ответила Эрис. От слез голос стал трескучим.

– Надо, – сказал великан. – Ты не стала этого делать, когда умерла пантера. Нужно отскорбеть свое по отцу.

– Почему ты тогда не почтил память тех, кто погиб за тебя? – спросила она и скрестила на груди руки. – Тогда и я не буду.

Великан замер и устремил взгляд на вечную бурю за пустошью. Выдержав долгую паузу, он вернулся к железному морю, набрал еще осколков и начал выкладывать их кругом. Со временем он стал напоминать маленькую рукотворную галактику, полную созвездий и планет, а Эрис оказалась посреди нее, точно солнце.

Он молчал, но действия говорили сами за себя. Каждый кусочек символизировал человека, отдавшего жизнь за Чудовище. Оно разделит с ней горе. Ей не отвертеться.

Эрис зачерпнула пепел, и он просыпался меж ее пальцев, словно песок. Все эти призраки, прожившие с великаном долгие века, не имели к ней никакого отношения. Большого смысла в ее помощи не было. Что толку, если она тоже разложит камни? Но в этой композиции чего-то не хватало, а чего, она и сама не могла сказать. Может, ей под силу внести в этот хаос упорядоченность.

Осторожно обойдя фрагменты на земле, Эрис подняла палочку и начертила на пепле линию. Повинуясь чутью, она стала соединять камни друг с другом. Каждый раз, притрагиваясь к очередному фрагменту, она интуитивно догадывалась, куда нужно направить линию, и палочка повиновалась бессловесному приказу.

Изогнутые линии давались сложнее всего. Броня врезалась в ребра и свободно болталась на плечах – казалось, Эрис снова четырнадцать и она надела кожаные доспехи на два размера больше, чем надо. Она попыталась сдвинуть их так, чтобы стало удобнее, но тщетно.

И почему вдруг стало так неудобно? Девушка нахмурилась, расстегнула ремень и сняла броню, потом обогнула каменную горку

и бросила доспехи на слой железа. На пепле остались отпечатки ног, но ее это не смутило – их легко можно было стереть и начать заново. Она покрепче затянула ремень, чтобы он не сползал с талии. Легкие жадно впитали прохладный воздух. Теперь движения уже ничего не сковывало, и Эрис продолжила вычерчивать нужные линии, соединяя фрагменты друг с другом.

Они работали молча – слышно было лишь шуршание пепла. Иногда Чудовище делало несколько шагов назад, поднимало кусочек железа или камня и перекладывало его, нарушая рисунок, начертанный Эрис, но ее это не расстраивало. Линии можно было восстановить.

Понаблюдав за великаном, она тоже принялась потихоньку изменять рисунок. Если линию нужно было подправить или переместить камень, она делала это, создавая вокруг новые комбинации из фрагментов. Вдвоем они превратили поле битвы в небосвод, преисполненный звезд и смысла.

– Аэру следит за равновесием огня и воды, – тихо проговорило Чудовище, пододвигая последний камень в самый центр круга. – И прежде у нас всегда было два сосуда с этими элементами, но сейчас воды не осталось.

– Может, нам поможет буря? – спросила девушка, кивнув на грозные тучи за железной стеной. – Что же до огня... – Она нашла среди пепла несколько веточек и кусочков коры и сложила в кучку. – Этого мало. Быстро догорит.

Великан опустился рядом на колени и достал из рукава кусочек кремня.

– Этого вполне хватит.

Искры перекинулись на веточки, и вскоре разгорелся огонь. Эрис принялась подбрасывать в него кусочки коры. Они устроились у костерка, согретые его мерцанием, в самом сердце железной галактики, раскинувшейся вокруг. Гром гремел на расстоянии, точно храпящий гигант, но вокруг было спокойно. И все же мольба Симеона по-прежнему стучала в голове Эрис.

– И ты постоянно их слышишь? – спросила она. – Голоса тех, кто за тебя умер?

– Не ушами, – уточнило Чудовище. – Чтобы слышать, нужен звук, а они лишены голосов. Внутри меня живут лишь их желания, шепот и чувства. И да, я все это ощущаю: и ненависть, и страдания, и тоску,

и жажду, и счастье, которым была полна их жизнь, пока ее не отняли раньше срока.

Великан шумно сглотнул и опустил голову, скрытую под капюшоном, задержав взгляд на своих руках.

– Когда живешь с одними и теми же историями долгие столетия, тебя ломает не боль, а обыденность. Я могу повторить их слова наизусть, как заученную пьесу, но от этого они не начинают говорить. Их молчание ранит меня, точно нож, я кричу, требуя у них сказать хоть что-нибудь в надежде, что тогда ослабнет мой собственный голос. А когда гнев стихает, я вспоминаю, что все это – последние мгновенья их жизни, и ненавижу себя за то, что забыл об этом.

Вдали – слишком далеко, чтобы испугаться, – полыхнула молния, поразив незримую цель.

Великан встал и принялся расхаживать взад-вперед.

– А когда твой отец вернулся домой, что он рассказал о моем крае?

Эрис скривилась.

– Ничего. Он сказал, что ходил искать какую-то мамину вещицу, зарытую в лесу. Он якобы спрятал ее когда-то, а пока искал, заблудился. Но я ему не поверила – именно он научил меня ориентироваться по звездам и никак не мог сбиться с пути. Я донимала его расспросами, но тщетно.

– А ты помнишь свою мать? – спросило Чудовище.

Эрис нашла невысокую башенку из четырех кусочков железа, возведенную в память о ее отце.

– Нет, и, наверное, от этого легче. – Девушка взяла палку и прочертила линию от башенки до центра круга. – Я ее не знала, значит, мне и вспомнить нечего.

Великан протянул ей камешек.

– И все равно давай почтим ее память.

Эрис повертела его в пальцах. Отец никогда даже имени матери не упоминал. Любил ли он ее? Или это был брак по расчету? Она сделала несколько шагов от центра круга, положила камень, перерисовала линии, но так и не соединила их с маминой «меткой».

– В детстве я часто спрашивала родных, где мать, – проговорила девушка. – Виктория велела узнать у Стаци, а Стаци говорила, что мама работает в каком-то городе далеко отсюда. Отец и вовсе молчал. И наконец я прекратила расспросы. Наверное, она умерла, когда я была

еще совсем маленькой. Когда-то я ненавидела близких за то, что они скрывают от меня правду. Думала, что за всем этим стоит одна-единственная правдивая история, которой со мной не хотят делиться. А потом ты рассказал о своих братьях и городе, который они возвели. И оказалось, что люди, которые, как я верила с самого детства, говорили лишь истину, напридумывали легенд и солгали народу о магии, а все правдивые мелочи из их рассказов оказались там по чистой случайности. К примеру, они говорили, что война длилась три года.

– Десять, – поправил великан с едва заметной улыбкой. – Что ж, выходит, в твоих книжках войну признают.

Эрис не передалась его веселость.

– Истории можно разрушать и собирать, это все равно что... – она развела ладони, представляя, что между пальцами протягиваются липкие нити меда, – расплавить осколки стекла и смастерить новый кубок. Думаю, сестры решились на эти выдумки, чтобы защитить себя от веры в то, что мать умерла. Вот только сегодня Виктория прячется под броней и провозглашает идеи, в которые и сама не верит. А Стаци... – Девушка прикусила губу. Ей стало совестно, что она так зло говорит о своей кроткой, тихой сестре. – Всегда бежит от правды, если та становится неприятной.

Великан склонился к Эрис. Его плащ с шелестом задел ее плечи.

– Мои братья тоже были не подарок. Ананос всегда верил, что насилие – это решение всех проблем, а Саулос находил разумные аргументы, чтобы подбить его к действию. Мы постоянно ссорились, но не разбегались из любви к родителям. Но после маминой смерти кровные узы потеряли для нас ценность. Саулос мечтал о бессмертном городе, Ананос разделял его грезы, а я держался другого мнения. Все это еще можно было бы простить. – Он взмахнул рукой. – Но большее всего оказалось их предательство.

– Когда тебя прокляли, – проговорила Эрис.

– Тогда я уже проиграл битву. Йеон и вся моя армия погибли. Но когда братья подожгли замок, я успел найти ключ к бессмертию и забаррикадировался в своей комнате.

– А когда впервые провел обряд воскрешения?

– Вскоре. – Великан прижал кулак к груди. – Бессмертие во мне было словно слабый росток, оно только-только пробивалось. Когда

братья ворвались ко мне, я впитал всю магию и попытался оживить всех, кто за меня погиб, – надеялся, что они меня спасут. Когда Ананос убил меня, я пытался воскресить нашу мать. А потом Саулос пронзил мне сердце своим жезлом и обрек на вечную жизнь в этом обличье.

Эрис скользнула взглядом по плащу великана.

– Должно быть, это очень больно, – прошептала она.

– Не то слово. Я, конечно, и не надеялся, что бессмертие спасет меня от боли, но приготовиться к тому, чтобы без мучений смотреть на то, как родной брат убивает тебя голыми руками, попросту невозможно. Только когда мы с ним встретились лицом к лицу, стало понятно, что же мы наделали. – Великан обвел рукой пустырь, раскинувшийся вокруг. – Вот что.

Эрис пробежала пальцами по краю железной дамбы. А ведь это поле боя могло быть сверкающим морем с зеленовато-синей прозрачной водой, сквозь которую можно было бы разглядеть слегка искаженные очертания крабов и черепах, плывущих к берегу, и белоснежный песок. А теперь в этой стальной утробе нашли упокоение скелеты позабытых воинов.

И все они погибли из-за ссоры.

Если бы сама Эрис посвятила жизнь тому, чтобы восстановить фермы, а потом все ее усилия сошли бы на нет, потому что в городе магию окрестили злом, ее тоже накрыла бы ярость. А если подстрекателями оказались бы Констанция с Викторией... Такого предательства она и представить не могла. Возможно, она поступила бы

точно так же. Гнев ослепил бы ее, пропитал равнодушием к людям, которых она лично не знала, и она легко пожертвовала бы ими в порыве слепящей ярости ради отмщения.

Великан сложил ладони в молитве – точно так же, как во время похорон детеныша пантеры. Потом упер одну руку в землю, а вторую поднял к небу, повторяя позу Аэру.

Эрис могла бы повторить за ним, только все эти жесты ничего для нее не значили. Она опустила ладони в пепел, разомкнув линии, начерченные на земле. Кончики пальцев нащупали тоненькую веточку.

Ей стало понятно, что невозможно зримо показать такую силу, как магия. Это все равно что пытаться доказать существование ветра, заточив его в стеклянную банку, или ловить рукой солнечный свет. Потайная энергия, пробудившаяся в ней, когда она коснулась котенка, никуда не делась – она была бесцветной, лишенной всяких чувств, стремилась ко всему и ни в чем не существовала. Эрис была словно дерево, а ее ноги будто бы стали корнями, пронзившими песок, камни и небо. Пространство вокруг утешало ее.

Она зажала стебелек двумя пальцами и вытянула руку. Мышцы напряглись, борясь с неведомым сопротивлением. Эрис зажмурилась, и тысячи лепестков стали распускаться у нее перед глазами, расплываться узорами, в которых не угадывалось никакой закономерности.

В самом центре ее ладони раскрылась алая роза. Ее Эрис встретила спокойно – ее уже не переполняла бурлящая радость, как в прошлый раз, когда она сознательно смогла вырастить цветок.

– *Здравствуй*, – сказала она, но земля не отозвалась.

Ветки и кусочки коры, сложенные в костер, уже догорели, но огонь по-прежнему мерцал, тихо, не источая дым. Над железом и камнями поднялись сотни тысяч призраков, сотканных из зеленого тумана. Эрис нахмурилась, высматривая знакомые фигуры, но их здесь было так много, и в каждом теле жила своя история. Девушка улавливала последние слова погибших, шепот молитв и боли.

И только один из призраков не был зеленым и не принадлежал человеку. Краем глаза Эрис заметила фигуру старой рабочей лошадки. Она отливала голубоватым светом и плелась за тысячами великанских душ.

Девушка улыбнулась. На глаза навернулись слезы. Она прижала руку к груди. Вот и ее молитва – одна ладонь уперлась в землю, вторая накрыла сердце.

От мучительной злости и смятения не осталось и следа, а их место заняло принятие. Прошлое не изменить ни плачем, ни криками, и даже магия тут бессильна. Отец умер. Констанция не спешила на помощь. Виктории было все равно. Короли солгали. Чудовище оказалось Тварью, мстительной и бессмертной.

Огонь окружил их стеной. Оранжевые языки пламени сливались с зелеными струями тумана. Огненная стена становилась все ярче, все выше, а сотни тысяч призраков одновременно открыли рты.

– Смерть и жизнь, – проговорило Чудовище, кивнув на розу в руке Эрис.

– Твои боги будут довольны.

Оно покачало головой.

– Боги здесь ни при чем. Это все для тебя.

– Нас.

Великан потупился, постукивая кончиками пальцев друг о друга – он всегда так делал, когда нервничал.

– Это... тяжело. Невыносимо, – проговорил он. – Отпустить их – значит отчасти забыть о своем гневе, о том, что сделали со мной братья. Жажда мести питает всю мою жизнь. Без нее я ничто.

– А я уже никогда не увижу отца, – сказала Эрис. – И без этой надежды я тоже ничто.

Великан судорожно вздохнул.

– Тебе нужно оплакать их. И тогда, возможно, ты обретешь мир.

Чудовище запрокинуло голову к небу, открыло рот, напрягая мышцы изуродованной шеи...

И все призраки взвыли с ним хором, в один голос, и этот жуткий и горестный стон еще долго не смолкал над пустошью.

Глава двадцать третья

Они толком и не разговаривали в следующие дни. Мало того, Чудовище явно ее избегало.

Девушка в одиночку перезахоронила детеныша пантеры и положила на его могилу три камня.

– Прости, – шепнула она земле и вжала в нее ладони в новом молитвенном жесте. Больше никаких игр с воскрешением.

Смерть отца оставила на ней неизгладимый след, и эта рана уже никогда не затянется. Она не знала, когда ее снова поглотит пустота, но в эти дни получалось с ней справляться.

Новообретенное спокойствие придало Эрис сил на попытки опять вызвать бездымный огонь и поговорить с детьми-розами. Камин в комнате ей в этом не помог, так что она решила опробовать другие места в замке: ходила на зыбучие пески, где когда-то тренировалась, к пересохшим водопадам, где по утрам медитировало Чудовище, и наконец добралась до сада. На ветвях деревьев здесь можно было увидеть цветок-другой, но Эрис быстро поняла, что огонь, который она призвала у себя в комнате, требовал приложить немало усилий. Ей удалось воспользоваться столь могущественной магией из-за бурной душевной реакции на откровения Чудовища. Надо было найти другой способ поговорить с розами, чтобы больше не обращаться к таким методам.

Все вопросы вели к одному ответу: ей необходимо пробуждение, тот самый неуловимый миг, который наполнит ее безграничной силой, – тогда она сможет остановить отмщение великана.

Девушка с горечью посмотрела на сад. Здесь она достигла большего знания, чем за десять лет жизни в городе, но оно по-

прежнему ей не подчинялось.

То, что дети-розы пока не напоминали о себе, было и добрым знаком, если предположить, что они сказали ей правду и не нашли способ высосать магию из другого волшебника. Но переживания о судьбе сестер тревожно сжимали ей сердце. Вот бы узнать о них больше.

Сад не помог ей достичь цели, и Эрис стала блуждать по замку в поисках другой комнаты или руин, где можно было бы применить магию. В тот день ей встретилась зияющая дыра в стене. По бокам от нее стояли две статуи без голов и рук. Они были такие огромные, что закрадывалось подозрение, что их воздвигли в честь богов, вот только их могущество все равно не спасло замок от пожара. Куда бы Эрис тут ни пошла, к ботинкам повсюду прилипла черная сажа.

А что, если цели ей не достичь?

Если Чудовище не откажется от плана мести, придется ли ей продолжать с ним борьбу до скончания века? Неужели оно так и будет стоять на своем, а она – тщетно искать способ с ним справиться? Неужели пробуждения не бывает без вечных битв с бессмертными существами?

Она робко переступила остатки порога, заглядывая в дыру в стене – лишь бы в темноте не прятался великан. Пускай ее злость успела поутихнуть, между принятием и прощением оставалась огромная пропасть. Эрис *приняла* мечь Чудовища, то, что он использовал ее отца, подослал семена, заставил детей убивать горожан. Но чувства мешали ей *простить* великана – это значило бы перечеркнуть былую боль и взглянуть на него так, будто он не совершил никакого преступления. На это она не могла согласиться. Он не отказался от мести, и, пока это не случится, прощения ему не будет.

Проще всего было уйти. От мысли об этом ноги нетерпеливо запружинили – тело само дало ответ на вопрос, от которого сознание пока открещивалось.

Но ведь он спас ее. Дважды, если считать неудачную попытку воскрешения. Братья убили его, прокляли, а потом выдумали историю, которой суждено было жить, покуда стоит город. Побег Эрис лишь усугубил бы жестокий удел, на который Чудовище обрекли братья,

продлил бы горечь обиды во веки веков. Их общая история, ее параллели, не знающие пересечения, все это длилось до самого конца времен.

Эрис вошла в узкую высокую комнату с дюжиной колонн. Потолка здесь совсем не осталось, а острые, словно иглы, края лепнины, украшающей колонны, отбрасывали угловатые тени под полуденным солнцем. В дальнем конце стоял полуразрушенный пьедестал с остатками каменного трона. Северная стена частично обрушилась, и в это импровизированное окно проглядывала железная дамба и вечная буря за ней.

Свобода, свобода, свобода.

– Нет, не могу я бежать, – тихо проговорила она, стараясь убедить саму себя. – Я так уже один раз делала – в итоге оказалась здесь.

Чудовищу от нее нужна была лишь магия, и она смирилась с этой участью, но еще надеялась убедить его отказаться от мести. Пускай великан и оказался той самой Тварью из книги королей, это не отменяет того, что он ее спас. У него тоже есть душа, захлестнутая бурей гнева. Эрис в долгу перед ним и потому просто обязана ему помочь.

Но как? Эрис досадливо пнула пол, и в воздух поднялось облачко пыли. Великан несколько веков строил план мести, этот безжизненный край неустанно напоминал ему о проклятии, наложенном его братьями. Как же она потушит гнев, который старше ее в сотню раз? С таким же успехом можно взобраться на извергающийся вулкан.

Девушка опустилась на разрушенные ступеньки пьедестала. У комнаты было несколько ярусов, и на втором Эрис разглядела два выступа, которые торчали над тронем. Со стропил спадала красная ткань – возможно, занавесь, защищавшая от солнца. Эрис поймала ее, пробежалась пальцами. Бархат – плащ на великане точь-в-точь из такого же материала.

Она вздохнула. Повезло ей – сбежать из города ни с чем, не считая кое-каких боевых навыков. Буря убила бы ее, не вмешайся Чудовище. Может, не так уж и ценна свобода. В рутине есть свое очарование, и до чего здорово, когда есть дом и своя постель. При мысли об этом она невольно стиснула зубы. Ведь именно монотонность городской жизни всегда так ее душила. Эрис свернулась в комочек, не выпуская ткани из рук. В Кешгиуме сны о лесе и мраке помогали забыться, но здесь, под палящим солнцем и среди голой земли, ее все равно тянуло прочь.

Девушка пошевелила пальцами. Даже магия не смогла ее утешить.

– У меня была свобода выбора, – с отчаянием пробормотала она. – И я решила остаться. Я нашла свой дом. Так ведь?

Тронный зал ответа не дал, но со стороны бреши в стене послышался мерный стук великанских шагов. В этой огромной комнате даже его внушительная фигура казалась маленькой. Эрис сглотнула, готовясь к разговору. С последней их встречи минуло несколько недель.

Чудовище задумчиво поглядело на остатки разрушенной крыши.

– Несколько десятилетий тут не был, – призналось оно. Эхо его голоса разнеслось по залу. – Эту комнату я разрушил одной из первых. С ней было связано слишком много печальных воспоминаний, от которых хотелось избавиться. Мы здесь постоянно спорили.

Эрис встала и обошла пьедестал, представляя, какой вид открывался с трона королю.

– О государственных делах? – вежливо предположила она.

Чудовище кивнуло.

– Мой народ приходил с прошениями о помощи. Их рассмотрение входило в число многих королевских обязанностей. Совет собирался на втором ярусе, – уточнило оно и показало на выступы, – и давал советы по разным вопросам, с которыми ко мне обращались. Если случай оказывался спорным, устраивались дебаты. Я как король должен был выслушать все стороны и вынести справедливый вердикт. Ананос редко сюда заглядывал, если речь шла не о дипломатии и нехватке ресурсов, а вот Саулос любил сидеть справа, над тронном. Однажды я спросил почему. Он ответил, что ему приятно думать о том, что в дни, когда он будет брызгать слюной в пылу дебатов, она долетит до меня.

Это что, попытка ее насмешить? Эрис выдавила из себя улыбку, но до того слабую, что она никого не убедила.

– Судя по всему, их очень заботила судьба этих земель, – проговорила девушка и зашла в каменную дверь за тронном. Гнилые половицы поскрипывали под ногами.

– Возможно, в прошлом это и впрямь было так, – задумчиво отозвался великан. – Вот только это блаженное время быстро закончилось. Когда начались бури, я заявил, что нужно не мешать природе и пока приналечь на запасы из амбаров, чтобы облегчить рыбацкое бремя. Братья же хотели остановить непогоду магией и снова

наполнить море рыбой. Я им это запретил. К компромиссу мы так и не пришли.

Эрис остановилась у порога соседней комнаты. Тут в углах лежали поломанные рамы от картин, присыпанные пылью. Потрепанные гобелены выцвели от солнца. Непослушные нитки и бахрома, выбившиеся из них, намотались на ржавые гвозди. Чудовище замешкалось у двери. Оно потирало ладонь большим пальцем. Свою историю великан закончил, и, возможно, сейчас Эрис стоило бы поделиться воспоминаниями о сестрах, но с таким же успехом можно было бы обсудить погоду. Никому из них сейчас не хотелось досужих бесед.

– Зачем ты пришел? – спросила Эрис.

Великан привалился к одной из стен и стал потирать руку, покрытую клеймами.

– Семь лет, – наконец сказал он. – Только семь лет спустя они начали мечь. А почему – не рассказывали?

Когда твое сердце смягчится, вспомнились Эрис слова детей.

– Они продлевали отцу жизнь, пока это было возможно. Они очень его любили. Его болезнь была куда серьезнее, чем я думала, а может, я нарочно старалась не замечать, насколько же страшен его кашель.

– То есть они медлили, потому что полюбили, – пробормотал великан, вперив взгляд в пол.

Хоть какое-то утешение посреди катастрофы. Как знать, может, если бы Чудовище влюбилось, оно тоже приостановило бы свои жуткие планы.

– А почему они все же решили закончить задачу? Из-за того, что таков был приказ, или просто смерть твоего отца настолько их опечалила?

Эрис покачала головой.

– Город напал на них первым. Они что-то упоминали о том, что их сжигали дважды.

– То есть они защищались?

Эрис сощурилась. Нет, она не позволит Чудовищу найти себе оправдание и сбросить с плеч вину.

– Они убивали горожан. Ни в чем не повинных, без оружия и доспехов.

– Пошли бы они на это, не причини им зла город?

В памяти проступило улыбающееся личико девочки-розы. В самом первом сне дети беззаботно плескались в черной лужице дегтя, не догадываясь о его предназначении.

– Нет, не думаю, – тихо отозвалась Эрис. – Они даже не знали, что такое деготь. Решили, что это подарок. Думаю, они... разозлились на меня за то, что я... не смогла их спасти. Кричали, что сделали для моего отца все, а я бросила их на погибель. Может, спаси я их от огня, они и не стали бы никого убивать.

Великан бросил взгляд в сторону девушки.

– Эрис, ты ни в чем не виновата. Это моя вина. Это я их создал, но не стал посвящать тебя в эту историю. А ты ведь тогда только-только приступила к изучению магии. Их спасение было бы для тебя непосильной задачей. – Чудовище царапнуло каменный пол когтем на ноге. – Горечь обиды одержала надо мной верх, – произнесло оно с тяжким сожалением в голосе. – Розы ослушались меня ради любви, а когда город сжег их, стали мстить стократно.

От его слов не стало легче, но нотки сожаления в них порадовали Эрис. Она зашла в комнату, полную сломанных рам для картин. Судя по блеклым гобеленам и ржавеющей лепнине, здесь, наверное, когда-то развлекали гостей.

Чудовище отстранилось от входа. Оно предпочло смотреть из-за остатков стены.

– Это вестибюль при тронном зале, – пояснил великан. – Тех гостей, которые хотели пройти с экскурсией по замку, сперва

приводили сюда. Здесь висели портреты моих родственников и предков и хранились подарки от других монархов.

Взгляд Эрис привлек большой, уже подернутый желтизной портрет.

– Мне пора, – сказал великан.

– Стой.

Сажа и солнце изуродовали почти всю картину, но Эрис разглядела три мужские фигуры на каменном пьедестале. Двое мужчин, что стояли пониже, были в коричневых и золотистых одеждах. В юноше, облаченном в доспехи, нетрудно было узнать Ананоса. Волосы у него были непривычно длинными, а челюсти еще не провисли от старости, но Эрис сразу обратила внимание на «кешгирианский» нос, выделявшийся на его лице. Ананос самодовольно ухмылялся, придерживая ножны. На Саулосе была длинная стеганка и кожаные сапоги. Волнистые волосы ниспадали на щеки, а на лице застыло то же хмурое выражение, которое Эрис уже видела на городских гобеленах. На рукавах у него было вышито изображение Вечного древа, а рука сжимала жезл с сияющим белым кристаллом.

– А я думала, Вечное древо появилось после того, как тебя убили, – так говорится в книге, – сказала Эрис. – А теперь выходит, что оно возникло гораздо раньше. Так странно!

– Они выбрали этот герб, когда достигли совершеннолетия. Им всегда хотелось вырасти как можно выше, но они напрочь забыли,

откуда мы черпаем магию. Даже на этой эмблеме видно, что до корней им дела не было. Они и не думали о таком.

– Получается, когда они победили, то связали свой герб с историей твоего поражения, – заключила Эрис. – Неужели в хронике войны нет и капли правды?

– Судя по тому, что ты мне рассказала, нет, – ответило Чудовище, а потом выдержало паузу. – Разве что упоминание о том, что война вообще была, но это ты и так знаешь. Странно, что они так ее сократили – вместо десяти лет всего три.

– Это число часто встречается в книге. Три дня ты сеял разруху в стране, три шанса тебе было дано, три года продолжалась война, три капли крови были пролиты тобой, прежде чем выросло Вечное древо. Даже сейчас совет состоит из трех горожан. – Эрис скользнула взглядом вверх по портрету. – Может, это была дань памяти тебе. Только втроем вы одно целое.

– Это им не помешало наплодить обо мне столько лжи.

Над братьями возвышался еще один воин в короне, белоснежных доспехах и кроваво-красном плаще, который реял у него за спиной. Руки в перчатках лежали на рукояти большого меча, воткнутого в землю. Его лезвие поблескивало в лучах нарисованного солнца.

Эрис подошла ближе, рассматривая короля. Выглядел он как заматеревший Ананос: тот же прямой нос, те же густые брови. Тень, падавшая ему на глаза, заметно старила короля. Эрис рассудила, что на портрете ему чуть меньше тридцати. Аккуратная бородка скрывала высокие скулы, а длинные черные волосы, казалось, парили на ветру.

Девушка нагнулась, чтобы разобрать надпись, выбитую на позолоченной раме. Много столетий за картиной никто не ухаживал, и теперь рассмотреть буквы было нелегко, но она различила надписи «принц» и «король» старинным шрифтом – похожее начертание уже встречалось ей на каменных памятниках, выбитых в колоннах по всему замку.

Эрис напрягла зрение, сясь разобрать имя после слова «король». *И... ла...* Остальные буквы затерло время.

– Это... ты? – спросила она, обернувшись к сгорбленному Чудовищу, стоявшему позади. Великан легонько качнул головой, показав, что услышал ее вопрос, но отвечать не стал.

Пришла пора уходить. Эрис бросила последний взгляд на короля, которым когда-то было Чудовище, и отвернулась.

Глава двадцать четвертая

А ночью она услышала его за дверью своей спальни.

Это оказалось не так-то просто. Чудовище умело быть бесшумным, когда хотело, и Эрис редко удавалось различить его шаги, даже когда оно ступало по скрипучему садовому песку. Сейчас его выдавало другое: встревоженный шорох плаща, шелест бархата по каменному полу. Кажется, оно металось из стороны в сторону у ее двери. Этот же звук угадывался всякий раз, когда оно приносило ей завтрак или чистую рубашку. Великан задерживался у порога, но стоило только дверным петлям скрипнуть, как он опрометью бросался прочь и исчезал в коридоре. Эрис ни разу не удавалось его застать.

Свои латы она оставила на поле битвы, усыпанном железом, и не собиралась за ними возвращаться. А без этой единственной защиты перестала спать в жесткой колючей рубашке, предпочитая теперь легкую муслиновую сорочку. Укутавшись в шаль, девушка направилась к двери.

И медленно, с превеликой осторожностью прижалась ухом к холодной стали. Малейший скрип спугнул бы Чудовище. Может, ей удастся уловить хоть обрывки шепота, хоть какой-то намек на причину, по которой оно пришло сюда именно ночью.

Шелест ткани стих. Великан перестал метаться. Эрис затаила дыхание в ожидании робкого стука – или хотя бы его отзвука. *Ну же, сделай так, чтобы я тебе открыла*, подумала она. Гнетущее одиночество выплеснулось в слова. *Дай мне повод*.

Два тихих, едва различимых удара, точно он едва прикоснулся к двери пальцами. Может, случайно задел ее ладонью или коленом, но в

тот миг Эрис готова была уцепиться за любую причину. Она широко распахнула дверь.

– Это ты стучал? – спросила девушка, стараясь сохранять внешнюю невозмутимость.

Великан уже успел развернуться и преодолеть треть коридора. Услышав ее голос, он застыл как вкопанный.

– Ты слышала?

– Да.

В коридоре не было ни одного факела, и камин в комнате Эрис не горел. Мрак белым пятном разбавляла рука великана, не покрытая шрамами. Он нервно перебирал пальцами.

– Я просто хотел узнать, все ли у тебя в порядке, – произнес он.

– Да.

– Как еда, устраивает?

– Всегда.

Чудовище принялось расхаживать из стороны в сторону. Повисло молчание. Эрис знала – это верный признак того, что оно волнуется. Никто не спешил нарушить тишину. Легче было испытывать неловкость вдвоем, чем поодиночке.

Наконец великан прочистил горло.

– А можно я... у тебя переночую?

– Что?!

– Компания мне бы сейчас не помешала, только и всего, – быстро уточнил он. – Если откажешься, я пойму. Просто... твоё присутствие... – Он выдохнул, медленно и устало, точно больше не было сил говорить намеками. – Когда ты рядом, эхо в голове становится тише.

Эрис заморгала. Да, она и смирилась с тем, что он сделал, но пустить его в свою постель... это совершенно другое. Перед ней ведь стоит сущий монстр, погубивший многих в пылу своей мести и не собиравшийся на этом останавливаться. Разум изо всех сил вопил: *нет, это отвратительная затея!*

Но стоило ей вспомнить его утешительные объятия, минуты, когда она оплакивала неудавшееся воскрешение, уткнувшись в его широкую грудь, по спине пробежала волна тепла. От мысли о том, что она больше не одинока, становилось гораздо легче. Чудовище преодолело собственный панический страх прикосновений, чтобы ее успокоить,

а потом ни единым словом об этом не обмолвилось. Даже сейчас можно было использовать это для шантажа, надавить на чувство вины Эрис, чтобы добиться от нее желаемого, но оно не стало. Оно ведь тоже страдало от одиночества, и уже не одно столетие. И в ее силах подарить ему ответное утешение, так зачем отказывать?

Эрис направилась к постели, оставив дверь открытой.

– По ночам я тушу камин. От дыма страшно болит голова. Ничего страшного?

Ответа не последовало.

– Чудовище? – Позвала девушка, обернувшись к великану.

Он неподвижно замер в коридоре. Ее согласие повергло его в шок.

– Да, – опомнившись, проговорил он. – Ничего страшного.

Великан переступил порог. Его сгорбившаяся фигура, казалось, съежилась еще сильнее, пока он шел к нетронутой половине кровати, где лежали непримятые подушки и одеяло.

Эрис плотнее запахнула шаль. Наверное, все же стоило забрать доспехи с поля боя. Девушка осторожно опустилась на краешек кровати.

Она нисколько не нервничала. Среди ее партнеров встречались ребята и похуже Чудовища в плаще, страдавшего от одиночества. Эрис была вовсе не прочь разделить с кем-то кровать, тем более что большего никто из них и не ждал.

Но сердце все равно забилося быстрее. Ей хотелось прикоснуться к нему, хотелось, чтобы и он ее коснулся, хотелось еще раз пережить то, что случилось тогда на поле боя, – только уже в куда более интимной обстановке спальни.

Девушка поморщилась. Ждать утешения от этого монстра – и что она за человек, раз ей этого хочется? Неужели она до того отчаялась в борьбе с одиночеством, что готова даже на такое?

– Можно я не буду задерживать полог? – спросила девушка, чтобы только отвлечься.

– Эрис, это ведь твоя комната. Спи как пожелаешь.

Мне бы просто спать крепче, подумала девушка и забралась под одеяло, надеясь, что сорочка, шаль, шелк и шерсть сдержат поток чувств, точно пробка – содержимое переполненной бочки. Она прислонила затылок к изголовью, украшенному драгоценными камнями.

Чудовище опустилось на кровать, и та скрипнула под его весом. Оно устроилось на боку, лицом к Эрис, и спрятало уцелевший рог под гору подушек. Обломанный же безобидно замер неподалеку от ноги девушки. Потом великан подтянул колени к груди и обнял себя руками. Теперь он походил на огромного бесформенного младенца. Его лицо по-прежнему скрывал капюшон, отбрасывая грубые тени на кожу. *Что ж, у него хотя бы есть нос.*

У Эрис закололо руки. Можно ли погладить его по голове – или это слишком навязчиво? Можно ли положить руку ему на спину? Коснуться плаща пальцем? А вдруг он этого не захочет и отпрянет? Она всегда ждала, что он проявит инициативу первым, и на поле боя так и было. Коснуться его первой – на такую дерзость она раньше не решалась.

Он убийца, напомнила она себе. Лучше вообще к нему не прикасаться. Эрис сложила руки на груди и скрестила ноги, пытаясь стать как можно меньше.

– Здесь так тихо, – проговорил великан, словно боясь нарушить молчание, установившееся в спальне.

– А эти твои души... больше не донимают? – спросила Эрис.

– Они никуда не делись, но... теперь мне проще их выносить. Твое присутствие мне помогает. Я не теряюсь среди созвездий чужих жизней. Когда я вижу тебя, я возвращаюсь в настоящее.

Шелковая простынь зашуршала в темноте, а потом прохладный лоб великана едва ощутимо прижался к бедру Эрис. Мышцы в животе тотчас напряглись, чтобы унять внутренний трепет. Нет, то была вовсе не нервозность. А что-то другое, какое-то чувство, которое ей не хотелось признавать.

– Ты не против? – спросило Чудовище.

Нет, продолжай.

– Не против, – ответила девушка. В пальцах отдавался пульс – слишком крепко она сплела руки.

– Доброй ночи, Эрис.

– Доброй ночи.

Эрис уставилась на драпировку, свисавшую с потолка, – бархатные полотна, превращавшие свет в непроглядную тьму. Она принялась медленно считать, каждый раз прибавляя к предыдущему числу по три.

Ритм слов казался ей чересчур медленным в сравнении с исступленным стуком сердца.

Шесть.

Девять.

Двенадцать.

Когда она добралась до тридцати, сгорбленная спина Чудовища уже мерно поднималась и опускалась в такт дыханию, ставшему глубже и медленнее.

Эрис прикусила губу. Как он и обещал, большего не случилось. Стоило поблагодарить его за то, что все не зашло слишком далеко – наверняка им обоим этого не хотелось.

Наверняка.

Девушка зажмурилась, мысленно приказывая сердцу успокоиться. Если бы она только опустила взгляд, то заметила бы, что великан лежит, широко распахнув глаза и стиснув зубы, и жаждет того же.

* * *

Ночка выдалась не из приятных.

На этот раз ее разбудила затекшая нога. Во сне девушка сползла с изголовья, подбородок уперся ей в грудь, а плечи вздернулись до ушей. Эрис со стоном спустила ногу с кровати и стала массировать ее, пока кожу не перестало покалывать. Все тело болело.

Она забылась сном – буквально на несколько минут, – и Чудовище бесшумно ушло. Его тело оставило на постели глубокий отпечаток. Небо за окном окрасилось нежно-голубым, до рассвета оставалось совсем чуть-чуть. Она знала, куда оно пошло: к пересохшим водопадам, чтобы помедитировать – как и всегда.

Получше запахнувшись в шаль и прихрамывая, Эрис вышла из спальни. Стоило ей выйти в сад, и она заметила алый силуэт великана в просвете между остатками бастиона.

Лавируя в руинах и шаркая подошвами по песку и камню, Эрис добралась до края утеса, откуда открывался вид на поле боя. Впереди ярилась бесконечная буря, то и дело вспыхивали молнии. Великан по-прежнему сидел к ней спиной, сложив руки в молитвенном жесте. Ветер трепал полы его плаща.

– Несколько столетий не спал так сладко, – признался он. – Но в жизни не встречал таких беспокойных людей, как ты. Ты так дергалась, словно вот-вот в атаку кинешься.

Эрис рассмеялась, и между лопатками пробежала боль.

– Ай!

– Ты в порядке?

– Бывало и похуже, – ответила она, разминая плечи.

– Я храпел?

– Да нет, дело вообще не в тебе. Просто... эта спальня мне совсем не подходит, – со вздохом призналась она. – Меня в тесноте всегда страх накрывает. Я люблю смотреть на звезды, когда они зажигаются в небе. – Она кивнула на небосвод. Несмотря на близость рассвета, Полярная звезда еще мерцала. – Когда мы жили на ферме, я дверь не закрывала. В жаркие дни вообще спала на улице.

– Эрис, почему же ты молчала? – мягко укорил великан.

– Я же здесь не для того, чтобы исполнялись мои капризы, будто я какая-нибудь принцесса. Я пришла исправить свои ошибки.

– Это единственная твоя цель?

Эрис пропустила вопрос мимо ушей. К замку ее привязывало чувство долга. Она пообещала великану, что возродит его край, как только освоит магию в нужной степени. Теперь же решила остановить его мечь, пускай эта тропа и казалась зыбкой. Если бы не эта обязанность, ее давно бы уже тут не было.

Но в ту ночь на поле боя, когда они оба не смогли сдержать чувств, словно что-то изменилось, злость прошла, но на ее место пришло чувство, описать которое было гораздо сложнее. Какая-то связь с великаном, общее одиночество, которое он понимал. И, сказать по правде, когда они разделили постель, оно только усугубилось.

Эрис со стоном закрыла лицо руками. *Нет, еще слишком рано для такого.*

– Не знаю.

Плечи Чудовища поникли. Эрис и не заметила бы этого движения, не знай она великана так хорошо. Девушка сделала вид, что ничего не уловила.

– Я думала, ты сейчас у водопадов, – сказала она, чтобы разбавить тишину, – а не здесь.

– Знаешь, почему я медитирую именно там? Оттуда не видно ни поля боя, ни самых изуродованных частей замка, пострадавших от огня сильнее остальных. Когда солнце добирается по утрам до определенной точки над горизонтом, оно заливает мои земли ярким светом. Лучи слепят меня, и несколько мгновений я могу делать вид, что все в порядке.

Великан вытянул вперед, к мрачному морю, раскрытую ладонь.

– Но сюда солнце добирается в последнюю очередь. И здесь – напоминания обо всем том, что со мной сделали. Я уже несколько дней сюда прихожу – с тех самых пор, как мы... В общем, с того вечера. Меня продолжали донимать злость и шум, пускай и подпритихшие. – Он постучал себя пальцами по груди, словно выискивал внутри эти чувства. – Но сегодня от них нет и следа.

– Ты смирился с тем, что случилось, – проговорила Эрис, описывая собственный опыт. – Ведь свершившегося уже не вернуть.

– Это что, и есть мир внутри? – пробормотал он. – Мир, в котором время ни на мгновение не прекращает свой бег, хотя вокруг и творятся страшные беды? И горе всегда где-то неподалеку, но...

– Но сегодня оно так не давит, – завершила Эрис.

– Может, через тысячу лет я смогу простить их за все, что они со мной сделали.

Слова, которые произнесла Эрис дальше, вырвались у нее сами собой. Может, виной тому был недосып, может, досада от того, что ее чувства ночью не нашли отклика. Может, ей стало горько, что великан обрел умиротворение, а она все пытается положить конец его мести, запертая под удушливой крышей, в самом эпицентре смерти, скованная обещанием, которое он с нее взял, и отчаянно пытается простить его за зло, причиненное ее семье, но постоянно грезит о чем-то большем. В этом замке не происходило ничего. И произойти не могло.

– Возможно, и я смогу, – тихо проговорила она. – Простить тебя за то, что *ты* со мной сделал.

Чудовище потрясенно повернулось к ней.

– Эрис...

– *Что сделано, то сделано*, – повторила она его мысль с печальнейшей из улыбок. – Рада, что ты победил ярость.

Ветер набирал силу. Сорочка и шаль уже не защищали от холода.

– Пойду в постель, – сказала Эрис. Может, вдали от великана ей будет проще выспаться.

Уже проторенным путем она зашагала к замку, осторожно лавируя между остатками бастиона. Чудовище следило за каждым ее движением, а расстояние между ними неумолимо росло и ширилось.

* * *

Ей приснилось, что лес Чудовища превратился в изумрудное море. На небе пылал огненный дождь из комет, под ногами цвели розы – их ковер раскинулся широко-широко, насколько только хватало глаз. Эрис на четвереньках карабкалась на вершину вулкана, сама не понимая, чем закончится этот подъем. Добравшись до цели, она заглянула в самое жерло. Оттуда сочилась раскаленная добела лава. Пробиваясь сквозь трещины в горе, она бурлила, алела и желтела, сжигая всю зелень на своем пути.

Эрис вдруг придавила неподъемная тяжесть. Она перевернулась на спину и столкнулась нос к носу с великаном. Его бархатный красный плащ вздымался над сгорбленной спиной. Ледяные пальцы сдавили девушке горло, мощные бедра вжались в нее.

Из-под капюшона проглядывала изуродованная серовато-синяя кожа. Эрис вытянула руку, чтобы отдернуть ткань. Сердце билось быстро-быстро, и пульс отдавался в губах...

На этом моменте ее разбудил стук.

Уши Эрис пылали. Подобные сны она уже не раз видела – но что *он* в них забыл? Девушка потерла мочки в тщетной попытке их остудить. Хорошо бы такие грезы помогли утолить жажду близости. Может, на самом деле ее телу хотелось вовсе не побега. Девушка открыла дверь.

У порога стояло Чудовище. Его лицо по-прежнему скрывалось под капюшоном. Великан замер, его рука, сжатая в кулак, повисла в воздухе. Он молчал.

Девушка впилась взглядом в алый бархат плаща. Наверное, он приснился ей просто потому, что они жили рядом. Он один составлял ей компанию в замке, ничего удивительного, что его образ отпечатался у нее в сознании.

Великан резко отвел взгляд.

– Извини, что разбудил.

– Что-то случилось? – спросила Эрис хриплым от сна голосом.

– Да нет, ничего.

Девушка недоуменно сощурилась.

– Тогда зачем ты пришел?

Великан уже повернулся, чтобы уйти восвояси.

– Наверное, лучше я... э-э-э... зайду попозже.

Эрис схватила его за край плаща.

– Нет уж, больше такое не повторится, – нахмурившись, объявила она. – Никуда ты не пойдешь, пока не расскажешь, зачем приходил.

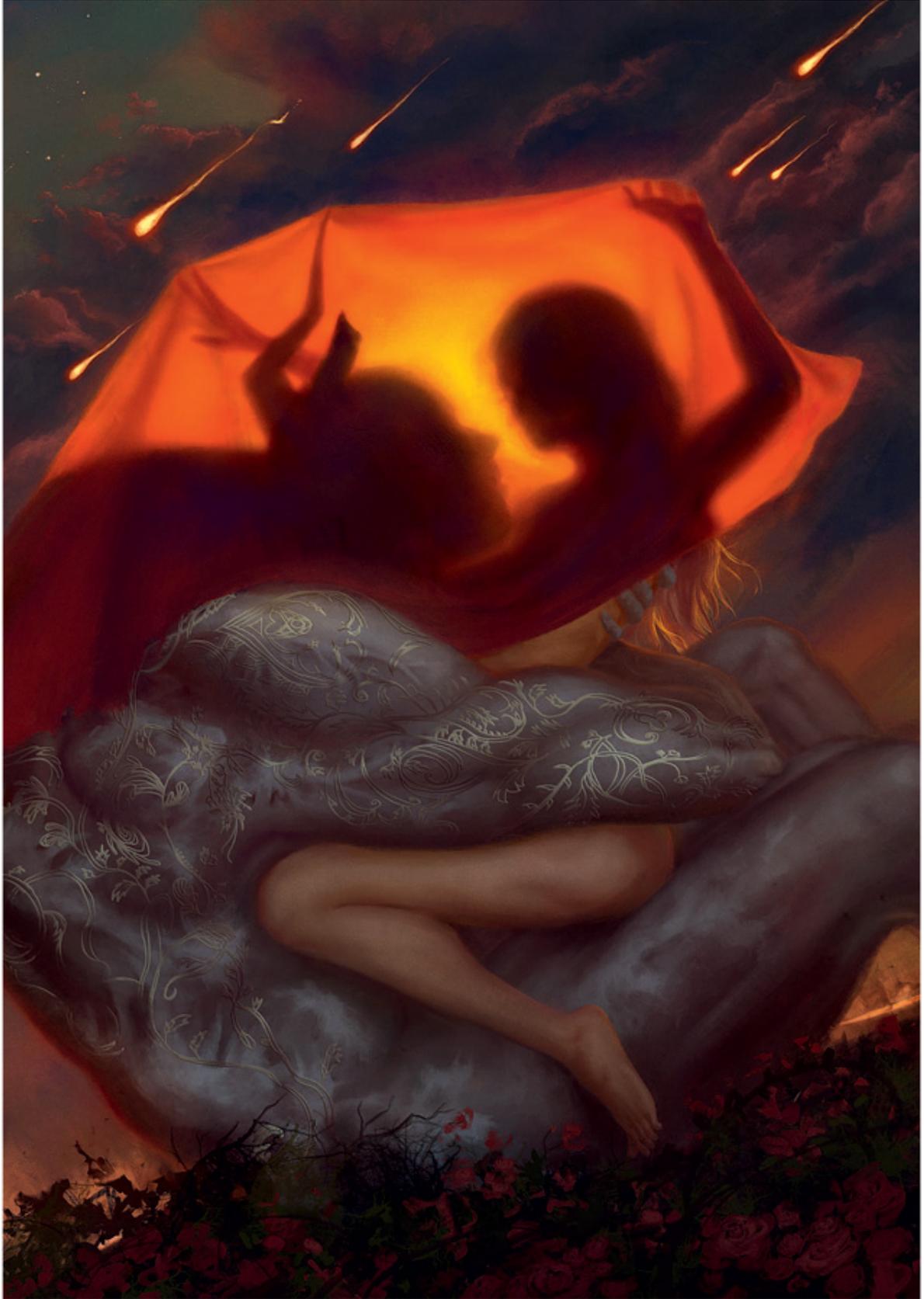
Великан нервно перебирал пальцами рубашку, принесенную для Эрис.

– Я... ну... хотел с тобой поговорить, но сперва... пожалуйста, оденься, а потом уж... – Он не завершил своей мысли.

Эрис опустила взгляд на сорочку, в которой встретила великана. Она шла к двери до того сонной, что забыла набросить шаль. Муслин же был до того прозрачен, что его едва было видно.

– Ой...

Она взяла у великана рубашку и привалилась к двери, чтобы ее закрыть. *Боги, ну почему железо такое тяжелое?* Протяжный скрип нарушил неловкое молчание.

Щеки огнем горели. Быстро одевшись, она немного постояла, обмахивая ладонями свое лицо в надежде, что кровь отхлынет от кожи и получится замаскировать свое смущение. Девушка напомнила себе, что великан не насылает сны и уж тем более не знает их содержания.

Эрис открыла дверь. За это время великан успел повернуться к ней спиной, словно позабыл о том, что на петлях висит большой прямоугольный барьер, скрывающий девушку от его глаз.

– Ты оделась? – робко спросил он.

– Странно было бы второй раз открывать дверь, будь это не так, – подметила Эрис.

Великан хохотнул. К собственному удивлению, Эрис тоже улыбнулась, заразившись его веселостью. Сложно было вспомнить, когда в этих стенах последний раз звучал радостный смех.

– Пойдем, – позвал он и поманил ее в сад.

С того дня, когда они здесь схлестнулись, ничего не изменилось. Железные треноги были оплетены розами на разных этапах цветения. Сквозь трещину в земле выглядывали фиолетовые головки чертополоха. Кусты рододендрона так и не зацвели, их бледные листья уже начали алеть, а голые ветки глицинии льнули к стенам замка. Рядом с согнутым деревом стоял маленький сосуд – тот самый, в который великан вливал спирт, чтобы обработать раны Эрис. Чудовище пересекло сад и опустилось у дерева на колени.

Девушка остановилась, шаркнув подошвами по мраморной плите. Сейчас он наверняка попросит ее оживить сад. Она скрестила руки на груди. От радостного настроения не осталось и следа. Она собралась с силами, чтобы сказать ему «нет».

Великан взял пустую миску обеими руками и протянул Эрис, будто прислужник, приносящий жертву своему богу.

– Помоги мне остановить мою месть, – попросил он.

Глава двадцать пятая

– Я не знаю как, – призналась Эрис. – Я пыталась снова призвать тот огонь, чтобы поговорить с розами, но больше не получается.

– Да, это будет непросто повторить. Ты потратила очень много магической силы. Я это почувствовал, когда ее впитывал.

– Ты ее впитал? – переспросила девушка. – Я думала, ты просто затушил пламя, только и всего.

Чудовище сорвало крупный ирис с лепестками желтого цвета, переходящего в фиолетовый.

– Поэтому я тебя и позвал.

Оно сжало кулак и раздавило цветок. Сквозь пальцы засочился зеленый свет, и шрамы под бархатным плащом вспыхнули. Великан разжал кулак. Цветок куда-то исчез. Сквозь дыры в прожженном плаще проглядывала синевато-серая кожа. На ладони остался розоватый контур ириса. Вдоль него выступили гной и кровь.

«Что ж, оно все-таки кровоточит», – подумала Эрис, приблизившись к дереву.

– После твоего появления я сделал одно открытие. Магия побеждает магию. Ты черпаешь силу из того же источника, что мои братья, а я создаю ее сам. Света без темноты не бывает, и если считать всю природу созидательной силой, то я – разрушительная. Мы – полные противоположности и обнуляем друг друга.

Девушка сдвинула брови.

– А как же еда, которую ты мне приносишь? И все остальное? Твоя магия ни разу не причинила мне вреда.

– Повезло, что я не смог обработать твои раны тогда. Это могло бы тебя убить. Думаю, сложности начинаются тогда, когда

мы применяем магию друг против друга, поэтому-то ты можешь есть то, что я создаю, а твой сад не сжигает меня, если я не попытаюсь его околдовать. Но баланс сил здесь все равно нарушен: даже в своем состоянии я контролирую больше магии, чем ты.

– Получается, будь мы равны и направь мы магию друг на друга, мы истребили бы ее?

Великан покачал головой.

– Магическое искусство можно развивать, так что его сила определяется волшебником. По сути, ты проводник, сквозь который струится магия. И погибнешь раньше, чем вся она иссякнет. Но раз уж я сильнее и смертельные раны мне не страшны... – Великан вытянул вперед обожженную руку. Воздух рассекла молния – тоненькая-тоненькая, как волосок.

Вспышка была такой слабой, что Эрис даже не поморщилась. Она напрягла слух, чтобы уловить громовые раскаты.

– Я могу впитать твою силу, чтобы увеличить свою, – закончило Чудовище.

– Чертополох... – проговорила она, вспомнив поломанный стебель, который нашла у себя в комнате. – Ты впитал огонь при помощи цветов, выращенных мной!

Великан кивнул.

– Мы можем использовать этот же способ. Только уже без огня. Я почерпну силу из сада и создам что-то вроде волшебного пространства...

– Да, – выпалила Эрис. – Да, я согласна.

– Только за это придется заплатить цену, – сказал великан. – Из-за проклятия, наложенного на меня, полноценный обмен невозможен. Весь сад умрет. Мне нужно твое согласие на его гибель – тогда я смогу накопить волшебную силу, которой будет достаточно, чтобы поговорить с ними. – Чудовище посмотрело на цветущие розы и тонкие листочки молодых папоротников. – Ты все это вырастила, а значит, и решение принимать тебе.

Сердце у Эрис екнуло. Она пробежала пальцами по маргариткам, растущим под кривым деревом, нежно постучала по всем лепесточкам. Месяцы труда – и все впустую. Скоро сад снова станет таким же, как и в тот день, когда она впервые тут появилась: черным, иссохшим, пустым.

– Ничего не выживет? – спросила она.

– Скорее всего. Важно, чтобы у тебя было достаточно времени и ты успела попросить их – нет, приказать им – остановиться. А если откажутся... Я разрешаю тебе их уничтожить, – последнюю фразу он выговорил с трудом, точно и сам только осознал свои намерения.

Время. Эрис поискала взглядом лицо Аэру, возвышавшейся в Большом зале. На нем застыла печать леденящего кровь спокойствия. Богиня сидела на колесе времени, а его спицы навечно примерзли к стенам. Она ведь обещала остаться, так? Стоит им остановить розы, и у нее будет время – хоть отбавляй – на то, чтобы возродить сад. Она невольно выжала из земли столько сил, чтобы помочь Чудовищу в его мести, но теперь, когда ей придет конец, сад оживет с новой целью – чтобы восполнить весь страшный урон, нанесенный этому краю братьями Чудовища.

– Ты ведь уже однажды так делал, да? – спросила девушка. – Раздавил розы, которые я вырастила, и призвал молнию, расколовшую деревья пополам.

– Верно, – подтвердил великан.

– И что, получилось?

– Нет. Я так их и не услышал. Но меня сковывает проклятие этих земель. Может, у тебя выйдет то, что мне не по силам.

Эрис судорожно вздохнула, пытаясь успокоиться. Чтобы спасти город, нужно убить сад.

– Я готова.

Великан прижал ладонь к земле и что-то глухо пробормотал. В воздух взвилось облачко мелкого песка.

Первыми пострадали розы. Цветы печально повисли на ветвях, их лепестки сморщились, потом почернели, и первый же порыв ветерка превратил их в горстку пепла. Сочные стебли иссохли и стали тонкими, как ниточки, и почти прозрачными, а потом попадали с железных подпорок. С кустов рододендрона осыпались листья. Ветви задергались, словно лягушачьи лапки, и стали съеживаться, а потом и вовсе исчезли.

Руки у Чудовища дрожали и источали дым. Ткань, которой были перемотаны руки, обгорела, и сквозь дыры проглядывали ярко-зеленые шрамы. Кожа покрылась пузырями и начала отслаиваться. С губ

великана сорвался стон. В ладони, сложенной лодочкой, собралась жидкость.

Эрис схватила миску и стала ловить каждую капельку, что только просачивалась сквозь его пальцы. Пускай облегчит его боль она была не в силах, можно было хотя бы немного помочь.

– Возьми, – велело Чудовище, тяжело привалившись к дереву.

Девушка заглянула в сосуд. На самом дне поблескивало несколько прозрачных капель.

– Это свежая вода, – тяжело дыша и придерживая обожженную руку, пояснил великан. – Местное проклятие терпеть ее не может. Вспомни уроки с зыбучих песков и поскорее отыщи их. Не знаю, как быстро испарится вода, – возможно, у нас мало времени.

– Ты в порядке? – спросила она первым делом, встревоженно нахмурившись.

Великан едва слышно усмехнулся.

– Я же бессмертный. Время излечит все, а у меня впереди целая вечность.

Эрис схватила миску и всмотрелась в ее содержимое. Вода слепила совсем не так, как белое пламя, бывшее в глаза, а иначе: перед ней будто бы раскинулся беззвездный космос, которому можно было придать любую форму и цвет. Девушка стала проваливаться в темноту. Вода обвила ее тело, поддерживая на плаву каждую мышцу, а плечи теперь то и дело натыкались на незримые стены. Эрис оказалась на поверхности какого-то водоема. Под ней струилось течение, казалось, оно сдерживает крик, боится потревожить водную гладь, вырвавшись на поверхность. Девушка напряглась, застыла. Любой спазм, малейший рывок – и видение могло в один миг рассеяться.

Магия Чудовища теперь была куда слабее, чем в тот день, когда Эрис впервые призвала огонь. Ради заветной цели ему пришлось уничтожить весь сад, и, если она не справится, второй попытки не будет. Больше истреблять нечего.

Эрис закрыла глаза и осторожно погрузилась в воду, стараясь не слишком тревожить поверхность. Она вытянула руки, и те превратились в ветви и пронзили морское дно. Наконец обретя свободу движений, девушка принялась искать среди ила и водорослей розы, ушедшие корнями в иссохшую землю.

Девушка сделала вдох и начала расплываться все шире и шире, вот она уже оставила позади и согнутое дерево, и засыпанные пеплом земли Чудовища, и горы, и железную дамбу и добралась до города – сияющей призмы, которую питала прежде невиданная ею энергия. Эрис уперлась корнями в стеклянный купол. Магия, мощная, прямолинейная, упорядоченная, словно элементы в конструкции моста, мгновенно отозвалась. Ее фундамент уходил глубоко в землю, точно вбитый в нее молотом.

Чудовище оказалось право. Город питался силами волшебника.

За радужным светом мелькали хлопья пепла и золы. Эрис резко снизилась, растревожив землю под призмой. Сверху давил беспощадный зной, напоминая о долгих днях, которые Эрис провела в поле, – тогда солнце светило до того сильно, что кожа слезала с шеи. Дети-розы упоминали о том, что спрятались, а значит, где-то здесь наверняка можно найти их частички. Эрис стала раскапывать песок. Ей попадались фрагменты домов и людские останки. Наконец она увидела горящие тела ребятишек.

Город поджег их в третий раз.

Дети кричали, пытались потушить огонь. Их ослабевшие тела извивались в языках пламени. Кожа у мальчика уже начала отслаиваться. Он стиснул почерневшие зубы.

– *Живи!* – крикнул он. – *Так приказал наш король!*

Девочка стонала и кричала, топая ногами. Щеки у нее покраснелись. В обоих бушевала ярость Чудовища. Листья посыпались с их обуглившихся веточек. Розы стали быстро расти, роняя лозы в огонь, приглушая пламя.

Но оно взревело с новой силой, впилося в отросшие стебли, пожирая и дальше детские тела. Чудовище показало Эрис боль, которую испытывает живое существо, сгорая заживо, наполнило ее уши нескончаемыми криками, явило взгляду обнажившиеся нервы. Эрис просто не могла допустить, чтобы эти страдания продолжились.

Ее тело еще не разорвало связи с безмятежным океаном. Три, нет, четыре капли свежей воды на дне сосуда были тем самым связующим звеном между девушкой и магическим царством, но эта связь делалась тем слабее, чем меньше влаги оставалось в миске. И все же нужно было приложить все усилия, иначе детей ждала неминуемая смерть.

Эрис подвернула корни, впитала в них как можно больше воды, расправила вдоль тела и вскинула в воздух.

Вот только капли не смогли затушить огонь, питаемый дегтем. Все старания Эрис рассеялись туманной дымкой. Она стиснула кулаки и повторила попытку. Вдалеке кричало Чудовище, но слов она разобрать не могла.

– *Эрис?* – позвал мальчик. Его голос снова стал детским, он больше не говорил от лица мудреца-прорицателя.

– *Я здесь!* – отозвалась девушка. Она изо всей силы впитывала воду, пока связь между мирами не начала трещать по швам. – *Больше не нужно бороться.*

Она выплеснула из себя все до последней капли. Вода зашипела в раскаленном воздухе и исчезла.

Девочка ее даже не услышала. Ее крики заглушали прочие звуки. Она отчаянно била по огню свежими веточками, пытаясь его затушить.

Эрис обняла ее за плечи и прижала к себе.

– *Тише, тише,* – попросила она и утщила юную розу с поверхности.

Девочка замолотила по Эрис кулачками. С ее рук сыпался пепел.

– *Мне так больно,* – со слезами призналась она. – *Все-все болит.*

– *Знаю,* – нежно отозвалась Эрис. Собрать вдоволь воды у нее не получилось. В последней попытке спасти розы она принялась хватать языки пламени на их веточках голыми руками и гасить их по очереди. Ее кожа задымилась. Эрис с трудом сдержалась, чтобы не зашипеть от боли.

– *Скоро все закончится,* – солгала она.

Мальчик захныкал. В груди у него зияла дыра, в нее видно было, как внутри мерцает оранжевое пламя.

– *Наш король...*

– *Он больше не сердится. Слышите его?* – Девушка осторожно вложила в детей последние воспоминания о великане. Он сидел у согнувшегося дерева в своем алом плаще, баюкая изуродованную руку. – *Это он меня сюда прислал.*

– *Он больше не хочет мстить?*

– *Нет,* – сказала Эрис.

– *О, это чудесно,* – без сил прошептали дети и упали в ее объятия.

Лозы у них над головой мгновенно растаяли в огне. Пламя стало спускаться вниз по стеблям.

Эрис уже не успевала его гасить, ведь теперь дети ей не помогали. Стоило ей потушить один язычок огня, как он разгорался в другом месте – то на листе, то на ветке, то на корне.

– *Я могу вас спасти,* – сказала она скорее себе, чем кому-то другому.

И тут же почувствовала несогласие Чудовища – оно волной растеклось по сотканному им королевству.

– *Они ведь еще живы,* – сказала девушка и затушила очередной огонек. Ее задубевшая кожа запузырилась. – *Они прекратили бороться, но нужно...*

В этот раз с поверхности ее стащил мальчик.

– *Все в порядке,* – сказал он.

К горлу Эрис подкатил ком.

– *Нет, неправда.*

Девочка стала дергать ее за ворот.

– *Мы устали.*

Эрис повиновалась и убрала свои ветки. Тела детей сгорели почти целиком. В земле остались черные дыры – там, где когда-то были их корни. Девушка собрала все кусочки их тел, какие только нашла. Горло сдавило. Плакать нельзя. Сейчас нельзя быть эгоисткой, нельзя, чтобы им стало больно еще и из-за нее.

Пламя наверху пожирало разросшиеся лозы и лепестки, выплевывая в воздух облачка черного дыма. А под землей Эрис баюкала детей, пока те рассыпались золой прямо у нее в руках. Они беспокойно ерзали, чувствуя, как огонь расползается все дальше, но до того устали, что не могли плакать.

Ей совсем не хотелось, чтобы их последние воспоминания были такими.

– *Если позволите, я попробую унять вашу боль,* – сказала она.

– *Да.*

Эрис зажмурилась, вспоминая все, что ей рассказывали дети.

– *Вы очень любили моего отца, верно? Хотите еще раз его увидеть?*

– *Ага.*

Эрис вложила свое сознание в останки детских тел, и их мысли слились. Тогда она принялась воссоздавать отца по памяти: сильные руки, пожелтевшую рубашку, потускневшие голубые глаза.

– *Седые волосы,* – добавил мальчик, дорисовывая размытый образ. – *Он поседел, пока работал на каменоломне.*

И лицо у него более вытянутое, – добавила девочка, помогая улучшить портрет. – *Морщинки вот здесь. Когда улыбается, их становится больше.*

В пустоте материализовалась фигура ее отца – загорелого, улыбающегося. Ему в спину било утреннее солнце. Их общие воспоминания наполнили двор Виктории. Он еще не пострадал от огня, а землю тут не успели покрыть плитами. Отец выходил сюда каждый день. Живая детская память сохранила детали, которых Эрис уже не помнила, – от расположения камушков в саду до блеклого цвета кожаных лямок на отцовских сандалиях.

Отец пробежал мозолистыми пальцами по земле, сбрызнул водой пышные прически роз, нашептывая им рассказы о своих дочурках.

Следом в воспоминаниях появились и сами дети. От сухого воздуха они то и дело чихали, но рассвет приносил с собой и повод для радости, когда они слышали легкий стук отцовского посоха и его тихие шаги.

– *Еще, расскажи нам еще о твоей младшенькой, той самой, что так и норовит сбежать из дома!*

Зачем его убивать? Король пропитал их жаждой мести, но не мог же он внушить им мысли об убийстве отца. Почему же он? Почему? Его единственное преступление – в том, что он жил в этой невыносимо белой вилле (*даже алебастр – и тот гораздо темнее, из чего ее вообще построили?*), но ведь его улыбка согревала брата с сестрой, утешала их, изнуренных землей, которая их отторгала. Они пытались расспросить об этом короля, но он слышал лишь собственную ярость, и вопросы остались без ответа.

И они всё откладывали отмщение.

– *Расскажи еще историю. Расскажи нам про нашего короля, которого ты зовешь Тварью. У него рога, как у барана, и ноги, как у козла? Вот ведь диво.*

Чуть ли не на каждом слове отца перебивал кашель. Розы плакали, видя его немощь. Когда он уставал и уходил спать, они пробирались

к нему в комнату и впитывали пыль, осевшую в его легких.

– *Неужели и впрямь семь лет прошло?* – спросил мальчик.

– *Они пролетели как одно мгновение,* – добавила девочка.

Еще один вздох. Только короче и тише. Последний измученный выдох.

Угольки дотлели, а вместе с ними и то, что осталось от детей. Даже когда пепел просыпался сквозь пальцы Эрис и ладони остались пустыми, она продолжила цепляться за воспоминания об отце, чтобы только заполнить пустоту. Чтобы страдания не настигли брата с сестрой до самого конца.

– Эрис, – прогремел рядом голос Чудовища, – пора.

– *Не хочу уходить.*

– Надо.

Эрис зажмурилась, ослабляя хватку. Образ ее отца растаял, а ее саму выдернуло из города, из земли, из пересохшего морского дна. Девушка вынырнула из песка и оказалась в саду.

На руку что-то капнуло.

Все-таки расплакалась.

В миске ничего не осталось. Весь сад вокруг погиб. Только железные треноги остались на месте, точно безмолвные могильные памятники жизни, которая прежде на них цвела.

Глава двадцать шестая

Эрис решила спасти первыми не лилии, не ирисы и не чертополох, а розовые кусты. Наивный выбор, учитывая, как трудно поддерживать их цветение, но девушку переполняла решимость. Эти попытки немного утешали – они напоминали о детях-розах, об отце, о Чудовище и наследии его братьев, и Эрис казалось, что, если их оживить, все получится начать с чистого листа. Она осторожно распутала ветки, отрезала от лоз несколько черенков, которые своим видом внушали надежду, обвила их вокруг треног. Размякшие шипы послушно согнулись, соприкоснувшись с ее кожей.

Вскоре после того, как они отпустили детей-роз, Чудовище куда-то пропало. Эрис не стала его искать – в конце концов, оно тоже оставило ее в покое в тот день, когда она не хотела отпускать отца. Теперь она подолгу задерживалась у статуи Аэру и перечитывала надпись над головой богини: «Время пожирает все».

Так пусть оно сожрет и его горе.

Оно продолжало приносить ей еду каждое утро, но Эрис уже начала добывать пищу сама. Попытка заколдовать хлеб многому ее научила, так что она пока сосредоточилась на простой еде: вишне и миндале. Удивительно, но в эти одинокие минуты магия давалась ей легко – как тогда, во время воскрешения, пока не явилось Чудовище. И все же, несмотря на его чуткий надзор, с садом возникали трудности. Через две недели у нее получилось заколдовать грушу. Эрис с наслаждением вонзила зубы в спелую мякоть, и сок побежал у нее по подбородку. А когда доела, выковыряла ногтем семечки из огрызка и завернула в кусочек ткани. Их оказалось семь.

Шпили замка полыхнули оранжевым, отражая свет закатного солнца, разлившийся по саду. Девушка нарисовала в углу двора прямоугольник на земле, выбрав не слишком солнечное, но и не чересчур тенистое местечко, и выкопала ямку, только уже длиннее, глубже и куда старательнее, чем несколько месяцев назад, когда пыталась вырастить пшеницу.

Развернув ткань, она осторожно достала зернышки и посадила в углубление на одинаковом расстоянии друг от друга. Не всем суждено было прорасти, но счастливчиков Эрис собиралась пересадить в местечко получше, а остальные выбросить. Она закопала ямку, пометила камушками, чтобы проще было найти. Закат сменился безлунной ночью.

О появлении великана возвестил шелест бархата по мраморному полу.

Он ждал ее в углу сада, у крытой галереи, и держал в руке факел. Широко улыбнувшись, Эрис отряхнула руки и пошла к нему. Они уже давно не встречались за ужином.

– Хочу тебе кое-что показать, – вместо формального приветствия сообщил великан.

– А ужинать мы не пойдём?

– Позже, – уточнило Чудовище.

Они зашли в бастион, преодолели один пролет узкой лестницы.

– Я думала, ты прекрасно видишь в темноте, раз так проворно перемещаешься во мраке, – подметила Эрис.

– Нет, просто я всю жизнь тут провел и знаю это место как свои пять пальцев, поэтому мне свет не нужен. А вот тебе он понадобится.

Великан зашагал впереди, держа факел поближе к земле, чтобы осветить Эрис путь. Дыры в полу были наскоро заделаны камнями разных форм и оттенков, их неровные края отбрасывали друг на друга тени. Чудовище и Эрис пересекли коридор и зашли в зал. Они оказались в полуразрушенном крыле. Кто-то смел тут мусор в сторону, расчистив тоненькую тропу к двери в дальнем конце зала. Дальше они вышли на винтовую лестницу, уходящую ввысь, в башню.

– Куда это мы идем? – спросила Эрис.

– Скоро узнаешь.

Когда Эрис добралась до верхней ступеньки, дыхание у нее уже сильно сбилось. Великан открыл дверь, и перед ними протянулся новый коридор. Здесь было гораздо чище, а путь освещали аккуратные подсвечники. В конце коридора их ждала короткая деревянная лесенка. Эрис попыталась выглянуть в узкие бойницы в стенах, но в них с силой задувал ветер и сушил глаза. Было件нятно, что они забрались чуть ли не на самую вершину замка.

Чудовище взобралось по лесенке и распахнуло люк над головой. Его плащ быстро исчез из виду, но руку с факелом оно не убрало, чтобы и дальше освещать Эрис путь.

– Спасибо, – поблагодарила она, пролезая в круглую комнату с высоким потолком.

Остов комнаты, напоминавший скелет, мало мог о ней сообщить – разве только что сверху когда-то был купол. Теперь же от него не осталось почти ни одного камня. Сквозь дыры виднелись лоскутья

звездного неба. В комнате было три яруса, и колонны здесь перемежались с окнами. Зал был разделен пополам углублением. В нем лежали куски металла в форме двух изящных арок. Комнату окаймляли каменные ступеньки, они огибали арку и заходили за нее. Каждый ярус был увешан книжными полками, уставленными пыльными фолиантами. На полках и на полу валялись блеклые латунные диски и угольники.

Эрис приблизилась к каменной арке. На ней были сделаны насечки и выбиты цифры.

– Как же здесь красиво, – прошептала девушка.

– Ты упомянула, что любишь звезды, – отозвалось Чудовище, взмахнув факелом, – и я понял, что твоя спальня чересчур тесная для человека, который привык любоваться внешним миром. Когда-то тут была обсерватория, где мы наблюдали за Солнцем, Луной и их перемещениями. Эта арка служила нам секстантом, а солнце пробивалось в маленькое отверстие на куполе, поэтому мы могли узнавать время.

Великан подошел к книжным полкам и взял латунный диск, который Эрис уже успела заметить.

– Не помню, как этим пользоваться, но это астролябия. С ее помощью можно просчитать положение звезд в небе и определить время, когда на дворе ночь. – Он поднял прибор над головой. – Кажется, по этой шкале можно измерить... – Великан стал крутить детали астролябии, но быстро сдался. – Наверняка где-то тут найдется книга, где написано, как ей пользоваться, – со вздохом сказал он. – Я посвятил магии куда больше времени, чем астрономии.

Эрис расплылась в улыбке и поднялась по лестнице на верхние ярусы, чтобы получше их изучить.

На самом верхнем, у окна, стояла соломенная кровать, застланная льном и шелком. Чудовище переместило сюда стол и шкафчик из ее спальни. С деревянным манекеном соседствовали сундуки, полные одежды. Эрис выбрала наугад книгу с полки и поднесла к окну. На страницах были изображены мудреные круглые диаграммы, снабженные подписями на все том же древнем языке, который она встречала на дверях Большого зала. Эрис принялась выискивать на диаграммах знакомые созвездия в надежде, что так будет проще разобраться в написанном.

– Потребовалось время, чтобы навести тут хоть какой-то порядок, – пояснил великан, потирая щеку под капюшоном. – Но как восстановить купол, я так и не придумал. Можно было бы закрыть дыры стеклом, но вручную с этим быстро не справишься, а заделать камнем – плохая идея, ведь тогда...

Эрис оторвала взгляд от книги.

– Это все для меня?

– Если ты не против, эта комната будет твоей.

Эрис потрясенно уставилась на него.

– Ну что, твой черед лишаться дара речи, – насмешливо подметил великан.

Опомнившись, девушка рассмеялась и покрепче прижала книгу к груди.

– Большое спасибо.

– Я хочу показать тебе еще кое-что, – сказала Чудовище и сделало Эрис знак пойти следом.

Вместе они обогнули верхний ярус обсерватории и добрались до нескольких шатких лесенок, ведущих к самой высокой точке руин. Остатки крыши обрамляли кирпичи и поломанные колонны. Великан не удостоил лестницы внимания и просто подпрыгнул.

А вот Эрис продолжала подъем и наконец выбралась на кусок ветхого настила. Так она оказалась на самой вершине замка.

Над ней раскинулось звездное море. И всюду, насколько только хватало глаз, темнело ночное небо. Его больше не заслоняли ни горы, ни лесная чаща. Звезды мерцали не былым, а алым, розовым и желтым – мрак высвечивал их истинный цвет. Среди небесных тел были и те, которые Эрис прежде не видела, бледные, тусклые. Огни Кешгиума без труда затмили бы их, но здесь они обрели голос. Знакомые из детства – Полярная звезда, Копье Архайи – упорядочивали хаос небесных тел.

Эрис безмолвно смотрела вверх. На кончике языка вертелись слова счастья и благодарности, но она не знала, как выразить эти чувства. Лучшего подарка она и вообразить не могла – надо же, она сидит на троне, на самой вершине мира, так близко к звездам, как еще никогда прежде.

– Прости меня, – голос Чудовища нарушил тишину ночного неба. – Моя месть обрекла тебя на страдания. Я угрожал тебе, я использовал тебя и твоего отца. Мои слова значат не много, вот я и решил сделать тебе подарок.

– Ты отказался от мести. Это самое главное. – Эрис выдохнула. – Вот только хотелось бы мне знать, все ли в порядке у сестер.

Великан покачал головой.

– Если розы сохраняли жизнь твоему отцу, то и тех, кто был ему дорог, наверняка не тронули.

– Таким был твой приказ?

Чудовище закуталось в свой плащ.

– Нет, но я создал их по своему образу и подобию, и они... оказались похожи на меня даже больше, чем я сам ожидал. Так что поверь: твои сестры живы.

Эрис откинула голову. Напряжение в плечах мгновенно ослабело. *Кого же он любил в прошлой жизни? Кого защищал из-за этой любви?* В конце концов, внутри этого монстра жила человечность, и он был подвержен мириадам чувств и страстей, как и она сама.

– Когда мы с тобой скорбели у поля боя и ты рассказывал о том, как братья предали тебя и уничтожили замок, я подумала: а стала бы я сама мстить, будь я на твоём месте?

Чудовище склонило голову набок.

– И что надумала?

Эрис не сводила глаз с неба, поигрывая подолом длинной рубашки.

– Наверное, стала бы. Предательство убило бы меня. Видеть, как родные братья ополчились против тебя, как погибают твои воины, как мир забывает тебя... То, что ты мне рассказывал, лишь малая часть пережитого тобой, боли, которую тебе пришлось вынести, знаний, которые ты накопил. Ярость мучает тебя дольше, чем я живу, мое же существование бессмысленно. Будущего у меня не было, изменить прошлое я не могла, вот и жила настоящим.

Великан усмехнулся.

– Ты себя недооцениваешь.

– А в чем моя заслуга? Ты сам решил отказаться от мести.

– Ты что, не знаешь, что случилось, когда ты была ребенком?

– О чем ты?

– Где ты была, когда случилось землетрясение и завеса меж нашими мирами порвалась?

– У горы. Я видела, как по ней пробежала трещина, – ответила Эрис. – Отец вовремя подросел и защитил меня, когда земля стала дрожать.

– А эта самая трещина появилась сама собой или ты прикоснулась к горе до начала землетрясения?

Эрис пригладила волосы, сиюсь припомнить случившееся.

– Я плакала, – проговорила она, отыскав в сознании отчетливое воспоминание. – Мы решили покинуть ферму, и я плакала. Гору я любила – рядом с ней всегда дул ветер, и я привыкла с ней

разговаривать. Кажется, даже имя ей дала. В тот вечер я прикоснулась к ней в знак прощания.

– И тут же случилось землетрясение.

– Из-за меня? – Эрис рассмеялась и тряхнула головой. – Быть такого не может. Оно было таким сильным, что я чудом выжила. В какой-то момент мне показалось, что на меня упало дерево, но отец меня спас. И теперь я могу разве что помочь цветку распуститься, и не более того.

– А еще ты призвала огонь в краю, где магия под запретом. Эрис, только задумайся, на что ты способна! Ты разорвала завесу между нашими мирами, когда была еще совсем маленькой, и вырастила не одну-единственную розу, а куда больше. Ты возрождаешь край, пропитанный смертью, и это при том, что еще не достигла пробуждения. Ты хоть понимаешь, до чего это трудно? Я не одно столетие пытался, и в распоряжении у меня были исчерпывающие знания о магии, но ничего не вышло!

– Так ты знал, что гора раскололась из-за меня?

– Я понял это, когда ты сказала, что у меня гостил твой отец. Когда я выяснил, что магических способностей он лишен, я заподозрил, что скоро явится кто-то еще. И вот пришла ты. Сперва я был уверен, что ты и сама все знаешь, вот только ты ни разу не приводила этот случай как доказательство своих талантов. Я подумал, что смогу пролить для тебя свет на то, сколько же потенциала в тебе таится. – Он пробежал пальцем по шаткому камню. – Я ведь недаром предложил тебе жить дальше на равных.

– А я-то думала, это будет брак по любви!

Чудовище пропустило ее сарказм мимо ушей.

– Ты можешь куда больше, чем просто выращивать цветы. Твои способности заслуживают огромного признания.

Эрис уставилась на свои руки, гадая, сможет ли подчинить себе такую силу. *Хочу ли я этого вообще?* Она уже успела вкусить сладость этой мощи и понимала, почему так ее жаждет. Пускай здесь она и не столь уж многого достигла, зато обрела счастье и наслаждалась этим новым чувством, связывающим ее с землей и космосом. Ее можно было использовать на благо, как она всегда и хотела, – чтобы положить засухе конец, сделать урожаи богаче, отстроить замок заново, оживить эти земли.

Но тогда она станет лишь проводником, сквозь которого струится сама магия. Быть волшебником – значит иметь цель, но тогда вся ее ценность будет зависеть от связи с миром магии. Если она потеряет над магией власть, то утратит всякую значимость, сделается пустым местом, как во времена жизни в городе. Эрис вперила взгляд в сгорбленную спину Чудовища и поникшие плечи, обтянутые тканью, что скрывала его от всего мира. Когда человека лишают магии, он превращается в пустую оболочку.

Я стану такой же, как ты.

– Ты прячешься из-за стыда, – заключила Эрис, преисполнившись новой уверенности. – Тебе кажется, что вся твоя ценность сводится к магии и прошлому.

Чудовище нервно сцепило руки, прежде чем ответить.

– Я ведь был королем, – напомнило оно. – Бессмертным созданием, которое ныряло в океан магии, изучая его глубины. На кончиках моих пальцев расцветала жизнь, я помогал смерти на пути к перерождению. А теперь я лишь полая скорлупа, прислужник пустоши, ничейный король. Я ничтожество, если не меньше. – Великан засучил рукав. Под складками показались мясистые шрамы, окутанные изящными повязками с цветочным узором. – Вот он, символ всего моего существования.

Эрис подняла глаза к небу.

– Когда-то в твоих руках была сила, о которой большинство лишь мечтать могло. Ты был королем, не боящимся смерти, тем, кому повинуется вся магия мира. Такого могущества не забыть. Но эти времена миновали. Возможно, я ценю настоящее куда выше, чем ты, но важнее всего то, что за время моего пребывания в твоём замке ты показал себя как хороший учитель и щедрый хозяин. Вот что имеет значение. А не то, сколько солдат тебе подчинялось, какой силой ты владел... – она выдержала паузу, подбирая слова, – и кем был в прошлой жизни. – Эрис подняла голову. – Я отказываюсь от твоего предложения пойти под венец. Но останусь с тобой. Когда я только здесь оказалась, я пообещала возродить эту землю.

– Если земля возродится, я снова стану её королем, – подметил великан, – несмотря на все твои советы распрощаться с прошлым.

Эрис пожала плечами.

– Я не в силах тебе приказывать, как и не могу вернуть отца. Может, твой гнев снова вырвется наружу, и ты решишь отомстить Саулосу и Ананосу... и опять разрушишь город. Может, магия одержит над тобой победу, и ты и впрямь превратишься в Тварь, описанную в книгах. Может, убьешь меня, чтобы избежать ошибок, которые допустил с братьями.

Чудовище хотело возразить, но Эрис остановила его жестом.

– Есть миллион способов увидеть будущее. Сейчас передо мной стоит великодушное, милосердное существо, которое спасло меня от смерти, научило магии, отказалось от мести и подарило вот что. – Эрис указала на обсерваторию и на земли внизу. – Может, я ошибаюсь и еще пожалею о своих действиях, но мне хотелось применять магию на благо. Когда я только тут появилась, я дала обещание и не собираюсь от него отказываться. Это большее, что я только могу сделать. Хотя, может, в сравнении с твоей жизнью это и сущие мелочи...

Чудовище шагнуло к Эрис. Его плащ зашелестел. Великан коснулся могучей рукой её кожи. Их лбы едва не соприкоснулись. Чудовище замерло так близко, что Эрис задрожала под его прохладным дыханием.

– Здесь всегда царила тишина, – проговорило оно. – Некому было разделить мою радость и горе. Молчание сводило с ума. Сотни тысяч друзей безмолвно наблюдали за тем, как я гуляю в одиночестве,

ем в одиночестве, сплю в одиночестве. Когда я кричал, мой голос подхватывал холодный ветер и уносил его в пустоту. Я возненавидел братьев не только за предательство, но и за то, что заточили меня в этой безлюдной пустыне. Физическая боль не идет с одиночеством ни в какое сравнение. Я мечтал, что кто-то придет, пусть даже братья, и разделит мою муку, скажет, что все будет в порядке, но ночь тянулась за ночью, а я так и оставался наедине с собой, и, кроме себя, винить мне было некого. Я злился, я плакал, надеясь, что слезы заполнят пустоту в груди. – Пришел его черед высматривать в ночном мраке янтарные глаза Эрис. – Но ты все это выжгла. Ты подарила мне не обещание, а гораздо больше.

Сердце у Эрис забило чаще, к щекам прилил румянец. Она подняла руку, нырнула пальцами под капюшон, скрывавший лицо великана, и нежно прикоснулась к его впалой щеке. Он застыл как истукан, но не отшатнулся.

В то мгновение в мире, казалось, существуют лишь они одни – две безмолвные фигуры под бескрайним черным небом.

Глава двадцать седьмая

В прежней комнате Эрис отсчитывала дни, оставляя ногтями отметины на каменной стене. Но в обсерватории она быстро распрощалась с этой привычкой. Течение времени утратило свою болезненность, а каждое мгновение уже не приносило столько страданий.

Эрис приоровилась спать на самой высокой части крыши. Когда утреннее солнце нагревало камни, она просыпалась. Теперь, когда она распрощалась с кожаной броней, можно было носить любую одежду. Изучив содержимое сундуков, принесенных великаном, Эрис нашла несколько простых нарядов и набросила на манекен те, что оказались ей по размеру. У этих платьев не было турнюров, корсетов, тут не нужен был кринолин, так что надеть их можно было и без трех служанок.

Эрис не сдержала улыбки. В то утро, когда Виктория стала Второй, ей понадобилась не одна помощница. Это было публичное мероприятие, которое проводилось на площади у Храма, у всех на виду, и пышный наряд с вкраплениями бордового, белого и золотого полностью соответствовал поводу. А уж вычурную прическу сестры Эрис запомнила навсегда. Виктория смотрела прямо перед собой остекленевшими глазами, уголки ее губ смотрели вниз, руки были разведены в стороны, а Констанция с несколькими служанками сутилились вокруг, поправляя украшения на платье.

– Ты на торт похожа! – сказала ей тогда маленькая Эрис, которая носилась по гардеробной среди платьев, раскиданных по полу. Констанция метнула в нее неодобрительный взгляд, а губы Виктории дрогнули в улыбке – казалось, и она сознает, что вся эта излишняя

пышность ни к чему. *Знаю, знаю*, словно бы говорило ее самоуничижительное выражение.

С тех пор Эрис ни разу не видела, чтобы Виктория посмеивалась над собой.

Девушка заправила рубашку в длинную серую юбку и пошла в узкую комнату, примыкавшую к саду. Там она отыскала медное ведро, покрытое изнутри патиной, – видимо, когда-то в нем носили воду. Потом, держа в памяти рассказы отца о работе на каменоломне, она побродила у ограды замка и выбрала из песка побольше камней, отдавая предпочтение мягким породам. По пути обратно она столкнулась с великаном. На его плащ налипла сажа, а из-под рваных рукавов выглядывали мозолистые ладони.

– Где ты был? – не справившись с любопытством, спросила Эрис.

– Это сюрприз. Больше никаких вопросов.

– Вот ты и подписал себе приговор – теперь они точно не закончатся! – заметила Эрис и с тяжелым вздохом поставила ведро. – Подойди-ка сюда. Я собираюсь применить магию. Проследишь, все ли я правильно делаю.

Чудовище закрыло лицо ладонью.

– Как же ты меня порой раздражаешь, сил нет! – пробормотал он.

– Обращайся! – Эрис раздробила камни в мелкую пыль, наколдовала морской воды и соломы и смешала все до густой массы. В городе строительный гипс получался гораздо светлее – там известняк сперва несколько месяцев отбеливали, – но и такого результата хватит.

Чудовище кивнуло.

– Как всегда, бесподобная работа. В этом смысле я уже давно не могу тебе сказать ничего нового.

Эрис уставилась в ведро и сосредоточилась на своих ощущениях: не начнет ли покалывать пальцы, не раздастся ли гул в голове, или, может, произойдет еще что-нибудь и она поймет, что переживает трансформацию?

Плечи великана едва заметно задрожали – его забавляла эта картина.

– Эрис, может, другие и считают себя податливыми, как сырой гипс, но ты точно не из таких.

Девушка прикусила губу.

– Что же мне делать? Я уже попробовала почти все, что можно, но, кажется, нисколько не приблизилась к цели.

– Я ведь уже много раз говорил: пробуждение – это процесс. Рано или поздно он начнется.

– Так себе помощь, – проворчала девушка и понесла ведро во двор. Там, зачерпывая гипс пальцами, она стала промазывать трещины между каменными плитами, выбирая те, о которые был риск споткнуться.

Сад снова наполнился цветением. После своих «гипсовых» приключений Эрис – не без помощи великана – смастерила взамен отдельных треног большую железную решетку. Стебли роз оплели ее жерди, и дни, когда все бутоны как один раскрывались от прикосновения Эрис, были для нее радостнее всех прочих. Земля тоже преобразилась – очистилась от пепла и потемнела. Эрис часто опускалась на колени, чтобы поприветствовать каждый новый цветок, новую жизнь, пришедшую в этот мир. Девушка прикасалась к земле, но та больше не отзывалась. Но Эрис и без всяких слов чувствовала, что она ждет, пока кто-нибудь воплотит грезы о ней в жизнь и чудесный мираж посреди пустыни станет явью.

Два грушевых семечка проросли, и Чудовище, не дожидаясь просьбы Эрис, пересадило их в местечко, где было больше солнца, а погибшие зернышки убрало. Белые цветы глицинии так густо оплели стены галереи, что всякий раз задевали голову Эрис, когда она выходила из сада. Чудовищу даже приходилось передвигаться на четвереньках – не самая аристократичная поза, стоит признать, – осторожно переставляя конечности и вытягивая спину, как кошка, лишь бы только не задеть цветы. Эрис хихикала всякий раз, когда великан на это жаловался. И все же он не стриг глицинию – и Эрис тоже.

Иногда Чудовище экспериментировало с магией в саду – нащупывало пределы своей ограниченной силы. Зеленый туман всегда становился ярче, когда его боль усиливалась. А когда дрожь в конечностях достигала пика, оно прекращало колдовать и потом еще долго не могло отдышаться. Эрис тяжело было видеть его таким, и она часто сидела рядом, пока дыхание не восстановится.

В тот вечер оно случайно превратило в пепел кустик шалфея. Эрис собрала уцелевшие листья – пригодятся, чтобы удобрять сад.

– Я раньше думал, почему же боги так все устроили, – проговорило Чудовище, собирая золу в кучу. – Неужели они так жестоки, что им непременно надо отнять у кого-то жизнь, чтобы другой процветал?

Эрис сдвинула брови.

– А что будет, если этот круг порвется?

– Вместе с ним оборвется и жизнь.

Эрис бросила на него пламенный взгляд.

– Умереть и переродиться – или же жить вечно и исчезнуть.

– Все не так, – возразил великан, хотя в его голосе не было и тени гнева. – Мы с природой объединились, и теперь цикл жизни и смерти существует во мне, так что я буду перерождаться вечно.

– Ты боялся встречи со Смертью, вот и перехитрил ее, подчинив себе силу, которая не умирает.

Чудовище задумчиво пробежало кончиками ногтей по розам, свисавшим с железной решетки.

– Ты выбрал второе, – добавила Эрис уже мягче.

Великан выдержал паузу, старательно взвешивая слова.

– Я выбрал жить дольше.

– Хоть и знаешь, что из-за этого всему придет конец?

– Пускай он и придет, я останусь в бескрайнем океане существования. Когда на кону моя собственная жизнь, тяготы мира меня не заботят. Если выбирать между кратким и долгим веком... ответ очевиден.

– Что же ты меня учишь тому, что сам же и опровергаешь?

– А ты почему так жадно ищешь смерти, если ее боишься? Я ничем от тебя не отличаюсь. – Говорил великан медленно и сбивчиво – он по-прежнему тщательно подбирал каждое слово. – Я люблю эту землю, но смерти страшусь куда сильнее. И лучше увижу, как мир осыпается прахом, чем расстанусь с бессмертием.

«Кажется, он впервые это признал», – подумала Эрис.

– Почему смерть тебя так пугает?

Чудовище опустило руку.

– Пойдем со мной, – сказала оно и направилось к развалинам бастионов.

За стенами тянулась вереница острых утесов. По ту сторону от ущелий и поломанных мостов, соединявших замок с остальными

землями, раскинулись, точно большая паучья сеть, облитая дегтем, железные поля боя. Они уходили вдаль до самого горизонта, а там упирались в железную дамбу, которая отрезала этот край от мира.

– Давай я спущу тебя, – сказал великан и протянул Эрис руку. – Не бойся, не уроню, – поспешно добавил он.

– Вот уж надеюсь, – ответила Эрис. – Летать я пока не научилась.

Чудовище подхватило ее на руки. Грудь у него задрожала от смеха. Оно перепрыгнуло несколько утесов и опустилось на узкий выступ. Места тут хватило бы только на одного, поэтому Эрис пришлось остаться у него на коленях. Великан свесил ноги с обрыва.

Он прижимал ее к груди, возвышался над ней, холодя ей кожу своим дыханием, но Эрис нисколько не возражала, наоборот, чувствовала себя в безопасности. Теплом от его тела не веяло. Великан пах дождем.

«*Какое облегчение*», – пронеслось у нее в голове. От этого чувства по рукам побежала дрожь, а внутри словно бабочки запорхали. Его прикосновения были точно такими же, как в ту ночь, когда она не смогла воскресить пантеру. Они успокаивали – в этом не оставалось никаких сомнений. И великан, и Эрис столько всего пережили вместе и потому служили друг другу утешением.

Эрис прикусила губу. Не более того.

Великан указал на круглую башню вдалеке – одинокую фигуру посреди железных полей боя.

– В детстве – не могу точно сказать, сколько мне тогда было лет, недостаточно, чтобы осознавать все опасности мира, но многовато, чтобы мне требовался надзор, – меня часто тянуло к океану. Меня завораживали лазурные волны, разбивающиеся о берег. И вот однажды утром, когда я лазал по маяку, я сорвался в воду. Течение как раз менялось, и меня унесло.

Эрис судорожно вздохнула.

– И ты утонул...

Великан кивнул.

– А когда очнулся, все вспомнил. Я лежал на пляже, в голове гулко стучало, горло драло. Больно было дышать. Меня окружили врачи и стража, и у всех на лицах читалась тревога. Помню, как меня это смутило. Мне рассказали, что, когда меня вытащили на берег, я не дышал. Пускай это и были лишь считанные мгновения, но именно

тогда я понял, за пределами того, что я вижу собственными глазами, ничего нет. Передо мной не предстал бог, повелевающий людскими душами, я не увидел ни одного намека на то, что мое сознание продолжит жить, когда тело откажет. Я верил, что Аэру лишь героиня мифов, придуманных людьми, которые надеются на бессмертие души. Мне же надежда не давала утешения, поэтому... я нашел собственный путь к вечности.

– Казалось бы, после такого как не начать бояться воды, но ты всегда сравниваешь свою магию с бескрайним океаном.

– Довольно точное описание двойственности природы, не находишь? Я не воды боюсь, а хрупкости своего существования, когда сталкиваюсь со столь могущественной силой. – Чудовище немного помолчало. – Вот почему я не хочу умирать.

Эрис вспомнилось, как она плавала в воде, когда спешила положить конец его мести. Времени тогда было мало, поэтому она толком и не обратила внимания на течение, которое струилось под ней, но теперь все стало гораздо понятнее. Волна боялась потревожить спокойную гладь, боялась плеска, который поднимется позже, боялась, что от спокойствия, которое так долго выстраивалось, не останется и следа.

Страх смерти, страх перемен.

Эрис свернулась в руках великана, наблюдая вместе с ним за закатом. Больше всего ей нравилось, когда солнце на миг замирало над горизонтом и небо вспоминало про свет. Тогда мир, пускай и на мгновение, представал во всей своей красе, и его оттенки – синие, алые, розовые – уже не были размыты слепящими лучами. Потом пробудились звезды, и первой, как всегда, замерцала Полярная. Взошла полная луна и замерла над горным хребтом. Над головами раскинулось темно-синее небо, а внизу – черное море погибели.

Сердце у великана забилось чаще. Он крепче обвил ее ноги. Эрис поежилась.

– Ты чем-то встревожен, – заметила она. – Все в порядке?

Стук в груди Чудовища стал еще быстрее и громче.

– Есть еще кое-что.

– Тот самый сюрприз? – лукаво спросила девушка.

Чудовище поглядело на шпильи, торчащие над руинами.

– В некотором роде.

– Прекрати так говорить. Ты же не старик какой-нибудь.

Великан рассмеялся – коротко и нервно. Он по-прежнему не сводил глаз с обсерватории. Что-то его отвлекало.

– Есть короткий путь в твою комнату. Если не боишься высоты.

– Так даже веселее.

С силой оттолкнувшись от выступа, великан преодолел вертикальную стену, а потом начал перескакивать с одной остроконечной крыши на другую, взяв курс на обсерваторию. Ночной воздух становился все холоднее. Из рта великана вырывался пар, и Эрис смотрела, как он рассеивается, взвиваясь в небо.

Глава двадцать восьмая

– Интересно, а по Копью Архайи можно ориентироваться, как по Полярной звезде? – вслух полюбопытствовала Эрис.

– Ты знаешь про Архайю, а про Аэру не слышала? – изумленно спросил великан. Он поставил Эрис на знакомый кусочек крыши, где они обычно подолгу лежали и смотрели на звезды. – Не знал, что он владел копьем.

Камни еще не успели остыть от вечернего солнца. Эрис уперла в них ноги, и блаженное тепло растеклось по всему ее телу.

– Я знаю о нем из-за созвездия. – Эрис указала на небо и обвела пальцем контур копья. – Мне его отец показал. И рассказал про Архайю – охотника, который спас свою жену со дна океана при помощи этого самого копья.

– Как романтично.

– Ты что, впервые про это слышишь?

Чудовище пожало плечами.

– Никогда не был силен в астрономии. Может, в честь Архайи и впрямь назвали какое-то созвездие, но в наших легендах он был супругом Аэру. Ты видела его статую в Большом зале – у него кабанья голова и сотня рук. Архайя породил вселенную, а Аэру ее населила. Своими огромными клыками он вскапывал землю, пока она не начала плодоносить. В своих руках он держал все злаки и цветы, что только были известны человечеству. Когда я был королем, этот бог пользовался большим почетом. Ему молились о богатом урожае.

– И что, ни в одной из легенд он не спасал Аэру?

– А ее никогда и не требовалось спасать, – фыркнув, ответило Чудовище. – Ты же видела ее жутковатое лицо на дверях. Вот уж кого

правда побаивались.

Песок замерцал в лунных лучах. *Еще одна история, искаженная временем.*

Чудовище скрестило руки и переступило с ноги на ногу. Эрис молчала – она решила оставить его в покое. Едва слышно стукнули друг о друга камни. Великан прочистил горло и опустился рядом с Эрис.

– Я все ждал ночи, когда луна будет ко мне милосерднее, – пояснил он.

Эрис судорожно вздохнула, поняв, к чему он клонит.

– Пойми, ты вовсе не обязан...

– Верно, – подтвердил он. – Но я этого хочу, как и ты. Я помню времена, когда я был королем счастливого народа и правил процветающими землями. Я так крепко цепляюсь за эти воспоминания, чтобы забыть, кем я стал. Но у меня больше нет сил прятаться, нет сил жить прошлым. Сегодня сад расцвел – и это начало новой эры. Последние дни подарили мне куда больше счастья, чем воспоминания о прошлом. Моя земля меняется к лучшему, и я должен взять с нее пример. – Он взялся обеими руками за край капюшона и приподнял его, открыв лицо лунному свету.

Эрис готовилась к страшному зрелищу, поэтому увиденное мало ее удивило. Теперь, когда великан избавился от капюшона, оттенявшего лицо, его зеленые глаза засияли гораздо ярче. Длинные черные волосы падали на уцелевший рог, плохо скрывая шрамы на голове. Несмотря на изуродованную кожу, лицо еще сохранило черты, которые так запомнились Эрис по портрету, – острый нос, высокие скулы. Должно быть, ее спокойствие ободрило Чудовище, и оно закатало бархатные рукава.

Эрис узнала зазубренные шрамы, которые оно уже ей показывало когда-то давно. На руках они не заканчивались, а шли вверх, до самой шеи, и покрывали часть головы. Плечи были оплетены толстым слоем мышц – благодаря им Чудовище так легко перепрыгивало через руины. На спине дыбились крупные распухшие наросты – это из-за них его фигура стала сгорбленной. Полукруглые бедра напоминали задние лапы крупной кошки.

Великан остановился и затаил дыхание. Он взволнованно водил большим пальцем по ладони, дожидаясь ее реакции.

– Можно взять тебя за руку? – спросила она едва слышно.

Чудовище, не моргнув, перестало перебирать пальцами и протянуло Эрис изуродованную кисть ладонью вверх.

Эрис положила его руку себе на колени и прикоснулась к мозолистой синевато-серой коже. Ее собственная ладонь оказалась вдвое меньше, чем у Чудовища, и она невольно улыбнулась, заметив это. С тыльной стороны рука густо поросла волосами, а когти были острыми и черными. Эрис обвела пальцем линии на его ладони, погладила глубокий неровный шрам, идущий через всю руку.

– Откуда это у тебя? – шепотом спросила она.

– Я пытался оттащить от шеи клинок моего брата.

Эрис содрогнулась. Ей захотелось поцеловать шрам, стереть его своей магией, но она прикусила губу. *Еще не время. Я не готова.* Она скользнула кончиками пальцев по его когтям, легонько задев кожу. Желание никуда не исчезло, оно словно затянулось в горле тугим узлом.

– Ты такая теплая, – тихо произнесло оно. Его голос впервые прозвучал отчетливо – теперь его не приглушала ткань, под которой оно привыкло прятаться. Великан сглотнул и упер взгляд себе в колени.

– Надеюсь... надеюсь, я не очень тебя напугал и ты теперь не сбежишь.

Девушка покачала головой.

– Я ни за что не брошу тебя из-за внешности.

– Найдутся другие причины.

– Меня всегда манил внешний мир, все то, что в нем есть и может быть. – Эрис сжала его ладонь, гадая, смогут ли его руки еще когда-нибудь согреться. Великан смотрел прямо перед собой, и глаза его казались огромными. Эрис знала этот взгляд: в нем читался страх, страх снова остаться одному посреди мира, которому ты не нужен.

– Но здесь я счастлива, – добавила девушка. Ей хотелось его утешить. – И я дала обещание.

– Получается, ты уйдешь, когда земля возродится? – выпалило Чудовище. Чувствовалось, что этот вопрос уже давно крутится у него на языке.

Никогда в жизни она не спала так сладко, как в обсерватории. Там она нашла спасительное убежище от целого мира и легко могла бы

остаться в нем навечно, но мысли о семье снова и снова бередили разум. Великан сказал, что сестры в безопасности, но как они сейчас живут? Скучают ли по ней? Она ведь не говорила им, куда уходит. Когда много лет тому назад пропал их отец, сестры ударились в панику и страшно переругались. Констанция проснулась той ночью и снова начала сетовать на причины голода, но потом Виктория убаюкала ее песней:

*Над баррикадами, среди пепла с песком
Кровь за кровь вновь прольется и сейчас, и потом...*

Они, наверное, с ума сходят от волнения. Констанция каждый день ходит в Храм и молится о ее благополучном возвращении. А Виктория, возможно, даже высылаёт поисковые отряды. Эрис и сама не знала, сколько уже живет тут, с Чудовищем. Время потеряло всякий смысл.

Она твердила себе, что, если уйдет, сможет оживить город своими магическими силами. Волшебник, тайно подпитывающий Кешгиум, особым талантом не отличался, судя по десятилетиям неурожаев, от которых пострадала в том числе и ее семья. Однако если в городе узнают, что она использует магию, ее казнят. Констанция впадет в отчаяние, узнав, что Эрис перечеркнула все, что им было известно. Виктория поставит интересы города превыше всех прочих и, наверное, даже сама подпишет смертный приговор сестре. Есть ли смысл творить добро, если другие видят его совсем в ином свете? Этот бесплодный край принял ее, как и человек, чье наследие развратили победители. Девушка стиснула зубы. Помнится, Виктория обвиняла ее в самолюбии. Справедливо, ведь и теперь она выбирает собственное счастье, а не всеобщее благо.

Счастье. Все эти размышления вдруг облегчили груз чувств, которые Эрис питала к Чудовищу. В том, что она испытывает сильную привязанность, она готова была себе признаться. *Но было еще кое-что.* В глубине души она понимала это, но слово «счастье» никогда не играло для нее существенной роли. Череду интрижек с самыми разными людьми никогда не закрывала потребности в счастье, и за всю свою жизнь Эрис так и не уловила до конца, в чем его суть.

Она привыкла гнаться за яркой вспышкой, пробуждающей ее к жизни, а когда та гасла, снова спешила ее высечь. Этот губительный цикл повторялся раз за разом до тех пор, пока не распалилось пламя, способное поглотить ее без остатка.

А вот чувство, которое она питала к Чудовищу, было постоянным и непреклонным, как затяжной дождь. Ей нравилось каждый день сидеть рядом с ним, нравилось наблюдать за закатом в его объятиях. Нравилось слушать его рассказы, истории о том, каким был мир до ее появления. Нравились его нежность, его понимание, терпение. Нравилось водить пальцами по его оголенной руке, вот как *сейчас*.

Но это ведь не *любовь*.

Правда?

– Можешь не спешить с ответом, – проговорило Чудовище, наблюдая за ее пальцами. – Понимаю, нужно время. – Оно убрало руку, встало, натянуло капюшон. – Желаю тебе доброй ночи, Эрис, – проговорил великан по своему обыкновению.

Ей так хотелось, чтобы он остался! Красный бархат снова скрыл лицо великана, и у Эрис пальцы закололо от желания сбросить капюшон и приникнуть к его губам, но последствия такого выбора были бы непоправимы. Она подумала о мире, о соседних городах, которые не сможет повидать. Ей вспомнился солоноватый привкус ветра на берегу океана, высокий лес, закрывающий солнце, горы, где бушует нескончаемая зима. Ей никогда этого не увидеть, если она скажет то, что хочет.

– Спокойной ночи, – только и произнесла девушка.

Глава двадцать девятая

Прошло еще несколько недель. Морозный воздух стал теплее и слаще, а сад полыхнул буйством красок. Белая глициния пропиталась оттенками закатного солнца, и стены замка приобрели синевато-алый цвет. Оранжевая жимолость обвила колонны крытой галереи. Ее цветки, похожие на бабочек, устроившихся на веточках по четыре, вытянули в разные стороны ярко-желтые тычинки. Кусты рододендрона покрылись насыщенно-розовыми бутонами, прекрасно гармонировавшими с цветками фиолетового чертополоха, пробившегося сквозь пепел. Железная решетка теперь вся была в красных розах, и каждое утро в саду Эрис встречал их нежный аромат.

Вот только безмятежность оказалась недолговечной. Уже скоро Эрис стала встревоженно бродить по саду, сцепив за спиной руки, вся погруженная в размышления. Скоро ли она выполнит обещание, с учетом ее нынешних возможностей? Девушка попыталась подсчитать. На то, чтобы вырастить несколько цветов, нужен целый день. Если вспомнить, как обширны территории великана, то никакой жизни не хватит, чтобы их все засадить.

Девушка остановилась у колонны с каннелюрами и положила ладонь на холодный камень. Нет, это не дело. Даже если Чудовище говорит по-другому. Нужно, чтобы что-то случилось. Может, поискать более действенный способ?

Эрис задержала взгляд на прорехе между стенами бастиона. Ее одним гипсом не заделать. Тут точно нужно применить магию напрямую.

Ждать помощи от Чудовища не стоило. Оно повадилось куда-то исчезать по утрам с тех пор, как призналось, что готовит «сюрприз», и встречалось с Эрис только ближе к обеду. Как она ни расспрашивала его, где он пропадает, великан упрямо молчал. Впрочем, это упрямство наверняка было лишь отражением ее собственного. Трудно было понять, как он еще не сошел с ума с такой гостьей.

Эрис оглядела руины. Лучше подождать Чудовище. К тому же солнце уже поднялось, время к обеду. Ей предстояла непростая задача – ничего подобного она еще не делала и потому не надеялась, что справится одна.

Скоро послышался ритмичный стук – это великан перепрыгивал с камня на камень. Эрис опустилась на колени в углу сада и вжала ладони в землю. Пыль таким толстым слоем налипла на плащ и тело Чудовища, что за ним тянулась вереница темных следов. Лица оно больше не прятало. Эрис уже привыкла видеть его клыки всякий раз, когда великан смеялся.

– О, а вот и ты! – воскликнула девушка, сделав вид, что только заметила Чудовище. – Я хочу сегодня попробовать кое-что. Не присмотришь за мной?

– С удовольствием, – ответило Чудовище. После того вечера, когда он впервые снял перед ней капюшон, в этой фразе появилось особое тепло. Но Эрис отмахнулась от возможных подтекстов.

По бокам от дыры в стене росли два грушевых куста. Эрис села между ними и стала легонько стучать по пеплу, выискивая их корни. Их души распахнулись, их переполнила радость, как детишек, встречающих маму дома. *Что ты нам прикажешь?*

Эрис повелела деревьям заложить дыру в стене камнями. Тут было не до придинок – в идеале стоило бы выбирать камни, подходящие друг другу по размеру, но ветви куда хуже контролировали свои движения, чем руки. Они могли лишь опускаться и подниматься.

В итоге в стене бастиона появилась заплатка из серого нетесаного камня – светлое пятно среди старого черного кирпича. Грубоватая работа, но стена не падает – и то хорошо.

Тяжело вздохнув, будто трудяга после непростого дня, грушевые деревья прислонили ветви к залатанной стене. Эрис улыбнулась, прижала одну ладонь к сердцу, а вторую – к земле.

Пальцы не колет, энергии не чувствуется. Впрочем, она так и думала.

Когда Эрис закончила, великан рассмеялся.

– Бесподобно! – крикнул он и подхватил девушку на руки. Ее тут же присыпало пылью, но ее это нисколько не заботило.

– Может, расскажешь уже, что там у тебя за сюрприз? – спросила она, улыбаясь в ответ.

– Какая нетерпеливая! – Чудовище прищелкнуло языком. – Зря я вообще про него упомянул!

– Тогда где моя награда, Ваше Величество? – Эрис отвесила шутливый поклон. – Вы ведь король! Прошу вас, даруйте вашей скромной слуге что-нибудь в благодарность за добрый труд!

Великан выгнул бровь.

– Ты обрубил мне прямой путь к полям боя! Между прочим, это лишние неудобства!

Эрис закатила глаза, мгновенно прервав свой спектакль.

– Ты же по стенам как кошка лазаешь. Уж одну-то как-нибудь преодолеешь, даже починенную.

– Да уж, надо как-то справляться в столь непростые времена, – смягчившись и посмеиваясь, проговорил великан, а потом сказал, посерьезнев: – Как бы там ни было, а это потрясающий результат, Эрис.

Девушка устало прислонилась к груше, закрыв лицо ладонями.

– Этого мало, – проговорила она. Прошло уже столько времени, а на нее еще не снизошло озарение, о котором говорил великан, – ей не открылся бескрайний океан, воды которого плещутся в такт с пульсом земли. – Я перепробовала все, о чем ты говорил, – с отчаянием продолжала Эрис. – Медитировала, ходила по зыбучим пескам, растила сад, чинила замок, потом еще *это*. – Она кивнула на заделанную стену. – Кажется, пора признать, что моего пробуждения не будет.

– Я же тебя не тороплю, – мягко напомнил великан. – Моим братьям вот не один год потребовался. Да и *мне*, когда я решил осознанно повторить этот путь.

– Как по мне, наших уроков недостаточно. Расскажи, что делали твои братья?

– Если верить словам Саулоса, он взбирался на одну из местных гор, – проговорил великан, указав на утесы у границы его земель, –

и после долгих стараний наконец увидел солнце, ослепительное, ничем не прикрытое. Он вытянул руку, чтобы к нему прикоснуться, и уловил пульс своей магии. Рассказ Ананоса был куда менее понятным, я и по сей день не знаю, был ли его опыт реальным или только метафорическим. Он охотился в лесу. Олененок сшиб его с лошади, и брат убил его.

Эрис молчала, дожидаясь продолжения, но Чудовище только плечами пожало.

– И на этом все? – удивленно спросила девушка.

– Да. Может, его осенило в полете – или произошло еще какое-то событие, о котором он предпочел умолчать. После того как на состязании лучников он попал абсолютно во все цели и выиграл, хотя эта честь полагалась нашим знатым гостям с востока, я прижал его к стенке и стал засыпать вопросами.

Эрис рассмеялась, представляя Ананоса верхом на коне, озадаченного и обрадованного той силой, которая ему подчинилась.

– Нет единственно верного способа отыскать в себе магию, – сказала Чудовище и придвинулось ближе к Эрис, не сводя с нее глаз. – Но можно поступить вот как. Мы все стремились к тому, чего больше всего желали. Ананос – к победе над оленем. Саулос – к преодолению границ своего тела. А я – к спокойствию. – Чудовище подняло руку и нежно прикоснулось к щеке Эрис. – Ты же по-прежнему ищешь свободы. Здесь ты как будто в темнице.

Эрис вздохнула и отстранилась.

– Я и дом обрести хочу. Уж не знаю, суждено ли мне вообще найти свободу. Я пыталась и едва не погибла. – Эрис повернулась к саду, стараясь запечатлеть в памяти знакомые очертания стен и колонн, их острые узоры, жизнь, устлавшую землю буйным цветом. – Так радостно сюда возвращаться, – призналась она, кивнув на сине-зеленое море. – Здорово, когда есть дом.

– И все-таки ты возвращаешься в замок по той же причине, по какой покинула город. Ты сбежала из одной темницы в другую. И считаешь своим долгом возвращаться каждую ночь. Ты лишена выбора, потому что честь твердит, что нужно остаться, пускай ты и сама этого не осознаешь.

Но мне правда тут нравится, хотелось ей сказать, но разве же не она оттолкнула великана несколько ночей тому назад, не желая

навечно отрезать себе путь к свободе? И все-таки возможность сбежать тоже не вселяла в нее восторга. Если – вернее, *когда* – прореха между мирами закроется, она больше не сможет с ним видаться. Такое будущее ей нужно?

Голова разболелась. Эрис и сама не понимала, чего хочет.

Одно было очевидно: присутствие великана туманит ей разум. Он вполне буквально подхватывал ее всякий раз, когда она оступалась – когда потеряла равновесие, протиснувшись в трещину в горе, или не находила устойчивого участка среди песков. Он учил ее магии, мало того, даже пищи – и той Эрис была ему обязана, потому что сама могла наколдовать разве что фрукт. Его присутствие пронизывало все ее существование в стенах замка.

Нужно было побыть в одиночестве. Возможно, еще одной ночной прогулки по лесу хватит, чтобы найти ответы.

* * *

Эрис вдохнула прохладный ночной воздух, замешкавшись у распахнутых дверей Большого зала и постукивая ногой от волнения. Наверное, напрасно она выбрала безлунную ночь. Если она потеряется, застрянет в колючих зарослях или упадет в яму... Земли великана огромны. Вряд ли он услышит ее крик о помощи.

Зато сейчас она подготовилась. Во время последнего ужина с Чудовищем Эрис припрятала немного лепешек и флягу. Наверняка оно это заметило – за все это время Эрис успела понять, что ничему от его внимания не укрыться, – но сейчас тени, окутавшие Большой зал, ничто не потревожило. Оно не стало являться к ней, чтобы помешать путешествию.

Еще Эрис прихватила с собой кусочки кремня и стали. Свои припасы она завернула в кусок льна и повязала за спиной. К бедру она примотала масляную лампу. Ногу по-прежнему подергивало, но тревоги это, увы, не сбавляло.

Может, ей наконец удастся заглушить зов внешнего мира, манящий ее, и остепениться. У всех, кого она знала, было свое место: Виктория стала Второй, Констанция вышла замуж, Чудовище когда-то заняло королевский трон. Все оставались там, где могли принести больше

всего пользы. Может, совсем скоро и для нее настанет поворотный момент, и ее посетит это же удивительное прозрение.

Девушка вышла на мост и направилась к лесу. С того дня как великан подарил ей обсерваторию, у Эрис пропал повод бродить по ночам. Но она была вовсе не против: на крыше можно было любоваться бескрайним небом, где каждое созвездие напоминало об отцовских рассказах. А вот хитросплетения ветвей в лесу скрывали от нее звезды.

Эрис прошла мимо пересохшего ущелья и остановилась на уже знакомой поляне. Если отсюда продолжить путь на юг, можно быстро добраться до трещины в горе, той точки, где проклятие, наложенное на эти земли, слабее всего.

Девушка повернулась к северо-востоку. Путь ей закрывала мрачная чаща. Интересно, а что по ту сторону, по соседству с вечной бурей?

Мысль об этом наполнила разум позабытым восторгом. Неумолчный голос, повторявший «свобода, свобода, свобода!», теперь стал едва различимым шепотом. Девушка удивленно нахмурилась. Она ведь так долго выискивала эти самые «адреналиновые искорки», готовая мерзнуть и голодать, чтобы только снова разжечь заветное пламя. В сравнении с этим прогулка по землям Чудовища – сущие пустяки.

Как знать, может, ей не столько нравится рисковать жизнью, сколько сталкиваться с неизвестным. Да и потом, у нее есть припасы, и она точно продержится до утра. В крайнем случае ей хватит собственной магии, чтобы спастись, да и Чудовище наверняка отправится ее искать.

Эрис нырнула в чащу. Деревья тут были высокие, раскидистые, и их ветви напоминали толстую паутину, закрывшую звезды. За густой растительностью даже толком не было видно очертаний замка. На ладонях выступил пот. Если не получится ориентироваться по замку и звездам, она точно потеряется и не доберется до дальней границы земель. Сердце твердило: вернись в замок. Утром можно снова прийти в лес с великаном и проложить тропу вместе. С ним все получается лучше...

– А ну хватит, – оборвала она саму себя.

У свободы нет проторенных троп. Свобода – это и есть густой, непролазный лес, ее возможности таинственны и смутны.

Быть свободным – значит выбирать любой путь, какой только хочется, и она свой выбор сделала. Нельзя же вечно ждать от Чудовища указаний о том, куда ей идти и что делать.

Эрис продолжила путь.

Чем дальше она заходила, тем меньше света пробивалось сквозь ветви. Скоро она уже не видела ничего на расстоянии вытянутой руки. Идти приходилось наугад, нащупывая дорогу ногами, – тут пришлось вспомнить уроки передвижений по вязкому пеплу. Колючки царапали Эрис кожу, тоненькие веточки хрустели под ногами.

Пот уже тек со лба ручьями. Ориентироваться в чаще оказалось невероятно трудно. Земля под ногами была неровной – идти в гору приходилось довольно часто. Эрис словно боролась с незримой встречной силой, которая так и норовила ее оттолкнуть. Должно быть, так действовали чары братьев Чудовища, изгоняющие магию из этих краев. Эрис решила немного передохнуть. Руки нащупали гладкую кору. В нос ударил запах подпаленного мускуса.

А потом кто-то зарычал.

Эрис застыла как вкопанная. Глаза испуганно округлились. Великан ведь говорил ей, что тут никто не водится!

– Чудовище? – позвала Эрис, и ее голос дрогнул. Может, это и впрямь оно? Звук окружил ее, и она резко обернулась, высматривая его источник. Она услышала, как сама же нервно стучит ногтями по коре дерева. Сделала глубокий вдох. *Успокойся, потом подумай.*

Нужен свет. Эрис развернула кусок ткани, повязанный за спиной, и достала масляную лампу.

Оранжевый огонек слабо осветил окрестности. Мрачная чаща обернулась морем белых и коричневых игл. Никакая это была не чаща. На земле валялись остатки челюстей с крошечными белыми зубами.

Эрис оказалась в самой гуще скелетов бесчисленного множества оленей. Она закружила на месте с лампой в руках, вытягивая шею, чтобы разглядеть, что же там дальше. Свет отбрасывал резкие тени на полые кости, покрывавшие землю, и они от этого казались только крупнее.

– Кто здесь? – выкрикнула Эрис уже громче и напрягла слух, пытаясь понять, что же за зверь скрывается во мраке. Рычание стало глухим, а потом кто-то начал прерывисто поскуливать. Эрис выбрала

направление и пошла через костяные завалы в надежде, что шум усилится. Хруст под ногами тоже нарастал.

Она увидела подрагивающую лапу, покрытую черной шерстью. Свет лампы выхватил из мрака очертания тела. Эрис увидела ребра, обтянутые кожей, а потом и янтарные глаза взрослой пантеры. Ее клыки блестели в отсветах лампы.

Хищник рывкнул и кинулся на Эрис. Та взвизгнула и отскочила. Пантера зарычала, но не сдвинулась с места. Эрис снова подняла лампу, чтобы повнимательнее рассмотреть создание.

Передняя лапа пантеры была вытянута и перепачкана ярко-алым. На ней висело какое-то железное приспособление, и под его зубцами виднелись лоскутья розовой кожи. Из раны сочился гной и какая-то темная слизь.

Эрис пошла к пантере, отодвигая оленьи кости, и опустилась рядом с капканом. Хищница не сводила глаз с лампы, а когда свет приблизился, напрягла мышцы. Решив, что она, должно быть, боится света, Эрис поставила лампу себе за спину и повернула так, чтобы видеть, что делает.

Девушка подняла руку и поднесла к щеке пантеры, дожидаясь реакции.

– Я больше не причиню тебе вреда, – пообещала она.

Пантера поднесла морду к руке и обнюхала ее, потом высунула раздвоенный язык и лизнула запястье. Хищница фыркнула, и Эрис уловила ее сладковатое дыхание.

Раздвоенный язык, сладкое дыхание... Существует ли эта кошка в реальности?

Эрис приподняла морду хищницы и почесала ее. Через несколько безмолвных мгновений пантера прильнула к пальцам и прикрыла глаза, наслаждаясь ласковыми касаниями.

– А я-то думала, что убила тебя, – пробормотала Эрис, не надеясь на ответ. – Ты уже совсем взрослая.

В этом лесу магические видения и осязаемый мир слились воедино. Пантеры не существовало, но Эрис отчетливо ощущала, как ее усы щекают ладонь, видела блеск золотистой шерсти на свету. Пусть эта иллюзия остается, решила она, посмотрим, куда она меня приведет.

На железном капкане мерцала кровь. Края у него были острыми и неровными. К капкану крепилась цепь, приковывающая жертву

к дереву. Два обода, покрытых шипами, сомкнулись, зажав лапу. Эрис взяла капкан, пытаясь снять его при помощи магии. Печать, запрещавшая чары, сейчас давила особенно мощно, и магическая сила, которую выплеснула Эрис, оказалась ничтожной, как легкое дуновение ветерка.

Эрис задумчиво поджала губы. Можно попытаться открыть капкан голыми руками, но, учитывая, что он ржавый и старый, есть риск пораниться самой и ранить пантеру. Осколки костей на земле зацепили ее взгляд.

Ну-ка.

Девушка набрала несколько костей и вставила в отверстие между ободами.

С каждым новым кусочком челюсти капкана потихоньку разжимались. Хищница заскулила, впившись в землю свободной передней лапой. Шипы, вонзившиеся в плоть, приподнялись. Эрис испугалась, что пантера попытается высвободиться слишком быстро. Она погладила ее по морде, провела ладонью по лбу и истощенному телу, пытаясь успокоить хищницу. Вскоре капкан заклинило, и тогда Эрис обернула ладони краем льняной юбки, взялась за половинки железной челюсти, напрягла все силы и раскрыла капкан.

Пантера золотистой вспышкой подскочила и умчалась в тень.

Осторожно, снова орудуя кусочком кости, Эрис захлопнула капкан, потом вырыла неглубокую ямку в пепле и закопала его, а потом отряхнула руки. Масляная лампа еще не погасла. Эрис затушила ее, чтобы сберечь топливо на будущее. Мрак снова поглотил ее, и она села на землю, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте.

Вновь показался узор из золотистых пятен. Кольца становились все больше и скользили Эрис навстречу. В ночи засветились кошачьи глаза.

– И снова здравствуй, – шепотом поприветствовала ее Эрис.

Пантера закрыла глаза и прижалась лбом ко лбу Эрис. Воздух будто застыл, а деревья затихли. Пантера отстранилась, обошла девушку. Ее гладкая шерстка скользнула по ее коже. Хищница пошла куда-то вперед, а потом обернулась, делая Эрис знак следовать за ней.

Пантера бесшумно лавировала между деревьями, а Эрис по сравнению с этим грациозным созданием чувствовала себя огромным быком. Под ее ногами то и дело трещали, ломаясь, кости.

Чем глубже они заходили, тем отчетливее становился бледно-голубой огонь меж стволами деревьев. У самой окраины чащи их ждал вход в пещеру в форме неровного прямоугольника. Пантера зашла. Эрис последовала за ней.

Внутри стены были блестящими, точно бриллиант-многогранник. Вокруг Эрис закружил сверкающий хоровод треугольных и шестиугольных лиц, заливавших комнату зеленовато-синим светом.

Пантера заурчала и направилась в самый центр пещеры, где синеватый свет горел ярче всего. В полу оказалось небольшое отверстие, и Эрис заглянула в него. Она увидела густую синюю жидкость, которая пузырилась и плескалась внизу.

Но тут умиротворяющая картина резко изменилась, и Эрис погрузилась в воду. Сюда почти не проникали звуки из внешнего мира. Течение сменилось, начало давить на девушку.

– *Ты здесь?* – спросила земля.

– *Да,* – напевно ответила Эрис и отдалась на волю течению. Вскоре разум взял над ней верх и стал искать хоть что-то знакомое в этом бурном потоке.

– *Неправда,* – со вздохом отозвалась земля.

Волны обернулись ее кожей. На теле выступил пот. Теперь Эрис теснили тысячи людей. Вокруг вздыбились городские стены, они сбивали толпу плотнее, выжимая весь воздух из ее легких.

Людской поток так сдавил ее, что трудно стало дышать. *Нет, нет, нет,* молила Эрис – а кого, неизвестно. Ей совсем не хотелось сюда возвращаться. Борясь с тошнотой, она поплыла против течения, отталкиваясь ногами от чужих колен, цепляясь руками за плечи незнакомцев – лишь бы только выбраться отсюда! Наконец блестящая поверхность оказалась совсем рядом, и Эрис вскинула руку.

Та потонула в синем сиянии, и девушка вернулась в пещеру. Кожа на кончиках пальцев зашипела. Эрис испуганно высунула руку наружу. Следов ожога на коже не было. С ладони капало что-то густое и затвердевало на полу.

Каждый из кусочков подрагивал, а потом сливался с камнем. Чем больше жидкости капало, тем громче делалась эта общая дрожь, и вот уже вся пещера сотрясалась, точно от ударной волны. Вдруг пол разлетелся на осколки. Под ним оказалась все та же синяя жидкость. Эрис потеряла равновесие и поползла к выходу.

Стены пещеры отпрянули, отрезав ей путь. Эрис оказалась на крохотном островке – узкой, точно игла, колонне, которая все сильнее трескалась от каждого громового раската. Сверху полетели камни и с ревом стали падать в синее море внизу. Эрис огляделась в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы помочь спастись. Пантера продолжала смотреть на нее своими золотыми глазами, не мигая.

– Помоги! – взмолилась Эрис.

– *Падай*, – хором велели пантера и земля.

– Я не хочу умирать!

– *Да? Как же ты изменилась, правая рука Аэру.*

Град камней оглушил ее, но голос пантеры четко звучал в сознании. А потом повисла тишина, в которой слышно было лишь тихий пульс земли. Время застыло, пещера будто бы взяла паузу для передышки. Синяя жидкость внизу замерла в ожидании, чтобы потом бурным потоком поспешить дальше. Эрис заметила, до чего мелким стало ее дыхание, опустила взгляд и осознала, что лежит на животе, вцепившись в края каменного пола, и не хочет его отпускать.

– *Падай – и никто тебя не поймает. А если останешься – будешь жить в одиночестве.*

Эрис выдохнула, стараясь не обращать внимания на напряжение в мышцах. Она мысленно приказала сердцу замедлить свой иступленный стук, наслаждаясь желанным спокойствием, которое наконец посетило ее. Руки и ноги перестали дрожать. Девушка встала, балансируя на узкой колонне.

Ее островок продолжил осыпаться градом камней. Девушка сдвинула ноги.

– *Если останешься, будешь снова и снова переживать этот миг. Твоя жизнь не изменится, замкнется, как круг. Ты будешь трудиться в поте лица, пока пустота не поработит и не уничтожит тебя.*

Эрис потеряла счет минутам, когда она висела на краю пропасти, и чудесным спасениям тоже. Отец спас ее от землетрясения, Виктория – от рабства, Чудовище – от гибели, когда она сбежала

из города. И вот она снова на грани, только теперь не чувствует того, что когда-то пробуждало ее к жизни. Ярость, скорбь, оцепенение – все исчезло, а внутри воцарился мир. Эрис слилась воедино со всем, что росло вокруг.

Девушка оттолкнулась от колонны и нырнула в море.

Холод пробрал ее до самого сердца, а синее мерцание мгновенно стало красным, а потом оранжевым, затем желтым. Пламя разгоралось все жарче. Оно растекалось от Эрис в разные стороны, пропитывало море, превращало его в магму.

– *Ты здесь?* – снова спросила земля.

– *Да,* – ответила девушка.

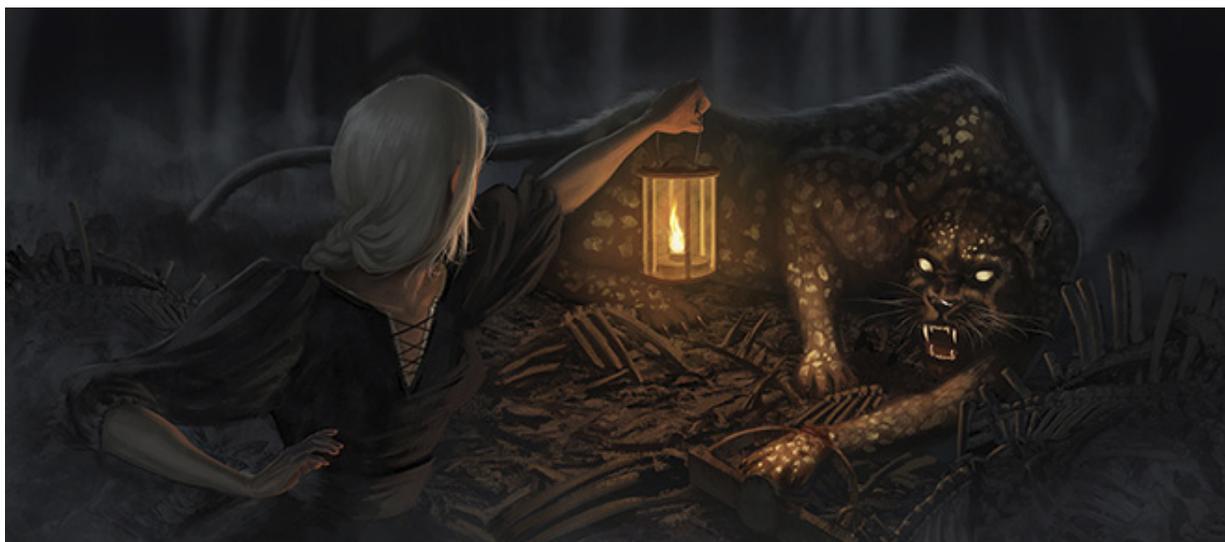
Земля задрожала. Огненное море поднялось, расплавляя камни над головой у Эрис. Лучистый жар обдал синие каменные стены, и те приобрели алый цвет с металлическим отливом, затем побелели и растаяли. Пещера загремела. Она рушилась под напором огня.

Языки пламени заплясали вокруг девушки, извиваясь и расцветая. Этот огненный круг потихоньку сужался. Стопы Эрис пошли волдырями, но она даже не поморщилась.

Наконец в раскаленном сердце вулкана она увидела омут магии – подземную пещеру, полную огня, неугасимого и своенравного.

Девушка опустилась на колени. *Мне не страшно.*

Она погрузила руки в ослепительный свет. Боль пронзила кожу, огонь тут же побежал вверх, к плечам. Но ее это не остановило. Спящая земля пробудилась, и Эрис впитала ее силу.

Застыв во времени, Эрис вдруг почувствовала промельк пробуждения. Ее наполнили отзвуки будущего, они походили на последний аккорд выдоха, на стаккато бурливого ручья, на неумолчную песнь водопадов. Сознание Эрис впиталось в землю, она сама *стала* землей, и каждый вздох, каждое содрогание питало и распалало магму в ее жерле.

Теперь она была уже не просто Эрис, но амальгама, сплав с чем-то большим. Слова пришли сами собой, и она обратилась к огню:

– Я знаю, ты не причинишь мне вреда, ведь я – это ты.

Боль прошла. Эрис отпустила ее громким криком. Потаенная сила проснулась, вырвалась из самой сердцевины земли.

Магма выплеснулась в пещеру, наполнила ее огнем. Лава разлилась повсюду, накрыла волной последние камни, что еще не успели обрушиться. Пещера взревела в последний раз и обрушилась. Лава хлынула из расщелины, которая прежде была входом в пещеру.

Мы теперь свободны.

Лава понеслась прочь, будто цунами. Оленьи кости рассыпались пеплом, деревья вспыхнули. Все окрасилось красным и желтым, все запузырилось, небо тоже заволокла алая дымка. Лава наполнила все пропасти в краю Чудовища, залила поля боя и дамбу. Черное железо раскалилось добела и расплавилось от одного ее касания. Дамба обернулась гигантской огненной стеной и слилась с красным потоком, неумолимо спешащим вперед.

А потом подплавленная дамба разлетелась на кусочки, и нескончаемая буря схлестнулась с огнем. От охлажденной лавы пошел пар, а океан вскипел, набежав на огненные волны. Небо затянуло облако дыма и пепла, а океан хлынул вперед, вновь испуская пар от прикосновений к холодным скалам.

Лава перестала сопротивляться, и вода снова заструилась по скалам.

Мы – огонь, вечный и неугасимый. Мы даем и забираем жизнь – в равной мере.

Эрис открыла глаза и обнаружила, что стоит у пещеры. Огонь рассеялся, оставив после себя лишь дымящиеся угольки. Их кусочки летали в воздухе. Земля, когда-то укрытая пеплом, теперь оказалась в плену черной остывшей магмы. От ревущих водопадов шел влажный туман и лип к лицу. Эрис подняла руку и почувствовала гул неба и пульс земли. Семена жизни, которые она посеяла разрушением, тихо пробуждались к жизни под землей. Занималась холодная синяя заря.

Эрис стояла у пещеры, неподвижная, спокойная, безграничная, слившаяся с самым сердцем вселенной.

Глава тридцатая

Нужно поскорее ему рассказать. Эрис поспешила к замку великана, вся перепачканная сажей. Огонь опалил ее одежду, на ногах и руках вздулись волдыри. Ярко-красные раны приходилось зажимать. Извержение сожгло все на своем пути, и Эрис в глубине души радовалась, что по дороге назад в нее не вопьются шипы и колючки.

Все сделано. Она выполнила обещание, возродила землю Чудовища. Пускай она и не превратилась в изумрудно-зеленое цветущее море, как девушка сперва представляла, здесь зародилась новая жизнь. Ветер приятно свистел в ушах – воздух уже не был стоячим и затхлым. Скоро вернется мошкара, бабочки, жуки и птицы, охочие до них.

Низину, встретившуюся Эрис на пути, теперь пересекала река. Девушка стала переходить ее вброд, заодно смывая в себя сажу и грязь. Уже у берега ее окликнул зычный голос.

Она увидела знакомую фигуру. Чудовище энергично махало ей. Оно проделало немалый путь, чтобы ее отыскать. Замок темнел вдали мутной точкой, окутанной пеленой утреннего тумана. Великан прыгнул ей навстречу, сдернул плащ, накинул Эрис на плечи и подхватил ее на руки. Она с облегчением выдохнула. Наконец-то боль в ногах схлынет. Чудовище поспешило к замку, защищая девушку рукой от ветра.

– Когда хлынула лава, я сразу понял, что произошло, – рассказал он. – Но, должен признаться, я переживал за тебя.

– Все было точно во сне, – сказала Эрис. – Я нырнула в синий омут, а потом из пещеры потекло пламя и расплавало дамбу. А когда я открыла глаза, оказалось, что я уже стою снаружи, а вокруг рассвело.

– То, что ты сделала, никакой не сон, – возразил великан. – Реальность этого мира и то, что считает истинным твое сознание, слились. Ты помогла вселенскому знанию обрести осязаемую форму. И двери меж этими мирами распахнулись. Это высшее достижение из всех, какие только бывают. – В его голосе слышались нотки гордости. – Как ты себя почувствовала, когда это случилось?

Эрис прикрыла глаза.

– Я ощущала... свободу. Думала, падать будет больно, но стоило отогнать эту мысль, а вместе с ней все сомнения и тревоги, внутри воцарилось такое спокойствие, какого я отродясь не испытывала.

– Теперь понимаешь, что я ощутил, когда увидел океан магии.

Над водопадами, забурлившими совсем недавно, вздымались облачка пара.

– Стало быть, дело сделано, – заключила Эрис.

Великан затих. Его улыбка погасла.

Каменный островок не тронули ни вода, ни лава. Мрачные, кирпичные руины замка по-прежнему темнели на фоне неба. Чудовище подошло к главным воротам, но входить в них не стало, а взобралось на стену. Его дыхание стало тяжелее от натуги. Эрис догадывалась, что за вопрос вертится у него на языке, но не готова была ответить.

– Ты что, всю ночь не спал? – борясь с зевотой, спросила она, чтобы его отвлечь. Девушка обмякла и еще сильнее откинулась на его руку.

– Знаешь ли, непросто уснуть, когда все вокруг пылает, – заметил великан. – Я порядком устал, а ты наверняка и вовсе без сил. – Он прыжком покорил ветхую крышу обсерватории, схватился за железную перекладину и нырнул в дыру. Когда они бесшумно приземлились в комнате Эрис, Чудовище уложило ее в кровать, задвинуло полог и снова взобралось на крышу.

– Сладких снов, и... доброе утро, – сказала оно и само усмехнулось, обнажив клыки, – до того непривычно звучали эти слова.

Эрис улыбнулась в ответ.

– Доброе утро.

Прежде чем перемахнуть через крышу, великан замешкался.

– Эрис?

– Да?

– Спасибо.

Погоне конец. Она решила упасть с обрыва, вопреки предостережениям Чудовища. Зла оно не желало – оно страшно боялось смерти, и, наверное, этому было уже не суждено измениться. Эрис обвела взглядом созвездия за окном. Дело сделано. Ей снова предоставили выбор, только теперь он был куда сложнее, чем прежде.

Может, ей было бы легче, сбегти она раньше – когда они схлестнулись, когда великан сказал ей то, чего она никак не хотела слышать.

Долг больше не приковывал ее к этому краю. Дело было в другом. Все, что она создала, появилось лишь благодаря его надзору и подсказкам. Она обязана ему, и потому надо бы остаться, отречься от внешнего мира. Черт с ним, с погибшим городом, да и с сестрами. Она наполнит эти земли жизнью, и они покроются зеленью, зацветут алым, белым, желтым, и поле из миллионов роз раскинется до самых дальних гор. Она останется здесь и будет ухаживать за садом, деревьями, цветами... а потом...

А что потом? Неужели она будет ждать, пока постареет, лицо станет морщинистым, волосы посеребрит седина? Пока руки начнут дрожать, пока ослабеет ее магический дар, и она станет узницей этого края, не в силах больше творить благо? А бессмертное Чудовище,

так и не расставшееся с жутким обличьем, будет смотреть, как она старится и потихоньку уходит в небытие.

И тогда она уже не испытает того восторга, что посетил ее в миг, когда она обрела свободу и власть над собственным будущим.

Эрис не хотелось встречаться с великаном. Он попросит ее остаться, и придется отказать. Тогда на его лице появится скорбное выражение, так хорошо ей знакомое, и она вся наполнится сожалением. Оно будет разъедать ей сознание, пока Эрис не откажется от своего решения.

Эрис выбралась из-за полога. Платье надевать не стала – открыла ящик шкафа, нашла длинную серую тунику, потом, немного поразмыслив, прихватила с собой шерстяную шаль, поплотнее в нее завернувшись. Взяла ботинки, пересекла каменный пол, вылезла на лесенку через люк, спустилась, стараясь двигаться как можно тише.

Она успела изучить каждый уголок этой части замка и потому могла обойтись без света. Цветы в саду закрылись на ночь. Папоротник в полумраке отливал синевато-серыми красками. Розовые плети крепко обняли решетку, которую они с великаном соорудили. Розы цвели так густо, что ее даже не было видно.

Большой зал встретил девушку привычной пустотой. Островерхие арки и перекрестья стропил высились над головой, их вереница тянулась до дальнего выхода. Эрис задержалась у обеденного стола, пробежала по нему ладонью. Дуб не поддался нажиму ее пальцев. Кресло, которое она притащила сюда из своей старой спальни, никуда не делось. Она еще побыла у стола – пожалуй, дольше, чем стоило бы, – вспоминая столовое серебро, мерцающее в свете свечей, и теплоту совместных ужинов.

Наконец девушка прикоснулась к столешнице в последний раз и отстранилась. Под надзором древних богов она обулась. Казалось, Аэру грозно скалится именно ей.

– Куда это ты собралась? – прогремел голос во мраке.

Эрис сглотнула, мысленно готовясь к встрече с великаном.

– Мне надо идти, – сказала она, стараясь придать тону твердости.

– Куда?

– В Кешгиум, ненадолго. Надо вернуть долг Виктории. А потом куда – не знаю. Может, в Тингар. Всегда грезила о кораблях и море. – Эрис наконец разглядела смутную фигуру в дальнем конце зала. –

Ты был прав, – поспешила добавить она, чтобы склонить его на свою сторону раньше, чем он промолвит хоть слово. – Прав с самого начала. В моей жизни всё вечно решали за меня. Я все делала по указке сестер. А когда оказалась здесь, стала проводником для магии. Права выбора у меня почти не было. Или повинуйся, или умри. Я очень боялась, что то, что случилось в городе, опять повторится. Здесь я стала счастливее, но понимаю, что снова буду чувствовать себя в клетке, если так и останусь человеком, владеющим магией, – и ничего больше. Я ведь и сама не знаю, на что еще способна, – и не узнаю, пока не найду ответ.

– Ты бежишь туда, куда мне путь отрезан.

Все слова и аргументы, заготовленные ею заранее, тут же вылетели из головы. Его слова, насквозь пропитанные горечью, цепко впились в разум.

Эрис пересекла зал, подошла к великану, приподняла его голову, чтобы встретиться взглядами.

– Позволь мне упасть, – проговорила она, вспоминая слова пантеры. – Только тогда я пойму, кто же я такая.

Великан зажмурился, прильнул щекой к ее руке.

– Прости меня.

– Ты возродила эту землю. О большем я и просить не смею.

– Что же ты дальше будешь делать?

– Нужно еще подождать, пока жизнь тут полностью восстановится, – ответил он. – Еще несколько веков, может, меньше, если дожди будут милосердны. А пока попробую отремонтировать замок, а там, глядишь, и магия вернется в эти края.

Когда это случится, даже от ее праха ничего не останется. Но есть надежда, что он будет по ней скучать.

– А дальше что?

– Сам не знаю. Наверное, буду до скончания века жить счастливо в королевстве, где никого нет. И править никем. – Он усмехнулся. – Король Ничей Первый.

– И ничего не изменится, – добавила Эрис.

– В постоянстве нет ничего плохого.

– Я так не думаю, – прошептала девушка. – Я бы не смогла здесь остаться навечно.

Великан легонько пробежал кончиками пальцев по ее руке.

– Давно хочу тебе кое-что показать. Взгляни перед уходом.

Глава тридцать первая

Эрис ахнула при виде белых сводчатых потолков, украшенных каменными цветами. Вдоль стен выстроились кариатиды. Высокие окна – втрое выше ее самой – были украшены витражами с изображениями королевских особ прошлых эпох. С потолка свисало с полдюжины черных люстр, в камине полыхал огонь, отбрасывая на стены отсветы желтых оттенков. Пол был тщательно выровнен и украшен разноцветной плиткой и рисованными цветочными узорами, подстершимися от времени.

На стенах висели поблекшие гобелены красных и белых цветов с вышитым на них гербовым знаком в виде ветвистой молнии. Цветы из сада добрались и сюда, протиснулись в трещины в дальней стене зала. Эрис подошла к ним. Розы.

– Сюрприз, – с улыбкой проговорило Чудовище. – Хотя ты наверняка обо всем догадывалась.

– Как красиво, – проговорила девушка, и ее голос эхом разнесся по комнате.

– Этот зал давно стоял в запустении. Я не один день потратил на ремонт.

– Так вот где ты пропадал! – воскликнула Эрис, вспомнив его мозолистые пальцы. – Сколько же труда сюда вложено!

– Кое в чем мне помогла магия, но в основном я работал руками. Повезло, что балки не повредились. Я отремонтировал стены и пол. Раз получилось, то, глядишь, и весь замок вернет себе былую красу.

Девушка задержала взгляд на розах. *Он все цепляется за прошлое, боится перемен, сшивает воспоминания воедино, думая, что так сможет соткать себе будущее.*

– Вот что я хотел тебе показать, – продолжал великан. – Ты разделила со мной горе, и я решил, что нужно познакомить тебя и с радостными минутами моей здешней жизни. Этот зал хранит в себе добрые воспоминания. – Он повел ее к дальней стене. – Мы устраивали тут застолья, которые длились не один день, – мед тек ручьем, дым застилал глаза! В каждом углу стояли столы... – Он кивнул вдаль, на входную дверь. – И они постоянно ломились от всевозможных угощений. Чего там только не было: и хлеб с лепешками самых разных видов, и жареный ягненок, и торты – выше даже самых рослых гостей. Чай на любой вкус, от белого, прямиком с востока, до угольно-черного, как мы любим. А уж воска за эти празднества плавилось столько, что хватило бы, чтобы зажечь тысячи канделябров!

Прореха в горе скоро закроется, и он останется здесь, в пустом замке, в море воспоминаний, пока все это не погребет песок. И его такой расклад вполне устраивает, что же она противится?

Эрис провела рукой по каменной стене с высеченными изображениями. Когда только попала в замок, она и понятия не имела, что за сюжеты запечатлены на здешних стенах, но теперь смогла наугад разобрать подписи и рассмотреть под фигурами королей копыта и пшеницу, и в голове начала складываться история замка и правителей, построивших его. Один король завоевал почти все открытые земли, а потом половина его царства потонула в огне, а второй в приступе ярости убил собственного сына.

Эрис подошла к последней каменной табличке у дальнего угла зала. Она была абсолютно пустой и принадлежала Чудовищу. После войны не осталось никого, кто бы его помнил. Девушка стиснула зубы. Пускай каменные плиты не запечатлели его деяний, они оставили след в истории и сохранились в его руках, обнимавших ее, когда она плакала у поля боя, и в ее безмолвной благодарности на крыше обсерватории. Великан – живое существо из плоти и крови, чьи прикосновения разливались по коже прохладой и будили тепло в душе.

«*Он существует!*» – хотелось крикнуть ей. В этих стенах она узнала историю бессмертного короля, чьи братья погубили его словами и песней, но ей придется молчать о ней до самой смерти. Эрис безумно захотелось разорвать в клочья книгу двух королей, рассказать всем, что их рассказы – наглая ложь, что город по-прежнему питают колдовские чары, которых там так боятся, и что те, кто погубил неопытных волшебников, ее предшественников, – настоящие лицемеры.

Ей отсекут голову, а потом явятся за ним. Ей представилось, как земля Чудовища снова превращается в пепелище, и к горлу подкатил горький ком.

Поля боя усыпаны сталью, а не железом. Оно падает посреди бойни, его руки блестят от крови. Меч Ананоса вонзен ему в шею, а жезл Саулоса – в сердце, горло так изуродовано, что даже вскричать от боли невозможно.

Эрис зажмурилась, стараясь прогнать страшные картинки из сознания. Ей хотелось запомнить его совсем другим. И не представлять, как его мучают, всякий раз, как услышит лживые истории о двух королях.

– Потанцуешь со мной перед уходом? – спросил великан и протянул ей руку. – Я так давно не принимал здесь гостей. Хочется вспомнить, каково это.

Эрис открыла глаза, наконец вырвавшись из плена тягостных мыслей.

– Я не умею танцевать, – призналась она.

– Тебя никогда не учили?

– Я из бедной семьи, так что не было повода. – Девушка смущенно переступила с ноги на ногу и рассмеялась. – Я в манекены кинжалом тыкала, чтобы удары отрабатывать, так что грация – это не мое.

Чудовище склонило голову набок.

– Танец – это разговор с партнером, он сродни словам, которые мы используем каждый день. Словом можно польстить, ранить, осудить. Телом – тоже. Навыки боя очень похожи на искусство танца, не находишь? Только это танец с жертвой, пляска со смертью. А наш будет в честь жизни.

Эрис взяла его за руку, почувствовала под пальцами прохладную кожу.

– Ты меня научишь?

– Само собой. Надеюсь, ты простишь меня за недочеты – как-никак, у меня уже очень давно не было партнерши.

Эрис засмеялась, мгновенно забыв о смущении. Великан обвил ее рукой за талию. Она прильнула к нему. Край золотисто-алого плаща скользнул по ее телу.

– А ты тогда заранее прости свою ученицу за неуклюжесть!

– Смотри: правую ногу назад, – скомандовал он, а сам выступил вперед. Эрис опустила взгляд. Она неловко перебирала ногами, и по сравнению с шагом великана ее шажки были совсем крошечными.

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три... – считало Чудовище, пока они кружили по комнате.

– А?

– Я считаю твои растрепанные прядки, больше все равно ничего не видно.

– Ладно тебе издеваться! – шутливо возмутилась она. – Хотя на моем месте лучше помалкивать, а то еще когтями проткнешь! – Она подстроилась под темп, с которым великан переставлял изуродованные ноги, но они все равно словно играли в догонялки. Единства Эрис пока не ощутила.

– Посмотри на меня, – попросило Чудовище. – Танец – искусство для двоих, и никак иначе.

Эрис впиалась в него взглядом. Морщинки, шрамы, зеленые глаза под густыми бровями, пухлые растрескавшиеся губы (интересно, какие они на вкус?) – вот что ей хотелось запомнить, а вовсе не...

Его руки отодраны с мясом и раскиданы по углам. Из плеч торчат кости, вдоль всего тела идут рваные раны, оно залито кровью. Грудь вспорота, ребер нет, видно, как внутри бьется сердце. Да здравствует король.

– Эрис?

Девушка заморгала, вернувшись мыслями в зал.

– Ты отвлеклась.

– Ну как я могу обо всем этом молчать? – дрогнувшим голосом спросила она. – Как не рассказать о тебе городу?

Великан улыбнулся, но глаза остались печальными.

– Если найдешь ответ, поделись. Обида и горечь пронзали меня, точно тысяча смертоносных ножей, и я отправил в город розы, чтобы прекратить эту попытку.

Эрис потупилась и стала разглядывать его когтистые стопы. Левая приподнялась и оперлась на большой палец.

– Как думаешь, если бы ты победил, ты поступил бы с братьями так же? Проклял бы их, уничтожил все их наследие?

– Возможно, – тихо ответил великан. – Я ведь тоже человек.

Они продолжили танцевать. Чудовище вело девушку. Несколько мгновений прошли в полной тишине. Каждая ошибка, каждый неточный шаг потихоньку помогали приноровиться к его движениям: к весу, который смещался от па к па, к ладони на спине Эрис, к напряжению в плечах, когда они с Эрис кружились. Девушка опустила голову ему на грудь и прикрыла глаза, наслаждаясь гармонией их тел.

– И часто ты вот так учил других танцевать? – пробормотала она.

– Танцевать доводилось, но учить – нет. – Великан осекся, не зная, как продолжить. – Какие-то ты двусмысленные вопросы задаешь.

Эрис не ответила, только сильнее уткнулась ему в плащ, надеясь, что он не заметит румянца, залившего ее щеки.

– Моего расположения пытались добиться многие, – выверенным тоном пояснил великан. – А все потому, что у меня были власть и престиж. Многие из них казались вполне привлекательными, но в той жизни я так ни в кого и не влюбился.

Эрис вскинула бровь.

– Ты ведь был королем, а им вроде как полагается жениться. Почему же ты не женат?

– Ну... Вечная жизнь интересовала меня куда больше нынешней, – с легкой веселостью ответил великан.

Эрис тоже засмеялась.

– Ну еще бы.

Движения Чудовища замедлились, и Эрис сбилась с ритма. Она крепче схватилась за его локоть, чтобы не упасть, а оно и вовсе остановилось. Девушка недоуменно подняла на него глаза и увидела во взгляде великана такую нежность, какой прежде никогда не замечала.

– Но сейчас все иначе.

О нет.

В груди вдруг разлилось тепло. Эрис сглотнула, стараясь сдержать слезы, но зрение предательски затуманилось, и справиться с собой стало труднее.

– Прошу, останься, – прошептало Чудовище, и эти слова были точно руки, отчаянно впившиеся ей в плоть.

Эрис выпустила его пальцы и обняла его сама.

– Ты был так добр ко мне... – Ее голос дрогнул, выдавая всю сложность выбора. – Но я не могу.

Он легонько касался Эрис, а той хотелось, чтобы великан прижал ее к себе со всей силы, пусть и будет больно. Но этого не случилось.

– Жаль, что у нас было так мало времени.

Танец закончился. Великан сделал шаг назад и поклонился Эрис. Она не сразу сообразила, что надо ответить реверансом, но он дождался заветного движения, и они оба распрямились.

– Разреши тебя проводить, – попросило Чудовище и протянуло Эрис руку.

Переступая порог замка, Эрис чувствовала, как сильно великан стискивает ее руку, не желая ее отпускать. Во рту разлился солоноватый привкус тумана, прилетевшего с водопадов.

Великан сунул руку в складки плаща. В свете луны блеснула рукоять кинжала, обмотанная кожей.

– Я обещал вернуть его, когда ты сдержишь слово, – напомнило Чудовище и протянуло ей оружие. – Кажется, время пришло.

Девушка покачала головой.

– Он мне больше не нужен.

Великан пробежал пальцем по лезвию. Оно оставило на коже глубокий отпечаток.

– Тогда оставлю себе. На память.

Воспоминание. Вот чем она теперь станет. Вереницей историй, склеенных у него в сознании, как кусочки пергамента, которые неумолимо ветшают со временем. Возможно, однажды она совсем сотрется из памяти.

Но это ее выбор.

– Я тебя ни разу не благодарила, – с окрепшей решимостью произнесла девушка. – Ты научил меня магии и подарил счастье, которого я не знала прежде. Ты сделал меня той, кто я есть теперь. – Она нежно сжала его руку. – Спасибо тебе за все.

Великан опустился на колени и уткнулся лицом ей в тунику. Его сильные руки обвили ее в безмолвном неохотном прощании. Проститься словами было бы нестерпимо больно.

Человек плачет на разрушенном троне. Он заклеямен родными братьями, проклят, обречен на жизнь, лишённую смысла...

Борясь со слезами, Эрис нагнулась к Чудовищу и обняла его.

– Я вернусь, – подчинившись слабости, выпалила она. – Я успею, пока не закрылась прореха.

– Пообещай, – едва слышно прошептал великан.

Эрис отвернулась. Она знала – если обернется, то уже не сможет уйти.

– Обещаю.

Интерлюдия. Нить, из которой соткана ЛОЖЬ

Когда мы построили Кешигуум, мы разрешили народу обращаться к нам по любому поводу, который только требовал помощи. Каждый день у нас проходили аудиенции. Сперва к нам являлись с мелкими невзгодами: если вышел недовес ячменя или вино получилось слишком кислым. Мы выплачивали компенсацию, и не только. Но чем щедрее мы становились, тем чаще к нам обращались с серьезными неприятностями.

Я прикасаться к деньгам не мог – таков был приказ Саулоса, он объяснил это соображениями экономики, – а невыполнимых просьб к нам было столько, что пришлось создать целый свод правил и прописать в нем сферы, где мы бессильны. Народ возмутился, что мы не можем даровать чадородие, любовь и счастье. И воскрешать мертвых. С этим часто обращались. Причем к жизни хотели вернуть не только возлюбленных, но и собак, лошадей, а один раз даже ручную саранчу.

Магия вовсе не панацея, но я не винил народ в невежестве. Это нам повезло, что брат добровольно поделился с нами своим даром.

А мы за добро отплатили ему убийством.

Нет, куда лучше невежество.

Со временем наши старания стали незримыми. Мы подпитывали течение ручьев, поддерживали дома, чтобы те не падали, помогали расти урожаю, но в личных делах участвовать перестали. Скоро поползли слухи о том, что мы утратили свое могущество, и в итоге начали судачить, что мы и вовсе не владем никакой магией.

Воспользовавшись нашим мнимым бессилием, многие попытались изучать магию самостоятельно, но мы положили этому конец.

Знаешь ли ты, до чего тяжело построить город среди пустыни? В ту пору мы уже так устали, что не могли мыслить здраво. Мы шли,

пока силы не оставили нас. Наши последователи – вернее, те из них, кто сумел выжить, – погибли бы в отчаянии, продолжи мы путь.

Земля, которую мы разрыли, чтобы возвести первые домики, на ощупь была точно стекло. Все было столь хрупко, столь ново, что даже самый слабый порыв сопротивления разрушил бы город. Мы утратили благосклонность Аэру, погубив короля. Саулос очень переживал из-за этого, гадал, как это отразится на нашем правлении, а я лишь думал о погибшем брате. Клеймо проклятия на руке служило мне вечным напоминанием о случившемся.

Да, мы останавливали новоиспеченных колдунов, но за всеми было не уследить. У меня руки дрожать начинали, стоило только подумать, что мы могли не заметить секретные люки и подпольные бункеры. Что, если в них скрывается маг? Тогда быть войне.

Милостивые боги, упасите нас от войны.

Мы стали лгать. Прошлый король был преступником. Сущим монстром. Он использовал магию, чтобы угнетать собственный народ. Только посмотрите, во что превратилась земля, взгляните, как страдают люди. Мы спасли вас от его злых чар. Видите, как ужасна магия? Запомните это.

Немногие из наших подданных умели читать, и мы обращались к ним с речами. А потом история стала передаваться из уст в уста и преобразилась. Вскоре король превратился в существо с козлиными ногами и рогами, как у барана, а из лужи его крови выросло дерево.

Ритуалов мы не придумывали. Я вот не могу отличить душу от полыни и уж тем более не разбираюсь в дурманящих благовониях, которые священники несут по улицам, напевая молитвы, составленные из наших историй. Мы и не думали, что нас будут почитать. Но кто мы такие, чтобы мешать людям наслаждаться красотой рассвета, солнечных зайчиков, скачущих по бурному ручью, и петь песни, от которых слабеет боль потери? Наша магия не могла избавить их от этих страданий.

А потом последователи записали истории на бумаге, вот только это были уже их рассказы, а не наши.

Но я ни разу не воспротивился.

Очень сожалею, что опустил руки. Нас так истрепало бурное течение войны, что, казалось, еще немножко, и я не выдержу.

Я поддался жажде вечного мира, забыв о нашей цели. Мы убили брата, потому что боялись, что тиран станет богом. Но здесь, в Кешгууме, где магию давно позабыли, народ высекает наши статуи в мраморе. Мне построили белоснежный трон, украшенный золотом. Тяжелая корона венчает мне голову, я поднимаю меч, который вот уже несколько десятков лет не участвовал в бою, а толпа бросает к моим ногам розы и древесную кору.

Мы сами стали богами, которых жаждали уничтожить.

Палингенез

Глава тридцать вторая

Чтобы протиснуться в узкую щель в скале, Эрис пришлось идти боком и пригнуться под гладким каменным сводом. Расщелина вся обросла мхом. Девушка ободрала его, расчищая себе путь, и выбралась в цветущий зеленый лес.

Она удивленно огляделась. Последний раз, когда она здесь была, в лесу царили смерть и запустение. А теперь ручей ее детства громко журчал, рядом с пнями буйно росли новые деревья, на ветвях распустились белые и лиловые бутоны – Эрис заключила, что весна сейчас в самом разгаре. Она еще побродила по лесу, потеряв счет времени. Наверное, когда она возродила жизнь на землях Чудовища, чары добрались и сюда.

У окраины леса протянулось вспаханное поле. На месте старой отцовской хижины стоял каменный дом с цветными колоннами. Урожай ячменя уже успели собрать наполовину, а молодые пшеничные побеги начали зеленеть на другом конце поля. В воздухе висел густой запах удобрения, снопы сена лежали у одной из стен дома.

Пустошь по соседству с фермой заросла сочной травой. На лужайке паслись коренастые, крепкие лошади и с аппетитом щипали траву. Это были кешгирианские лошади – особая порода, которая могла проходить огромные расстояния почти, а то и вовсе без пищи. Такие на памяти Эрис путешествовали с торговым караваном через пустыню, в Тингар и Йоннер.

По дороге проехало несколько стражей-всадников со знаменем в руках. На нем изображалось Вечное древо. И кони, и наездники были закованы в нарядную, украшенную золотом броню, которая сверкала в лучах утреннего солнца. Это были боевые доспехи, обитые сталью.

Прежде Эрис видела их только на постаментах в арсенале – в городе давно царил мир, и ни солдатам, ни стражам такая броня была ни к чему. Прикрыв глаза от яркого света, Эрис отошла на обочину, чтобы пропустить процессию. Ее легко можно было принять за крестьянку из-за перепачканной серой туники.

А процессия и не думала заканчиваться. По дороге девушке стали встречаться тележки с припасами, из-под льняных полотен, которыми они были затянуты, выглядывали мешки с мукой и головки твердого сыра. Дальше шли лошади, тащившие за собой пушки на колесах из кованого железа. Колеса оставляли борозды на земле. Пеший отряд то и дело спотыкался на неровной дороге.

Эрис не обратила на них особого внимания. Куда больше ее встревожили ячменные поля. Стебли, выросшие на них, были чуть ли не вдвое выше нее, а судя по тому, как преобразился лес, со дня ее побега прошло по меньшей мере лет десять. Девушка посмотрела на свои руки, выискивая приметы старения. На костяшках виднелись мозоли от работы в саду, и все на этом. Нет, в самом деле, не могла же она так долго отсутствовать!

И вряд ли цветение вокруг – это ее заслуга. Пускай она и пробудила к жизни подземный вулкан, требовалось время, чтобы природа снова вступила в свои права. А здесь перемены произошли чересчур быстро. Девушка поджала губы. Идеи Саулоса и Ананоса всё еще царствовали на этой земле. Городской маг продолжал подпитывать этот край.

– Эрис? – юный голос отвлек ее от раздумий.

На нее смотрел всадник. В руках у него был длинный повод – он вел за собой четверых лошадей. Воин проворно спешился и, к изумлению Эрис, заключил ее в объятия.

– Слава королям, ты жива!

Девушка попыталась вспомнить его черты. Может, это сослуживец, с которым она изредка болтала, пока жила в городе? Или кто-то из давних возлюбленных? Столько времени прошло, что все имена стерлись из памяти. Как его там?

Солдат ткнул себя в грудь и улыбнулся.

– Я Мэтью, помнишь?

Эрис разинула рот. Порезы и ссадины, обезобразившие когда-то его лицо и руки, прошли. Девушка обняла его в ответ, с радостью

отметив, что он поправился.

– Выглядишь гораздо лучше!

– Главное, что ты жива-здорова! Нужно скорее сообщить Второй.

Эрис с облегчением выдохнула. Великан не ошибся. Сестры выжили.

– Виктория меня искала?

– О да, не один месяц. Высылала поисковые отряды. Я несколько раз в них вступал, так и попал в гвардию. Рассказал сослуживцам о нашей последней встрече. Увы, тебя так и не нашли. А Виктория простила долг, который на тебя тогда повесили. Мне даже...

Эрис нахмурилась.

– Простила долг? – Это было совсем не похоже на Викторию. Каждый кусочек железа и бронзы подлежал учету, все непременно нужно было взвесить и оценить.

– Да, она сама его погасила. После приказа совета ей пришлось прервать поиски, насколько мне известно, но она будет счастлива, когда узнает, что ты вернулась. Ваша семья дважды даровала мне великую милость.

Эрис задумчиво почесала затылок. *Неужели Виктория изменилась?*

Мэтью задержал взгляд на ее перепачканных ботинках, на подоле туники, к которому прилипла пыль и кусочки мха.

– Вижу, ты давно в пути. Где ты пропадала?

– Кхм, ну, путешествовала.

– Мы думали, ты погибла.

Эрис робко улыбнулась.

– А сколько меня не было?

– Больше полутора лет. Где, черт возьми, тебя носило, что ты и счет времени потеряла?

Девушка устремила взгляд на горный хребет, вспомнив о Чудовище и его дарах.

– Там, где время не имеет значения.

Мэтью подошел к последней лошади, вверенной ему. Ответ девушки его насмешил.

– Увы, нам эта роскошь неведома. – Он отвязал поводья и протянул Эрис. – Возьми мою лошадь. Пусть Вторая как можно скорее узнает о тебе.

Эрис просунула ногу в стремя и уселась в седло. Для нее оно оказалось великовато.

– Все так преобразилось с тех пор, как я ушла, – заметила она, стараясь сохранять спокойствие незаинтересованного наблюдателя. – Что тут случилось?

Солдат понизил голос.

– Крестьянское восстание, то ли к добру, то ли к худу. Город чуть ли не весь сгорел, вот почему западные ворота такие... впрочем, сама увидишь. Но потом начался ливень и все потушил. Дождь шел двадцать одну ночь, а потом закончился, точно его и не было. – Он потер шею. – Бесплодную землю поливать без толку, но она тоже ожила. Буквально за ночь выросли и пшено, и ячмень, даже козы – и те стали есть больше. С тех пор мы живем в изобилии.

Эрис посмотрела вдаль, выискивая белые отблески города у горизонта, но вид заслоняла бесконечная колонна стражников и пехотинцев. Пока она говорила с Мэтью, конвой ни разу не остановился. *Да это ведь даже не рота, а целый легион.*

– Если в городе дела пошли на лад, что тут происходит? – спросила девушка, указав на стражников, марширующих мимо. – Куда вы идете?

Мэтью указал на лес.

– Вон туда. Мне велено его вырубить. Работы на целый месяц.

Эрис подозрительно нахмурилась. Легион в полной боевой готовности отправили валить деревья? Звучит не особо правдоподобно.

– Вы с собой пушки везете. Уж не ядрами же будете деревья валить, – заметила она.

Солдат пожал плечами.

– Да, это вряд ли, но я понятия не имею, зачем они нам.

– А кто отдал такой приказ?

– Совет.

– Мы что, кому-то войну объявили?

Мэтью снова пожал плечами.

– Кому? – настойчиво спросила девушка.

Мэтью пригладил волосы.

– Эрис, я просто стражник, только и всего, – с легкой улыбкой напомнил он. – Это все с ними надо обсуждать. Мне велено добраться до леса и нарубить дров. Больше я ничего не знаю.

Эрис напряженно вскинула плечи. Ее лошадь встревоженно подернула ушами, фыркнула, переступила с ноги на ногу.

– Полегче, – сказал Мэтью и успокаивающе погладил лошадь по шее. – Держи поводья покрепче, а то еще взбрыкнет. Лошадки эти выносливые, но всегда чувствуют, что всадник...

Эрис положила ладонь на руку Мэтью. Ничего, кроме сомнений, у нее не было, и, пожалуй, говорить о них вслух не следовало.

– Мэтью, береги себя, – попросила девушка. – Если начнется битва, не вступай в нее. Не стоит раскидываться жизнью.

Солдат хохотнул.

– Не стоит беспокоиться. Я валю лес да за лошадьми приглядываю. Битвы – это не для меня.

– Прошу, – сказала девушка.

Мэтью терпеливо улыбнулся. Нет, даже наивно.

– Обещаю.

Эрис поскакала вдоль полей. Так будет куда быстрее, чем по дороге.

– Надо скорее поговорить с Викторией.

Страх не отступал от нее, будто тень, потихоньку разрастаясь в крошечный мрак. И чем сильнее она старалась сбежать от этой тени, тем длиннее она становилась, она следовала за Эрис по пятам, все сильнее расплываясь в лучах восходящего солнца.

Глава тридцать третья

На городских стенах лежали обугленные дощечки. Крыша почти вся сгорела, но ее остов остался стоять, точно черный скелет, полый внутри. Почти весь мусор уже разгребли, но на песке еще можно было увидеть деревянные щепки и угольки – бледное напоминание, которое скоро разметает ветер.

За обгоревшим каркасом высились плавленные железные ворота. Изображения королей, выбитые на них, превратились в бесформенные пузыри, поверхность изрешетили дыры – в некоторых местах огонь прожег металл насквозь. Больше вход в город никто не охранял. Несмотря на ранний час, улицы были полны народа. Толпа шествовала по ним и радостно кричала. Почти у всех горожан были покрасневшие лица, почти все несли по бутылке вина.

Эрис спешила и вошла в Нижний квартал. Его, казалось, ничуть не коснулось восстание. Узкая дорожка, ведущая в верхнюю часть города, расширилась, а ветхие стены, которыми она была обнесена, были отстроены заново и укреплены известняком, как и старая арка. Одноэтажные домики сменились трехэтажными особняками, заслонившими Средний квартал, построенный на скале. Факелы и фонари с шипением гасли. Белые стены окрасились прохладно-голубым в ожидании рассвета. Каждую улицу по-прежнему патрулировали стражники. И хотя горожане были опьянены вином и радостью, они сторонились солдат, а если случайно подходили слишком близко, почтительно кланялись.

Со временем бунт сотрется из людской памяти, останется лишь сухой фразой в учебнике городской истории.

Хоть улицы и расширили, Эрис все равно оказалась в эпицентре толпы. Люди спотыкались о края красного ковра и спешили вверх по лестнице из девятистот ступенек, ведущей к Храму. Некоторые несли в руках дымящиеся палочки благовоний, от которых воздух – и без того плотный – становился еще удушливее. Кто-то горланил песни из книги двух королей. Что это за церемония? Какой сегодня день?

Эрис развела руки, чтобы защитить грудную клетку от гнета толпы, сделала глубокий вдох, на миг нырнув в океан магии и стараясь унять бешеный стук сердца.

Но магия наткнулась на мощную заслонку – такое уже случалось, когда Эрис останавливала месть Чудовища. На девушку нахлынула волна чужой волшебной силы – точно в наказание. Она обвилась вокруг шеи Эрис, сдавила ее – крепко, точно тисками, – с тщательно выверенной мощью – достаточной, чтобы остаться невидимой, но в то же время помешать девушке колдовать. Неужели эта печать всегда лежала на каждом горожанине, и она заметила ее только теперь, потому что недавно раскрыла в себе волшебный дар?

Девушка вытянула шею, проверяя, не ослабнет ли хватка. Печать была отзвуком проклятия, поразившего землю великана, только если чары его братьев были незыблемыми, словно горное подножие, она была искусственной, рукотворной, подлаженной под королевские нужды с опорой на их знания. Чудовище было куда могущественнее, вне всяких сомнений; оно могло подчинять магию своей воле, однако маг, заправлявший городом, прекрасно знал свое дело, а чары Эрис были точно непослушный лесной пожар, к тому же она училась магическому искусству всего год с небольшим. Может, если очень постараться, получится на время сломать печать, как тогда, в краю Чудовища, но так она рискует привлечь внимание мага, поставившего ее.

Кто же он?

Точно не Виктория, а раз ее избрали Второй, то должность священницы наверняка была лишь церемониальной. Тогда и Верховный священник Бахадус выпадает из списка. Остается предполагать, что маг входил в совет. В худшем случае все три его члена умели колдовать.

Виктория должна была знать ответ. Эрис поговорит с ней спокойно, как всегда советовала Констанция. Если у нее получится убедить сестру, что город пропитан ложью и что среди советников есть

маг, тогда Виктория, воспользовавшись положением и влиянием, сможет отозвать легионы.

Эрис вырвалась из толпы и стала петлять по опустевшим переулкам Среднего квартала. Этот окольный путь займет больше времени, но лучше так, чем толкаться в людском море. По дороге ей встречались пожилые горожане, они толпились у ворот своих домиков, некоторые баюкали детей на руках. Подняться по лестнице к Храму им было уже не под силу, поэтому они собрались, чтобы справить праздник по-своему, и теперь плясали, покачивая бедрами, под ритм барабана, обтянутого козлиной кожей, – на нем играл мужчина, сидевший неподалеку.

Когда Эрис добралась до Верхнего квартала, дыхание у нее уже сильно сбилось. Там, куда она спешила, что-то ярко горело желтым, а еще оттуда тянуло жаром. Пот на коже девушки высох в один миг. Чем ближе она подбиралась к цели, тем отчетливее слышала треск пламени и наконец увидела настоящую огненную стену на месте виллы Виктории. Земля вокруг была усыпана пеплом.

Плечи девушки поникли. Мало им было убить детей-розы, они еще и резиденцию не пощадили.

У огня стояла белая фигура в треугольном головном уборе. При виде нее Эрис накрыла волна радости. Не важно, что тут произошло, – главное, что Виктория в безопасности. Путь девушке преградил отряд стражников. Они тут же скрестили копья, внимательно наблюдая за каждым ее шагом. Она решила не испытывать судьбу и, встав на цыпочки, крикнула:

– Виктория!

Сестра обернулась. Эрис с удивлением поймала на себе невинный и удивленный взгляд Констанции. Та округлила глаза, закричала, сделала стражам знак пропустить девушку и побежала ей навстречу – так быстро, как только позволяли тяжелые юбки.

Эрис преодолела расстояние между ними быстрее сестры и кинулась ей в объятия. Платье Констанции пропитали благовония. *Как непривычно.* Такой запах обычно шел от Виктории, а Констанция предпочитала лаванду.

– Слава королям, ты цела! – глухо возликовала Констанция, уткнувшись Эрис в платье. – Я уж думала, никогда больше тебя не увижу.

– Я вернулась, чтобы вам сообщить, что все в порядке, – поспешила заверить ее Эрис. – Прости, что ушла, не предупредив. Мне надо срочно поговорить с Викторией.

– Ох, сегодня очень суматошный день, – ответила Констанция, слегка отстранившись от сестры, и вытерла слезы. – Сегодня Виктория взойдет на престол и получит титул Верховной священницы. Я должна участвовать в церемонии. Пойдем, я тебя провожу. После мы устроим тебе достойный прием, тогда и поговорите.

Виктория? Верховная священница? Эрис едва не рассмеялась, припомнив, как мало сестру заботила внутренняя суть веры. Быть Второй, помогать тому, кто истинно верит, управляться с делами еще куда ни шло, но возводить Викторию в сан Верховной священницы – все равно что попросить камень стать солнцем.

Эрис скользнула взглядом по новому наряду сестры. Это пышное платье ей совсем не шло. Констанция, столько лет проработавшая в богадельне, среди рвоты и крови, всегда делала выбор в пользу практичной одежды, а сейчас ее наряд под это описание совсем не походил. Треугольная шляпа тоже ей не шла. Она почти не скрывала растрепанные рыжие волосы, управиться с которыми Констанция уже давно не надеялась.

– А почему ты так оде...

– Я теперь Вторая, – пояснила Констанция.

Эрис недоуменно сдвинула брови.

– Я думала, тебе по душе работа в богадельне.

Констанция улыбнулась, но в глазах не было и капли радости. Она взмахнула рукой, обтянутой перчаткой, и стражники взяли их с Эрис в кольцо. Процессия двинулась по извилистым улочкам квартала.

– Прости, что так мало времени тебе уделяла после папиной смерти, – проговорила Констанция, взяв Эрис под руку. – Меня очень расстраивало, что между вами с Викторией сразу возникли ссоры. Мне не хотелось в них участвовать, но это все усугубило. Когда ты пропала, я высказала Виктории, что думаю, осудила ее за то, что она была с тобой так жестока. Ты была ближе всех к отцу, и его смерть ранила тебя сильнее, чем нас, а она никак не могла этого понять.

Эрис вздохнула.

– С Викторией всегда так. Мы же постоянно ссорились.

– У нее всегда были сложности с эмпатией. В ее положении это выгодное качество, но, когда речь заходит о душевных порывах, она часто не справляется.

– Но с тобой-то она всегда ласково говорила. Только в эти редкие минуты и можно было разглядеть ее душу под слоями мишуры.

– Не торопи ее, – попросила Констанция. – И увидишь, что она вовсе не так холодна, как кажется. – Она притянула сестру к себе и оставила у нее на лбу долгий поцелуй. – Где ты пропадала?

– Да так, путешествовала, – ответила Эрис.

– Не подготовившись? Ты ведь ничего с собой не взяла.

– Меня приютил один добрый чужеземец. – Эрис прикусила губу, задумавшись, насколько откровенной можно быть со Стаци. – Он многому меня научил. А я в благодарность помогла ему... оживить сад.

Констанция удивленно вскинула брови.

– Что? Ты в садовницы заделалась? Хорошо же ты справлялась с работой, раз год с лишним у него провела.

Горящая вилла потрескивала позади них. Стена из пламени была точь-в-точь как лава, расплавившая железную дамбу.

– Надеюсь, что так, – ответила Эрис.

Узкие дорожки потянулись вдоль скалистой стены, окружавшей город, и процессии пришлось вытянуться в линию. Здесь горожане не задерживались. Констанция нащупала руку Эрис и повела ее за собой. Та благодарно улыбнулась. В детстве Констанция всегда успокаивала ее, когда они оказывались в таких вот тесных, замкнутых пространствах.

Пока они поднимались в гору, дорожка все сужалась, и наконец впереди показался небольшой альков с деревянной дверью, выкрашенной в белый, чтобы не слишком бросалась в глаза на фоне известняковой стены. Сестры вошли в дверь, миновали очередной отряд стражников и оказались в дальнем уголке Храмовой площади. На ней уже собиралась толпа. От Виктории горожан отделяла шеренга солдат. Стоило Эрис показаться, и горожане закричали громче.

– Придется тебя тут оставить, – сказала Констанция. – Мне надо присоединиться к церемонии. Встретимся на вилле Бахадуса, ты ведь знаешь, где она? Виктория теперь там живет.

Эрис нахмурилась.

– А с ним что случилось?

– Умер год назад, вскоре после твоего исчезновения. – Констанция закрыла глаза и сложила руки в молитвенном жесте. – Он не заслужил такой гибели.

– Неужели смерть была насильственной?

Один из стражников шагнул вперед.

– Вторая священница Констанция, – позвал он и указал на высокие арки, ведущие к Священным вратам – шаткой деревянной конструкции, краска на которой уже успела растрескаться от времени.

Констанция быстро и грустно улыбнулась.

– Позже поговорим как следует.

Стражи окружили Констанцию и повели к ступенькам Храма. Эрис снова осталась одна посреди толпы, проводив взглядом фигуры в блестящих доспехах.

Напротив ворот, на трех невысоких ступеньках, стояли три фигуры в белых и бордовых одеждах. Совет. Констанция встала у них за спинами, крепко сцепив руки. Ее высокая шляпа подрагивала на ветру.

На площади воцарилась тишина. Виктория поднялась к Священным вратам и преклонила колени на большую подушку. Никогда еще Эрис не видела такого длинного и пышного платья. Эта гигантская кипа белого сатина была украшена золотом – ходить в таком наряде было настолько тяжело, что Виктории помогало с полдюжины служанок. На голове у нее была большая прямоугольная шляпа – головной убор Верховного священника, такую же носил Бахадус. Четыре стражника охраняли два длинных черных ящика, поставленных на подушки.

– Я преклоняю колени перед советом, – звонко проговорила Виктория. – Прошу, мудростью, дарованной вам самими королями, удостоьте меня чести стать Верховной священницей Кешгиума.

Одна из советниц выступила вперед. Волосы у нее были рыжие, а нос напоминал луковицу. Руфина, догадалась Эрис. Именно эта дама говорила с Викторией на отцовских похоронах.

– Когда нашим городом правили два короля, – начала она, – они унаследовали мирную, процветающую землю. И стремились сохранить ее. Но Тварь напала на наши края, и короли оказались в положении, которого никогда не желали. Им пришлось учить

фермеров и рыбаков искусству боя, а город, созданный, чтобы даровать жизнь, превратился в бойню. Знамена реяли в небесах, разгорались сражения с нашими же земляками, подпавшими под влияние Твари. Снова и снова наши короли терпели поражение, но не сдавались, вопреки страху и отчаянию. Их армии крепили, тактика становилась хитрее, соблазны слабели. А когда Тварь была побеждена, мы вздохнули с облегчением, ведь злу пришел конец.

Эрис слушала молитву с тревожным сердцем. Если не удастся убедить Викторию, придется самой говорить с советом. Выстоит ли она одна против трех волшебников?

– Пришла новая эра, – продолжала Руфина, – но мы не знаем, что она с собой принесет. Два короля смилиостивились над нами, вернули урожаи и леса, но на горизонте снова сгущается мрак. Мы на распутье: возможно, нас снова ждут неурожайные годы, а может, дальнейшее процветание. Мы просим твоей защиты, просим наставлять нас на истинный путь словами наших королей. Примешь ли ты это бремя? Осудишь ли по справедливости всех, кто причиняет нам зло, будь это друг или враг? Поведешь ли нас в бой, когда разгорится война у подножия горы, подобно королям Саулосу и Ананосу?

– Да, – ответила Виктория.

Стражники сняли с ящиков золотистые крышки. Руфина произнесла молитву на древнем языке – он снова напомнил Эрис о Чудовище, – а потом опустила в первый ящик обе руки и достала потемневший жезл. Он был увенчан кристаллом, отражавшим утреннее солнце. Внутри него плясали разноцветные искорки. Одна из прислужниц из свиты Виктории положила длинный кусок бархата на ее вытянутые руки.

– Мы даруем тебе жезл короля Саулоса, этот маяк, который вел наши войска сквозь туман войны. – Руфина вложила жезл в руки Виктории, потом направилась ко второму ящику, достала меч. Его лезвие по-прежнему сверкало и нисколько не затупилось. Его советница тоже возложила на руки Виктории. – Мы даруем тебе меч короля Ананоса, которым тот яростно и бесстрашно побеждал врагов.

Руфина развела руки в стороны.

– Восстань, Верховная священница Виктория, – призвала советница, – и пусть сами короли благословят тебя. Поклонись им и принеси свою кровь в жертву Вечному дереву.

Священные врата со скрипом открылись, Виктория зашла в них и исчезла за плотными белыми занавесками. Там ее ждало святилище – приземистая каменная башенка, возведенная на месте, где, если верить королям, пролилась кровь Твари и выросло Вечное дерево. Никого, кроме Верховного священника, туда не пускали.

Когда Виктория взошла на башню, сверкая в лучах солнца, толпа взорвалась радостными криками. Эрис нисколько не удивилась. Если ее предшественники вслушивались в голоса королей, исходяемые Вечным деревом, целыми часами, а то и днями, Виктория вовсе не собиралась тратить время на подобные иллюзии.

Она вскинула руку, призывая толпу к тишине.

– Жители Кешгиума, – крикнула она, – сегодня я предстаю пред вами в сане Верховной священницы. Почти год мы сеяли семена этого дня, и вот он настал: сегодня мы официально объявляем войну Твари.

Эрис всмотрелась в лицо сестры, стараясь разгадать ее мысли. Та говорила бесстрастно, четко воспроизводя по памяти нужные слова, и ее совсем не коснулся тот мрак, что обвил хищными щупальцами сердце Эрис.

– Наш блистательный Кешгиум под угрозой, – продолжала Виктория. – В прошлом году Тварь наслала на наш город коварные чары. Она пробралась в город в обличье невинной красной розы, которая выросла прекрасной и пышной, но вонзала клыки во всех, кто к ней приближался, и уничтожала все на своем пути. Благодарим мудрый совет, вскрывший этот обман, возносим молитвы Верховному священнику Бахадусу, павшему жертвой злой магии. Да упокоится он в тени Вечного древа. Тварь не пощадила и того, кто был мне особенно дорог. Моего отца.

Эрис зажала рот ладонью. Какая ложь!

– Два короля направят нас на истинный путь. Они знают, что скоро грянет буря. Они даровали нам время подготовиться к грядущей войне. – Виктория вскинула жезл. – Мы о ней не просили, как и они

о своей. Трижды они готовы были помиловать Тварь, и трижды она приняла это как должное. Больше ошибок не будет. Отныне всех наших врагов ждет кара. Тварь приносит мрак, а я стану светом, который поведет вас к цели. Враг напал первым, он хотел посеять страх в наших душах, чтобы мы поверили его словам. Но мы не доставим ему такой радости. Мы дадим отпор, мы будем биться за наш город. Наши армии собираются, и уже очень скоро мы сотрем с лица земли все следы Твари – раз и навсегда.

Площадь задрожала от радостных криков. В небо взмыли фейерверки, разлетаясь миллионом крохотных искорок. Хлопки с опозданием долетали до ушей Эрис. На стенах Храма развернулись знамена с изображением Вечного древа.

– Да здравствует Виктория, наша новая Верховная священница! – провозгласили советники.

Толпа шумно возликовала. Уши Эрис словно ватой заложило. Не веря своим глазам, она скользила взглядом по счастливым лицам горожан, чествующих войну.

Глава тридцать четвертая

У старой виллы Бахадуса собралась небольшая толпа. Люди стояли на коленях, разложив у мозаичных стен свои подношения – ячмень и пшеницу. Эрис протиснулась мимо них, торопливо расталкивая горожан, и проскользнула мимо стражников, не обратив внимания на их протесты. Потом распахнула дверь. Виктория уже успела снять церемониальное платье и была теперь в сорочке. Констанция сидела на стуле, положив рядом свою шляпу.

Виктория встретила ее высокомерным взглядом, осуждающе поджав губы, но спустя мгновение наконец узнала родную сестру, и ее глаза просияли. Уголки губ приподнялись, точно неопытный кукловод потянул за ниточки и заставил Викторину улыбнуться.

А Эрис было не до улыбок.

– Останови армию. Отзови легион, который подошел к горе.

– Эрис, – со вздохом произнесла Констанция, – давай сперва отпразднуем твое возвращение, а об этом позже поговорим.

– Некогда, – отмахнулась Эрис. – Прикажи совету остановиться. Я знаю, как все было. Город первым поджег розы, а они стали мстить. Погибли невинные люди, но нельзя допускать новых смертей и кровопролития. Роз больше нет, а он больше не навредит городу.

Виктория спрятала волосы под новым куском муслина.

– Пока ты путешествовала, история претерпела изменения. Неудивительно, учитывая, как ненадежны рассказы из уст в уста.

Эрис сдвинула брови.

– О чем это ты?

– Скажи сперва, когда отец посадил те самые розы? – спросила Виктория.

– Когда мы только перебрались в город.

– И тебя нисколько не насторожило, что они расцвели лишь в прошлом году?

– Они питали отца своими силами, продлевая ему жизнь. Он был смертельно болен.

Виктория рассмеялась, надевая верхнюю юбку.

– Кто тебе такое сказал? Тварь с самого начала была подстрекателем, это ясно как божий день. – Виктория принялась затягивать шнуровку, даже не глядя, – ее пальцы давно приноровились к этому. – Сама видела, в каком состоянии моя вилла. Мы уже четвертый раз эти розы сжигаем. Они колдовские. Возможно, они управляют беженцами и повелевают им поднимать бунты. Их посадил наш отец, стало быть, и его околдовали...

– Неправда. Он сделал это по доброй воле.

– Откуда ты это знаешь?

– Он сам мне рассказал, – тихо ответила Эрис. – Я с ним столько времени провела, что тебе и не снилось.

Виктория скривилась. Констанция печально зажмурилась – ей не хотелось наблюдать за новой ссорой сестер.

– Магия не может управлять мыслями, – упрямо процедила Эрис.

– В давние времена это было возможно, – возразила из угла Констанция.

У Эрис все это просто в голове не укладывалось.

– Нет, причина в том, что в город не пускали людей. Они ждали у ворот без еды и воды. Их донимали усталость и голод. Не надо валить всю вину на *магию*.

Лицо Виктории снова приняло привычное выражение.

– Я все видела своими глазами. Розы захватили город, точно эпидемия, они оплетали стены и погребали под собой целые дома. А на следующий день грянул бунт. Беспорядки вспыхнули и в Верхнем квартале, все пылало, кроме роз. Бахадус первым заподозрил неладное. Он облил корни дегтем и поджег. Но они убили его. Стоило ему коснуться пепла, и жизнь покинула его. Он побледнел, позеленел, глаза вылезли из глазниц, мышцы растаяли. Когда ты споришь со мной, ты оскорбляешь память о его героической смерти, тем более что тебя тут не было.

Так вот как погиб Верховный священник.

– Мне жаль, – сказала Эрис скорее от отчаяния, чем от сожаления, – но я была здесь, когда горели западные ворота. Магией там и не пахло. Люди простояли на солнце так долго, что кожа начала слезать. И вовсе не чары их разозлили. И вовсе не по волшебству твои стражники стали рубить невинных.

Виктория осуждающе сощурилась.

– Магия – это сила, которой ты не понимаешь.

Эрис сделала глубокий вдох. Сердце взволнованно застучало в груди. Довольно сладких речей. Сейчас у нее остались только семейные узы, и пускай – милостью Аэру, Архайи, Жизни, королей, – этого хватит, чтобы сестры ей поверили.

– А вот и понимаю, – сказала она. – Я год прожила с Чудовищем – тем самым, которого тут зовут Тварью, – и оно научило меня магии. Оно совсем не такое, как написано в книге. Оно добрый и чуткий учитель, чью историю извратили короли.

Констанция зажала рот руками.

– Понимаю, в это сложно поверить, ведь мы с детства привыкли думать, что Тварь – это враг, но все иначе. Это такой же человек, как и мы все.

– Зря ты нам это рассказываешь, – предупреждающим тоном проговорила Констанция.

– Почему? Констанция, ты же теперь Вторая, ты можешь изменить ход вещей. Вместе с Викторией. Совет не сможет отказать, если вы обе дадите приказ отозвать легион.

Виктория отвернулась и натянула пару белых перчаток.

– Кажется, она слишком утомилась в пути...

– Неправда.

– ...столько прошла, а по дороге чего только не привидится...

– Я вовсе не устала, – рявкнула Эрис и схватила Викторию за руку. – Чудовище уже не жаждет отмщения. Я помогла ему. Если вы на него нападете, только упрочите ненависть, разлитую королями, и обречете нас на новую бесконечную войну. Прикажете совету отозвать армию.

Виктория вырвала свою руку и наклонилась, заглянув Эрис в глаза. Ее взгляд был пронзительным и твердым.

– Забудь ты про совет. Ты хоть понимаешь, что значат твои рассказы, дурочка? Ты стала рабыней. Тварь и тебя околдовала, раз ты

говоришь такое.

– Да нет тут никакого колдовства, – повторила Эрис сквозь зубы. – Это чистая правда. Вы отправляете легионы на убийство из-за лжи, ради защиты ничтожного города, созданного мертвыми королями, города, где всем заправляет совет, которому наплевать на людей, хотя именно им он и должен служить. Если вас убьют, и часа не пройдет, как вам найдут замену. Этот человек прожил в одиночестве несколько столетий и отказался от мести, хотя мог с моей помощью ее продолжать. А вы хотите уничтожить его покой и все плоды моих стараний!

– Тварь заставила отца посадить свои розы, которые погубили немало людей. – Виктория крепко сжала запястье Эрис. – Этот самый «ничтожный город» остается домом для сотни тысяч человек. Тварь погубила многих горожан. Я знаю их по именам. А ты?

– А имена тех, кто отдал жизнь *за него*, ты знаешь? – парировала девушка, отдернув руку.

– Не глупи. Смерть рабов и гибель невинных жителей – это разные вещи. Если я отзову легионы, Тварь уничтожит город, наши жизни, народ, которому я служу. Она ведь этого и хочет – и тебя использует в своих интересах.

Даже спустя столько времени разговоры с Викторией снова заканчивались хлесткими обвинениями. Сестры были как две пташки, которые ссорятся за последний кусочек пищи, пока в них целится охотник, метя прямо в сердца. С каждой секундой войско подбиралось все ближе к расщелине в горе. У Эрис не получилось переубедить Викторию и сломить ее веру в злобу Чудовища. Остался последний аргумент. Уж он-то должен убедить сестер. Иначе и быть не может.

– Этот год стал урожайным вовсе не потому, что короли снизошли и решили даровать стране изобилие. Совет использует магию, чтобы поддерживать в городе жизнь.

Она ожидала, что сестры ахнут, округлят глаза от удивления. Но они только переглянулись.

Они знают.

Девушку обдало волной жара.

– Так вы обе знаете? – Она перевела взгляд с одной сестры на другую и наконец задержала его на Констанции. – И ты, Стаци?

Ты ведь следовала учению старательнее всех, кого я знаю, и тебя все *устраивает*? То, что это знание скрывается, что народ живет во лжи?

Констанция отвела взгляд.

– Наша цель – всеобщее благо, – вмешалась Виктория. – Магия – опасная и пагубная сила, поэтому за ней нужен контроль. И лучше, чтобы люди ни о чем не догадывались.

Эрис не сдержала злости в голосе.

– Твое мнение я и так знаю, Виктория. Пусть Стаци ответит.

– Я не один год пыталась примирить у себя в голове знания, полученные из книг, и реальность, – сказала Констанция, впившись взглядом в дверь. – Иногда я спрашиваю себя – а в те ли вещи я верю? Со временем я поняла, что магию можно использовать и в благих целях.

– И я так думаю! – воскликнула Эрис. От облегчения к горлу подступил ком. – Так что лучше бы Саулос и Ананос...

– То, что сделала Тварь, невозможно простить. Недаром короли назвали магию пагубной силой и сделали все, чтобы утроба города никогда уже не исторгла подобного монстра. – Сестра посмотрела на свои руки. – А если не можешь контролировать применение магии, как уберечь от нее других? Им было страшно не меньше, чем нам сейчас.

Эрис уставилась на нее.

– Ты считаешь, они правильно поступили, извратив правду и заставив других поверить в свою ложь?

– Это было необходимо, чтобы уберечь нас от новой катастрофы.

– Не знала, что ты такая.

– Она попросила меня о поддержке, – вступила Виктория. – Так что я провела с ней столько времени, что *тебе* и не снилось.

Эрис осклабилась.

– Сначала ты уходишь, ничего нам не сказав, заставляешь думать, что тебя уже нет в живых, – продолжала Виктория, слегка повысив голос. – Потом возвращаешься. Выясняется, что ты спелась с нашим врагом, который, само собой, извратил правду, выставив себя жертвой, чтобы переманить тебя на свою сторону. Теперь нам станет куда сложнее жить. Сперва розы захватили мой дом, а теперь я слышу, что ты год прожила с Тварью. Об этом начнут судачить, и ты даже представить не можешь, какие будут последствия.

– Ну да, самое страшное – это, конечно, сплетни, – съязвила Эрис. – А не то, что ты отправляешь людей на верную гибель.

Виктория, уже полностью одетая, распрямилась в полный рост. Теперь она возвышалась над младшей сестрой.

– Твоя опрометчивость нас погубит, – прошипела она. – Я всю жизнь прослужила городу. Нам пришлось улаживать последствия бунта и пожаров, отстраивать все заново. Эта война назревает уже почти год. А теперь о нас будут говорить то же, что о Твари. Достижения, наследие, наши старания – это сотрется из-за тебя. Тебе наплевать на всех, кто живет в городе, и на нас тоже. Мы остались, – она указала на себя и Констанцию, – а ты сбежала.

Эрис отступила. Этот укор смягчил ее.

– Нет, неправда, – возразила она. – Мне не наплевать. Я хочу одного – чтобы война закончилась. Я не хочу видеть вашу смерть. Не хочу ваших страданий. *И не хочу видеть, как шею моего Чудовища пронзает дюжина мечей и как оно беззвучно кричит.*

– Тогда Тварь нападет на нас первой и сотрет Кешгиум в пыль, – сказала Виктория. – Я этого не допущу.

Эрис затеребила подол туники, принялась выдергивать из него ниточки.

– Виктория, молю, мы же сестры. Все мои слова, все дела – ради того, чтобы спасти город, и вас, и его. Я та же, что и год назад. Прикажи совету остановить армию, кем бы ни были эти маги и сколько бы их ни было, хоть все трое. Не важно. Отзовите армию, прошу, и Чудовище оставит вас в покое.

– Маховик уже давно запущен, а мы здесь лишь пешки, не более. Ничего уже не остановить. – Виктория топнула дважды, и в комнату ворвалось с полдюжины стражей.

Констанция встала со своего места и заслонила Эрис.

– Не надо, ты ведь сама пожалеешь! – сказала она Виктории. – Еще ведь можно ей помочь...

– Взять ее, – приказала Виктория стражникам. Но стоило ей встретиться глазами с младшей сестрой, ее черты смягчились, и во взгляде проступила жалость. – Мне жаль, что приходится так с тобой поступать.

Эрис побледнела. Стражники подхватили ее под руки и заковали в цепи. Девушка упала на колени, уткнулась лбом в пол, стараясь

призвать все свои волшебные силы. Пусть тут вырастут розы с тысячей, нет, миллионом шипов.

Но печать, непоколебимая, как сталь, не допускающая осечек, отразила чары, не дала все это предотвратить.

Нет, нет, нет, нет...

Констанция с мокрым от слез лицом схватила Викторию за плечи, вонзив ногти сестре в кожу.

– Прошу, не надо, – взмолилась она.

Но Виктория только оттолкнула сестру.

– Взять ее.

Эрис умоляла землю защитить ее, снова и снова взывала к своей волшебной силе, но тщетно. Стражи потащили ее за цепи вниз по лестнице из девяти сотен ступеней, в темницу, выбитую в скалах. Там не было и искорки света, а крики тонули в полной тишине.

Глава тридцать пятая

Темница располагалась под Нижним кварталом. Она напоминала лабиринт и была выбита у самого подножия скал. За дверью из кованого железа с множеством замков узников встречали блестящие стены – вот только начищены они были вовсе не для красоты. Десять тысяч узников хватались за них в надежде найти способ побега. Но сбежать не смог никто.

Свет факелов, которые принесли с собой стражники, открывал взгляду только каменные плиты. Чем дальше они заходили, тем сильнее сгущалась тишина, точно Эрис кто-то уши ватой заткнул.

У простой железной двери процессия остановилась. Два стражника распахнули ее, Эрис извивалась у них в руках в надежде сбежать, пока они не видят. Но те держали ее крепко. Бледное пламя факела осветило крохотную камеру без окон. Тут и сидеть-то было тесновато. Гладкие стены поблескивали. Стоять тоже было невозможно – из-за чересчур низкого потолка. Стражники силой нагнули Эрис голову и толкнули ее в камеру. Руки приковали цепями, висевшими на одной из стен, на шею тоже надели оковы.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, и камера погрузилась во тьму.

Сперва успокоиться, потом думать.

Про Викторию пока не стоит вспоминать. Нельзя, если хочет отсюда выбраться.

Эрис вспомнилась удивительная ночь и магическая печать до путешествия в земли Чудовища, но то была совсем другая история, тогда она была свободна. В лес она нырнула по собственной воле, а сейчас на шее и руках висели тяжелые оковы, а цепи тянули к земле

так сильно, что и размять мышцы толком не получалось. Но попробовать стоило.

Эхо ее дыхания быстро разнеслось по комнате, словно в напоминание о тесноте камеры. Сердце застучало чаще. *Ничего не произойдет.* Может, кандалы не такие уж и узкие и получится вытащить руки. Она попыталась как можно сильнее сжать пальцы и вытянуть ладонь, чтобы та стала тоньше. Каждое движение отдавалось лязгом цепей. Запястья заболели. Кожа ободралась о зазубренные края кандалов. Скоро, того и гляди, кровь пойдет, а она даже не сможет призвать магию, чтобы залечить раны.

Эрис стала ощупывать стену в поисках болтов, удерживавших цепи. Но те так крепко слились с камнем, что можно было разве что легонько подцепить края ногтями. Девушка еще немного провозилась с этой затеей, но с тем же успехом можно было бы попытаться оторвать от стены всю конструкцию.

Как жаль, что его нет рядом, подумала она в приступе паники. Может, сейчас он лежит на крыше рядом с ее спальней и смотрит на небо, которое сияет в миллион раз ярче, чем потолок ее камеры.

Эрис снова ощупала кандалы на запястьях. Сталь, крепкая, как печать, гасящая магию. Она принялась царапать оковами пол, рассудив, что, если делать так долго, можно истончить металл и изменить его форму. Скрип стали по камню нравился ей куда больше полной тишины. Вскоре кандалы стали проваливаться в небольшие ямки в полу – их форма в точности совпадала с очертаниями оков. До нее кто-то уже пытался провернуть этот трюк. Отчаяние просочилось в сознание неспешным ядом, но девушка не оставила попыток. Физический труд выжжет из вен эту отраву. Иначе и быть не может.

Руки горели. По лицу струился пот, воздух вокруг накалился. Она немного отдохнула, а когда попыталась потянуться, локти и колени ударились о стены. Казалось, за это время камера успела еще уменьшиться. Сердце иступленно забило, каждый его удар эхом отдавался в ушах. Эрис уперлась стопами в стены. Наверняка у нее просто разыгралось воображение, но без света казалось, что комнатка и впрямь сужается и скоро ей попросту будет нечем дышать. Ощущения в теле вторили этому страху.

Вот что значит быть отрезанной от магии. Оказаться в заточении в безмолвной, мрачной комнате, где стены неумолимо надвигаются на тебя.

Эрис вскрикнула и запрокинула голову. Грудь сдавило, но она старалась дышать глубже и яростно отгоняла от себя оглушительную тишину, которая звенела в ушах и не желала ее отпускать.

* * *

Нежные пальцы сомкнулись на ее запястьях. Эрис вздрогнула и отпрянула. И как это она не услышала, что дверь открыли?

– Ты кто? – спросила она, прищурившись в темноте.

Никто не ответил, но к рукам снова прикоснулись, а потом пальцы нащупали стальные кандалы. Тяжелая атласная ткань скользнула по ногам Эрис. Повеяло благовониями и лавандой.

– Стаци? – выпалила девушка.

– Сейчас сниму цепи. Только не шуми, – прошептала сестра.

Эрис не могла разглядеть, что она там делает, но давление на руки и шею резко ослабло. Должно быть, Стаци принесла ключ. С тихим стуком оковы упали – пышное платье Констанции приглушило удар. Эрис не успела и шею размять, как сестра схватила ее под руку и потащила из камеры.

– Держи меня за руку и иди следом, – велела она. – Тут тесно, но я проведу.

Эрис, спотыкаясь, двинулась темными коридорами. Гладкий камень то и дело задевал ее плечи. Констанция без единой остановки вела ее извилистыми коридорами – почти как Чудовище, когда они путешествовали посреди ночи по его замку. Еще бы, ведь сестра не раз бывала в этой темнице.

Обычно сюда приходили либо чтобы допросить заключенного, либо чтобы подвергнуть его пыткам. У Эрис все внутри сжалось. Констанция, ласковая Констанция точно никак не могла отвернуться от всего, ради чего трудилась.

Вот только должность Второй неизбежно изменила ее сестру. Виктория прошла тот же путь. Раньше она много улыбалась, но потом,

стоило только ей облачиться во все эти дурацкие наряды, улыбку стерло с лица.

Из многих камер доносились стоны. Эрис остановилась у одной из дверей, пытаясь нащупать ручку или рычаг – хоть что-нибудь, лишь бы ее открыть и спасти плененную душу. Как-никак она – сестра двух самых влиятельных жительниц города, и у одной из них сердце еще не зачерствело. А остальным заключенным повезло куда меньше.

– Нельзя их так бросать, – процедила Эрис. – Обязательно нужно им помочь!

Констанция с удивительной силой дернула ее за собой.

– Я пытаюсь, – сказала она, и в ее голосе послышались нотки отчаяния. – Ты ничего об этом не знаешь.

Чем дальше они забирались, тем свободнее становилось в коридоре. Потянуло свежим ветерком, остудившим кожу, влажную от пота, а тишину наконец нарушило звучное эхо шагов. Эрис с благодарностью глотнула свежего воздуха.

Констанция остановилась.

– Тут есть лаз, – пояснила она, опустившись на колени, и положила руки Эрис на шаткие камни. – Вытащи их.

В дыру ворвался уже не легкий бриз, а мощный порыв ветра, и пролился лунный свет. Эрис заглянула в лаз. Он вел в высокую башню с маленькими круглыми окошками, сквозь которые пробивался свет и падал на винтовую лестницу, уходящую вверх, в темноту.

– Раньше тут не было тюрьмы, – пояснила Констанция. – Здесь ночевал сам король Ананос. Храм он не особо любил и предпочитал этот лаз. Виктория хотела заделать его кирпичом.

В лунном свете Эрис различила силуэт Констанции. Сестра по-прежнему была в облачении Второй. Нежный изгиб ее плеч был прикрыт шерстяной тканью – должно быть, с расчетом на то, что так ее осанка станет волевой, как у Виктории, но ткань разве что зрительно укоротила Стаци шею.

Констанция кивнула на лаз.

– Через него ты попадешь в королевский зал, – пояснила она. – Там никого. Я об этом позаботилась.

– А как же ты? – спросила Эрис.

– Уж я с Викторией как-нибудь найду общий язык, за это не переживай.

– Но...

– Виктория скована своим положением. Надеюсь, однажды ты ее простишь. У Верховной священницы нет выбора, особенно если вспомнить, что... что ты сказала. Ты обратила внимание, что она не стала называть тебя рабыней при стражниках? Она по-прежнему пытается тебя защитить. Мы придумаем историю твоего побега, может, даже сможем скрыть, что ты вообще появлялась в городе, но тебе придется его покинуть. – Она уверенно положила руку Эрис на спину и кивнула на лаз.

Эрис скинула ее ладонь.

– Почему ты меня отпускаешь?

Констанция уставилась в пустоту и заморгала, чтобы не расплакаться, но лицо у нее предательски скривилось.

– Меня не было рядом, когда ты так сильно во мне нуждалась, – быстро проговорила она и потупилась. – Когда умер отец, а ваши отношения с Викторией совсем испортились, я не стала ничего предпринимать. А потом ты пропала. Я думала, что ты погибла, и корила себя за то, что последним моим воспоминанием будет то, как я ушла от тебя тогда, в мавзолее. Я так больше не могу. Поэтому и решила действовать. Не хочу жить с осознанием, что убила родную сестру. Это выше моих сил.

У Эрис больно сдавило горло. Она принесла столько бед и горя, а теперь, когда поняла, что хочет это исправить, ее опять прогоняют.

– Мне очень, очень жаль.

– Если бы мы раньше знали... Я бы... – Сестра распрямилась и вытерла слезы. – Больше у нас нет выбора, но у тебя есть. Война неизбежна, Эрис, и мы убьем его. Ты сказала, что осталась той же, но это не так. Просто ты сама пока не понимаешь. Помни: он – Тварь, а Тварь умеет лгать, как никто другой. Не верь словам монстра. Верь родным сестрам.

Я ничему не смогу помешать. Все это время – пока Эрис жила в заточении в городе, а потом и у Чудовища – в голове беспощадно звучало одно и то же слово: *свобода, свобода, свобода.* Надо было прислушаться к инстинктам. Она пыталась укротить собственные порывы, но это было все равно что заточить пламя в тесную, неподходящую форму.

– Ступай, – велела Констанция. – Поезжай в Тингар, садись на корабль, не вздумай возвращаться. Тебя здесь ничего не держит, я же вижу. – Ее глаза опять увлажнились. Слезы мерцали в лунном свете, как бриллианты. Стаци улыбнулась. – Ты похожа на отца куда сильнее, чем мне казалось.

Эрис прикрыла глаза на мгновение. Она видит сестру в последний раз.

Время замедлилось, невероятно расширило ее сознание. Эрис глубоко вдохнула. Запястья жгла боль. Каждая, даже самая мелкая, деталь темницы бросалась в глаза, все здание подробно запечатлевалось в памяти, пока в голове вился огромный рой мыслей – такого у Эрис еще не было. Она думала о предательстве Виктории и их бесконечных спорах, о попытке Констанции загладить вину за свое отсутствие, о легионе, который шел к горам, о Мэтью, который дал ей обещание, о своей упрямой, непобедимой надежде, что она сможет остановить войну, о том, что можно было бы ворваться в покои к советникам и вступить с ними в схватку – сразу со всеми – и попытаться сломать печать над городом, хотя велик риск, что она погибнет и ничего не изменится, а свергнутый король не избежит печальной участи.

Эрис бросилась в объятия сестры. Она почувствовала легкий аромат лаванды – *Стаци всегда молилась у маленького святилища в уголке богадельни, а травы выкладывала как подношение* – и пробежалась рукой по густым, непослушным волосам Констанции.

– Пообещай, что не станешь во всем этом участвовать, – попросила Констанция, прижимая Эрис к себе.

– Обещаю, – искренне ответила та. Ее переполняла абсолютная любовь.

Глава тридцать шестая

Королевский зал расположился в невысоком квадратном сооружении из цельного мрамора – были времена, когда город импортировал его, а залежи известняка еще не обнаружили. Посередине стояли два трона, покрытых пылью и трещинами, в которых застряли кусочки золота. Бока кресел были испещрены темными выемками – когда-то туда были вставлены драгоценные камни, но потом какой-то воришка выковырял их. Сюда никто не приходил, кроме прислужников, которые возносили молитвы в канун дня основания города. Эрис пробралась внутрь. На полу стояла небольшая тарелка с дарами – фруктами и тонким ножом. Рядом был сосуд с пеплом и остатками сожженных благовоний.

Эрис забрала нож и спрятала в знакомый тайник в ботинке. Ручка оказалась куда тяжелее лезвия, и дребезжало оружие громче, чем хотелось бы. Пожалуй, стоило забрать у Чудовища ее старый кинжал, когда оно предлагало. Эрис представилось, как великан играет с ним, крутит в пальцах, вспоминая о своей гостье. До чего странная ревность. И как странно надеяться, что он скучает по ней так же сильно, как она по нему.

Девушка тряхнула головой. *Война неизбежна.* Нечего тратить время на сентиментальные мысли. И в замке Чудовища, и в городе небезопасно. Если добраться до ворот, можно упрямить возницу какого-нибудь торгового каравана взять ее с собой. Чем быстрее она уедет, тем скорее сможет обо всем позабыть. Воспоминания о сестрах и великане поблекнут со временем, и рана затянется.

Она ведь научилась жить в уединении, верно?

Эрис сбежала по ступенькам и оказалась посередине маленькой площади. В самом центре высился памятник из четырех-пяти уровней – тоже выбитый в мраморе. Золотая табличка на нем гласила: «Тварь побежденная».

Саулос и Ананос были изображены как боги с огромными крыльями. Пальцы Ананоса едва касались рукояти меча, а волосы у него развевались, точно он спустился с небес. Саулос держал длинный жезл, он стоял, распрямив спину и руки. А под ними лежал тот самый монстр, которого изображали на всех памятниках, гобеленах и воротах.

Эрис задержала взгляд на Твари. Одной лапой она пыталась загородиться от меча и жезла, нависших над ней. Чудовище хмурилось, пасть у него была распахнута, казалось, оттуда рвется неслышимый стон, а заросшее шерстью тело застыло в неестественной, испуганной позе. Эрис внимательно рассмотрела все до единой черточки его лица. Ни памятники, ни гобелены, ни истории – ничего достоверно не запечатлело человека, которого она знала. Он тут был сам на себя не похож, но другого образа, который можно было бы запечатлеть в памяти, здесь не было.

Эрис попыталась вспомнить лицо отца. Портрета у нее не сохранилось. Вот улыбка, седеющие волосы, красная от солнца кожа. Но даже эти черты были размытыми и смешивались. Стройное тело, которым отец мог похвастать в молодости, в памяти Эрис сотрясали приступы кашля, который погубил его много лет спустя.

Неужели и Чудовище я запомню таким? Неужели и оно будет соткано из картин, статуй и маленьких клочков правды?

Нужно было еще попрощаться с отцом. Увидеться с ним в последний раз, если она уже никогда сюда не вернется.

Благодаря долгой службе в гвардии Эрис не составило труда вспомнить патрульные маршруты. По дороге она отдавала предпочтение улочкам погрязнее, где мостовая была вся в трещинах, а над головой висело чье-то постиранное белье, и с него капало. Она осторожно лавировала по извилистому маршруту. Не хватало еще лодыжку сломать.

Эрис снова прошла узкой тропой вдоль городской стены – спасибо Констанции, указавшей ей этот удобный путь, – и добралась до Храмовой площади. Держась в тени, девушка обогнула ее

и подобралась к крутой, изгибистой тропе, ведущей в скалы. Оттуда начался ее спуск к мавзолею.

Мимо нее то и дело пролетали жаворонки, помахивая коричневыми хвостиками, и прятались в гнездах в скалистых стенах. У входа в мавзолей Эрис взяла факел, чтобы хоть немного разбавить надвигающуюся тьму. Где же в этом беззвездном лабиринте папина усыпальница? Все гробницы казались одинаковыми. Эрис напрягла зрение и стала рассматривать надгробия в поисках отцовского имени.

А в итоге нашла его вовсе не благодаря надписям. Спасибо розе, которую она когда-то ему оставила. Кто-то сбросил ее с гроба – Эрис увидела ее в самом углу усыпальницы. Лепестки уже сморщились и высохли, и все же цветок сохранился.

Эрис осторожно взялась за мертвый стебель и повертела его в пальцах. Этот цветок сотворил он, а она бросит его одного, безоружного. Эрис едва не всхлипнула. Либо ему устроят публичную казнь всем на потеху, либо он убьет ее сестер, и войне не будет конца.

Да, розы умерли, но нужно было что-то предпринять. Нельзя отдавать все на откуп судьбе. Вдруг они не погибли и помогут ей остановить легион и город? Эрис дрожащими руками передала цветку частичку своей магии.

Она выбросила из головы все, чему ее учил великан. Дикое пламя внутри сокрушило волшебную печать, распаленное отчаяние опалило крепкое стекло. Вскоре оно поддалось этому напору и расплавилось, как карамель. И Эрис тут же этим воспользовалась.

– Помогите мне, – попросила она. Душу наполнила надежда.

– *Помощи не будет.*

– Но как тогда...

– *Один из них умрет. Выбирай.*

– Нет... – слезы затуманили ей взгляд.

– *Это неизбежно. Ты должна выбрать.*

– Нет! – повторила она. Слезы закапали на пол. – Не могу. У них все уже решено. Я не смогла переубедить сестер, они мне не поверили. Обе стороны мне дороги, как тут выбирать?

– *Ты плывешь по течению, которое несет нас к верной гибели. Исход зависит лишь от твоего выбора.*

– Что вы от меня хотите услышать? – вскричала Эрис. – Если решу остаться здесь, буду целую вечность смотреть, как его мучают.

Если выберу его, возможно, придется убить родных сестер. Это вам нужно? Чтобы я кого-нибудь убила? Нельзя ставить перед таким выбором!

Печать оттолкнула ее, расплавленное стекло тут же затвердело. Брешь закрылась фрагмент за фрагментом, и Эрис отрезало от мира магии. Ее огонь хлынул в обратную сторону. По пальцам побежали волдыри. Девушка вскрикнула и от боли выронила цветок. С почерневших лепестков осыпались последние крупички золы. Факел погас, пещера погрузилась во тьму.

Пятна на шерстке пантеры померкли.

– Ты снова упрямо цепляешься за край пропасти, – прошептала она, а потом мавзолей снова наполнила тишина.

Эрис опустилась на колени и закричала. Потом уткнулась себе в колени и крепко зажмурилась. Из глаз хлынули слезы.

– Я совсем потерялась, – крикнула она, мечтая опять стать шестилетней девчушкой и чтобы папа подхватил ее на руки и обнял. Но его рядом не было. Он уже никогда не вернется.

Я совсем одна.

Что-то коснулось ее волос. Эрис тряхнула головой. Двигаться не хотелось. Тогда в спину ее толкнула какая-то другая, более мощная сила, и девушка невольно подняла глаза.

Перед ней стояла старая рабочая лошадка. Она заняла почти все место в усыпальнице. Лошадь иступленно перебирала передними ногами, низко опустив голову. Эрис прижалась спиной к стене и принялась успокаивающе гладить ее по подбородку и носу. Лошади в мавзолей ни за что было не протиснуться. Эрис несколько не сомневалась, что перед ней очередной мираж. Вот только она его не призывала, да и печать уцелела.

– Как...

Лошадь опять фыркнула, поймала зубами волосы Эрис и легонько потянула.

– Я так устала, – проговорила девушка, вытирая ладонью остатки слез. – Я не...

Знакомый голос прошептал ее имя. Он напомнил о пыльных пшеничных полях, которые она видела каждое утро. Об историях созвездий на небе, о том, кто научил ее всегда находить путь домой.

Лошадь дернулась сильнее и вдруг развеялась синим дымом. Вокруг девушки закружили тонкие струйки света, а потом с легким шелестом перетекли в коридор, устремились к выходу из мавзолея. Эрис, с трудом поднявшись на ноги и придерживаясь за стены, последовала за ними.

Все до единого фонари в городе не горели, мерцали лишь факелы в руках стражей, патрулировавших город ночью. Лошадь ждала Эрис у входа. Заметив девушку, она снова превратилась в облачко синего тумана. Оно поплыло вверх по лестнице, к Храму. Всякий раз, когда Эрис останавливалась в нерешительности, лошадь опять появлялась и ждала, пока девушка продолжит путь. Так они добрались до ворот у Храма.

Ветер рвался сквозь сломанную решетку Священных врат. Эрис остановилась посреди площади и задумчиво посмотрела на ступени, ведущие обратно, в город.

Нельзя вечно сбегать.

Ворота охотно поддались, когда она стала их открывать. Девушка поднялась на высокий порог и раздвинула белые завесы, за которыми скрывалось святилище. Перед ней возвышалась скала, обнесенная лестницей. Эрис сделала первый шаг. Лошадь снова исчезла в облаке тумана.

Когда девушка добралась до вершины скалы, ее встретила башня, возведенная уже не природой, а человеческими руками. Черный кирпич впитывал весь свет луны и ничего не отражал. Известь, которой были обмазаны щели меж кирпичами для прочности, почти вся осыпалась. Эрис то и дело спотыкалась о трещины. Скоро ноги уже задрожали от натуги, и пришлось останавливаться через каждые два-три шага, чтобы перевести дух. Синий туман клубился и густел вокруг нее, точно поторапливал.

Путь Эрис закончился в самой сердцевине искусственного лотоса – пятиконечной конструкции, которая смотрела прямо в ночное небо. Здесь городских огней видно не было, и звезды сияли чуть ярче.

А в нескольких шагах от себя девушка увидела Вечное древо.

Оно оказалось блеклым и истощенным, покрытым кровью и отпечатками пальцев и выглядело так, словно ни разу не носило на себе листья. Верховные священники до Виктории приходили сюда,

чтобы помолиться, и прокалывали себе пальцы, а потом мазали ствол кровью, разыгрывая историю победы над Тварью.

Эрис напрягла зрение, чтобы удостовериться, что это вовсе не галлюцинация. Легендарное дерево, первый росток лжи Саулоса и Ананоса, оказалось всего лишь чахлым кустиком. Может, когда-то оно цвело и пахло и действительно внушало трепет, не то что хилые сморщенные ветви сейчас.

– Помнишь? – шепнул ей из-за спины отцовский голос. – Помнишь, как я учил тебя находить путь домой?

Эрис взглянула на ночное небо, стала высматривать на нем звезды.

– Вон Полярная, – указала она. – Она всегда подскажет, где ты находишься.

– И где же ты? – спросил отец.

Эрис уронила руку.

– Я потерялась, – тихо ответила она. – Плыву по течению, которое непременно разобьет меня о скалы и поглотит.

– Ты уже так давно в бегах, а пути домой не отыскала.

– Бежать – все, что я умею. Я пыталась, отец, но бесполезно бороться с течением голыми руками.

– Выбор за тобой: можно смотреть, как вокруг ярятся волны, а можно их испепелить.

Эрис стиснула зубы.

– Не начинай. Неужели и ты велишь выбирать...

– Эрис, пойми. Я смотрю в твое будущее и вижу, что впереди тебя ждет беда, что бы ты ни выбрала. Но не забывай, что через смерть...

– Приходит жизнь, – закончила за него Эрис, готовая к такому выводу.

– Помни о вулкане и об огне, который расплавил черную дамбу. Помни, что тебя создало в ту ночь.

Эрис зажмурилась, вспоминая то неуловимое ощущение, которое пробудилось в ней, стоило ей коснуться огня.

– Что меня создало?

Огонь – мой создатель. Ослепительный свет против льдистого мрака, способный затмить даже солнце и расплавить землю. Пламя, пробудившее во мне жизнь. Я осталась жива благодаря ему. Эта сила иссушила меня, но и согрела своими угольками. Без нее я никогда бы не постигла всей глубины и незыблемости любви.

Эрис сделала вдох и признала то, что понимала уже давно, но никак не решалась сказать.

– Любовь к сестрам. Любовь к тебе. И к городу с его жителями, пускай здешняя жизнь меня и душила. И к нему, моему учителю, человеку, который подарил мне счастье и научил жить вопреки нестерпимой боли.

Она прокрутила в голове сказанное, и тлеющие угольки обернулись бледным огоньком.

– Я люблю его, – прошептала Эрис, вдумываясь в эти слова, сорвавшиеся с губ сами собой. – Люблю.

Девушка посмотрела на отца. На фоне полной луны стояла лошадь, окруженная ореолом синеватого тумана. Эрис с улыбкой забралась ей на спину и обвила шею руками.

– Пожалуйста, отвези меня к Чудовищу, – шепотом попросила она.

Лошадь пустилась галопом и спрыгнула с края лотоса. Эрис взмыла в воздух, закрыла глаза, подняла руки. Больше она не держалась. Лошадь снова обернулась туманным облаком, а Эрис рухнула вниз, наслаждаясь полетом и ветром, трепавшим ей волосы.

Глава тридцать седьмая

Ее нес стремительный поток, а синий туман, окутавший ее тело, не давал утонуть. На ощупь он был прохладным и нашептывал множество неразборчивых слов, точно какой-то незримый хор пел Эрис песню. Туман сам задавал направление, нес ее то в одну сторону, то в другую, а она нисколько не сопротивлялась.

А потом ветер снова царапнул ее по лицу. Эрис открыла глаза и увидела бескрайнюю смерть.

Плодородной земли, которая еще совсем недавно темнела вокруг, теперь и след простыл. Вернулась пустыня, водопады почти пересохли – остались лишь тоненькие ручейки. Молния вспарывала своими когтями мрачные облака, окутавшие землю, – теперь они собрались над самым замком Чудовища.

Лошадь под Эрис замерцала синим и начала таять – туман засочился сквозь пальцы девушки. Последний прыжок – и лошадиная голова исчезла, а следом за ней и все тело. Эрис повалилась вперед.

Шпили, по которым великан раньше поднимал ее на обсерваторию, обрушились. Девушка встала на ноги. Кругом валялись обломки и мелкий мусор. Вдалеке слышалась ритмичная канонада – горный хребет уже всюю обстреливали. Эрис торопливо перебежала мост. Его хрупкое основание подрагивало в одном ритме с землей.

Он заранее знал, что они придут. Он забрал плоды всех ее трудов и превратил в грубую силу, которая сеет смерть и разрушение.

Она должна положить этому конец.

Эрис ударила кулаками по запечатанным дверям Большого зала, надавила на них со всей силы. Одна из створок со скрипом приоткрылась, и девушка протиснулась внутрь. Пол тоже был усыпан

камнями – по пути она несколько раз споткнулась. В воздухе, пропитанном лунным светом, летали облачка пыли. Дубовый стол был перевернут, стеклянные окна разбиты. Через всю комнату протянулись упавшие колонны. Эрис перебралась через все эти завалы и побежала по коридорам, чтобы поскорее попасть в сад, где она бывала каждый день, когда здесь жила.

Цветы и листья папоротника исчезли, точно их и не было. Искривленное дерево, стоявшее посреди сада, лежало на земле, выдернутое с корнем, – должно быть, повалилось набок под собственным весом. Кругом летали хлопья пепла, от роз остались лишь иссушенные веточки. Железная решетка была разломана на десяток кусочков.

Эрис взбежала по лестнице в обсерваторию. Канделябров, которые когда-то освещали ей путь, больше не было. Люк, ведущий в ее комнату, был распахнут, и она торопливо забралась внутрь. Лунный свет лился сквозь пробитый купол. Здесь все осталось как было: никто не заправил постель, на манекенах висели те же платья, на полу валялись те самые книги, которые она не успела дочитать. Наверное, он на крыше, подумала Эрис и собралась уже было подняться туда по лестнице, когда путь ей заслонила тень.

Ее сбило с ног и придавило к полу чем-то тяжелым. Девушка вскрикнула от испуга, но крик потонул в громком треске. Когти великана вонзились в половицы совсем рядом с ней.

Его маленькие зрачки вытянулись, превратились в узкие вертикальные щелочки. Шрамы мерцали и источали зеленоватый дым при каждом движении. Великан простонал от боли. Он поднял вторую руку и занес для удара. Когти блеснули в лучах лунного света.

– Это же я, Эрис! – испуганно вскрикнула девушка, протянув ладонь к его лицу.

Великан отпрянул, оттолкнул ее руку.

– Довольно доброты. Я забыл о своем вековом одиночестве, о предательстве, распалившем во мне ярость. Зря я тебя не убил, – прорычал он, прижав Эрис к полу еще сильнее, – и не забрал магию силой.

Грудь Эрис так сдавило, что стало трудно дышать.

– Я пришла тебя предупредить, – прошептала она с трудом. – Город готовится к битве. Через месяц они нападут.

– Прекрасно, – сплюнув, ответил великан. – Пускай приходят. Пусть попробуют убить бессмертного.

– Армию поведет совет, – добавила Эрис, – и мои сестры.

Чудовище пробило половицы второй рукой. Эрис уже и сама не могла понять, это под ней дрожат доски или она сама содрогается от ужаса.

– Так, значит, ты решила им помочь и привела их сюда? – спросил великан. – Ты меня использовала, а как научилась сама применять магию, стала искать способ со мной разделаться.

– Ничего я им не рассказывала, – вскричала Эрис, пытаясь оттолкнуть тяжелое тело, придавившее ее к полу. – Они с самого начала знали, где ты прячешься.

– Ты сбегашь, а потом город ни с того ни с сего решает напасть на меня после многовекового затишья. За дурака меня держишь?

– Я ни разу... Ни разу тебе не лгала! – воскликнула Эрис, судорожно хватая губами воздух. – Они планировали нападение с тех самых пор, как сожгли розы, которые ты дал моему отцу. И я рассказываю тебе об этом, потому что не хочу, чтобы так и случилось.

– Тогда ты живешь во лжи. Колесо времен неумолимо крутится и не остановится, кто бы ни просил. Когда они явятся, узнают, с какой яростью я перерезаю глотки.

– Прошу, забудь о ненависти к братьям. Можно ведь сбежать и спрятаться...

– *Спрятаться?! – Чудовище рассмеялось и занесло руку для нового удара. – Не собираюсь я молча стоять и смотреть, как люди, пропитанные лживыми рассказами моих братьев, несут этот обман дальше.*

– Зачем же ты цепляешься за прошлое, которое помнишь лишь ты один?

– Больше у меня ничего нет, – рявкнуло Чудовище. В его голосе сквозила горечь, а вскоре вес, давящий на Эрис, слегка заколебался. Девушка вдохнула и заколотила кулаками по великанской груди, силясь вырваться. Но стоило ей пошевелиться, и она с удивлением поняла, что дрожь исходит вовсе не от ее тела.

Девушка замерла и подняла глаза. Потянулась к его рукам. И в этот самый миг поняла, что ей больше не страшно.

– Я помню свою историю и все то, ради чего живу, – прогремел великан. – Больше не сбивай меня с пути.

– Когда ты научил меня всему, что я знаю, ты окружил меня пониманием, какого я прежде никогда не встречала. Когда ты открыл мне свое лицо, ты показал готовность пожертвовать гордостью. – Эрис сглотнула. Вот она, та самая точка, куда ее вел жизненный выбор, вот тот самый момент. – А в танце ты дал мне понять, что готов пытаться.

Великан задышал медленнее.

– Нет, – ответил он хриплым, пропитанным горечью голосом. – Не могу.

– Ты ведь уже проиграл, – напомнила девушка. – Можно снова и снова прокручивать в голове мысли о поражении, думать, что бы ты изменил, но этим делу не поможешь. А если ты опять вступишь в битву, проиграешь вновь.

Великан приник к девушке. Его дыхание обожгло ей лицо холодом.

– Не надо было тебе возвращаться, – прошептал он.

– А я рада, что вернулась, – ответила Эрис и прижалась к его лбу своим.

– Ты отняла у меня все, чем я был наполнен, – процедил он. Его слезы падали Эрис на щеки, бежали вниз по шее.

Она подняла раскрытую ладонь, нащупала руку Чудовища и обхватила два пальца. Кожа у него по-прежнему была холодной. Эрис положила ладонь великана себе на плечо, нежно провела по ней кончиками пальцев, точь-в-точь как в тот день, когда он впервые снял при ней капюшон. Чудовище не отстранилось, чувствовалось, что и оно все помнит.

Мысли Эрис прояснились. Она четко поняла, что сделает дальше. К этому чувству она уже начинала привыкать, и это успокаивало. Великан показал ей свое лицо, хотя прежде скрывал его от всех, даже от себя самого, что это, если не знак доверия? Хотя он ждал от нее предательства с тех самых пор, как начал учить ее магии, и хотел убить, когда она выполнит обещание. Воспоминания о преступлении братьев неподъемным бременем лежали на его душе, отягощали мысли. Эрис понимала, что от них уже не избавиться. Сейчас в ее силах только одно: показать в ответ, как она доверяет ему.

– Надо было сделать это тогда ночью, на крыше, где ты впервые показал мне себя.

Эрис обвила его руками, прижалась к нему. Великан, точно его застали врасплох, робко – с удивительной для такого сильного тела нежностью – коснулся ее талии – ему явно не хотелось причинять ей боль, но и с желанием заключить ее в крепкие, страстные объятия трудно было бороться.

– Мне так жаль, что я раньше этого не говорила. – Девушка осторожно смахнула слезы великана, приподнялась и поцеловала его. Губы у Чудовища оказались холодными, сухими, кожа на них шелушилась, но ее это нисколько не отвратило. – Я люблю тебя.

Великан перестал бороться с собой и подхватил Эрис на руки – он так крепко прижал ее к себе, что оторвал от пола, – а потом со всей страстью ответил на ее поцелуй.

– Люблю, люблю, люблю тебя, – прошептал он, обжигая ей ухо своим дыханием.

Его пальцы нырнули под кружево рубашки, расстегивая ее. Вскоре Эрис уже лежала под ним обнаженной. Холодный лунный свет лился ей на кожу.

Я дома.

* * *

Чудовище бережно опустило ее на кровать самого верхнего этажа. Эрис повернулась набок и стала смотреть на небо. Ветерок слизывал пот с ее тела. Великан устроился рядом. Сердце у него по-прежнему колотилось, а тепло еще не успело рассеяться.

Он провел когтями по ее спине.

– У тебя тут царапины, – тихо подметил великан. – Это из-за разломанного пола. Надо было нам на кровать переместиться.

От его касаний по телу Эрис побежала дрожь.

– Я ни о чем не жалею.

– Ты меня изменила, – проговорил он. – Я и не думал, что смогу кого-нибудь полюбить... и что полюбят такого, как я.

Эрис смотрела на небосвод, молча припоминая имена созвездий. Вдалеке захлопали крылья. Наверное, какая-то птица не смогла

преодолеть горный хребет и протиснуться на эту сторону. А где-то там продолжала свой путь городская армия. Она шла сюда за ним.

Думать о близкой войне не хотелось, особенно теперь, когда они лежали бок о бок и им было вместе так хорошо и спокойно. Эрис повернулась к великану и стала ласково играть со шрамами на его теле. Она пробежалась подушечками пальцев по бугоркам на его груди, вычерчивая узор клейм. Наклонилась и стала целовать их, медленно поднимаясь к плечам и шее, а потом впиалась во влажные губы. Великан коснулся ее талии, не прерывая поцелуя. Ободранная кожа засадила под его пальцами.

Но радость потускнела. Как Эрис ни хотелось позабыть обо всем и сделать вид, что они просто провели очередную ночь в обсерватории, она знала, что ее путь неизбежно закончится у трона свергнутого короля.

– А можно как-нибудь снять проклятие? – наконец спросила она. – Сломать печать, которая сдерживает твою магию?

– *Проклятие будет незыблемо лежать на Твари, покуда она бессмертна.* Вот как они мне сказали.

– Значит, это навсегда. Да, плохо дело, – пробормотала девушка. – А ты... можешь добровольно отказаться от бессмертия?

Великан нахмурился, точно эта мысль никогда еще не приходила ему в голову.

– Не знаю. Я ни разу не пытался. Сейчас меня беспокоит лишь двойственность нашей магии. Магия отвергает магию. Я еще не до конца понял эту идею, слишком уж она нова. Если мою магию уничтожить, наверное, и бессмертию придет конец, а вместе с ним и проклятию.

– Но сейчас твоя жизнь тесно сплетена с магией, – напомнила Эрис. – Если совет победит твои чары, тебя убьют.

– Верно. Это опытные чародеи, им под силу меня одолеть безо всяких последствий. – Великан кивнул на грозовые тучи над обсерваторией. – Но все, что ты тут видишь, – засуха, пустыня, – это мои попытки впитать силу твоей магии, чтобы укрепить свою. Не так уж я и беспомощен.

– Но если ты погибнешь и я захочу тебя вернуть...

Чудовище тяжело вздохнуло.

– Эрис, мы же это уже обсуждали.

– Давай продолжим. Пожалуйста.

Великан уткнулся носом ей в шею.

– Забудь, что ты проводник для магии. Вспомни, что чувствовала во время пробуждения, и усиль эти ощущения.

Эрис нахмурилась.

– Как можно усилить спокойствие? Это все равно что пытаться сделать тишину громче.

– Видишь, не все так просто. Я могу посоветовать только нырнуть корнями еще глубже, впитать всю силу и попробовать. Я пытался. Не получилось. И теперь эти люди прокляты, обречены снова и снова переживать предсмертные секунды. – Великан содрогнулся и крепче прижался к девушке. – Конечно, промельк жизни лучше небытия, но он муке подобен.

– Значит, биться нам нельзя. Надо сделать так, чтобы тебя не нашли.

– Есть другой путь, – сообщило Чудовище и легло сверху, обхватив ладонями лицо Эрис. – Слейся со мной, черпай мою магию. Если будем действовать вместе, есть шанс их победить.

– Я не стану воевать с сестрами.

– Не с сестрами, а с Кешгиумом. Если совет это все задумал, как ты и рассказываешь, мы дадим ему отпор, а сестер не тронем. Придумаем, как их уберечь.

Биться или спрятаться. Второй план она представляла очень смутно. Как беспрепятственно оградить Чудовище? Если совет может ворошить пепел и рассекать камни чарами, великану негде спрятаться. Но и кровопролития девушка не хотела. Если они проиграют, в городе появятся новые статуи с изображением поверженной Твари, одна страшнее другой. Нельзя гарантировать победу в битве с тремя магами и их батальонами, даже если действовать совместными силами. А за призрачный успех она получит бессмертие, всецело подчинится магии и прослывет колдуньей.

Эти мысли она решила не высказывать, но Чудовище прочло это по глазам и приподняло ее подбородок длинными пальцами. Потом склонило голову набок, ловя взгляд девушки.

В глубине души вострепнулась юношеская вера в то, что она все же сумеет их спасти.

– Наверное, лучше было бы, не появись из-за меня та трещина в горе. Тогда отец и не смог бы посадить эти розы.

– Тогда мы бы не встретились.

– Думаешь, оно того стоит? Столько гнева, сплошная разруха, а в награду лишь любовь?

Великан прижал ее к матрасу, обхватил ногой ее бедра.

– Эрис, если бы я знал, что ты меня полюбишь, я бы ждал у горы и не побоялся бы вечных мук.

Девушка радостно рассмеялась, устраиваясь поудобнее.

– Это ты сейчас так говоришь. Подожди несколько столетий – и начнешь на стену лезть от моего упрямства!

– Ты как-то сказала, что никогда не будешь мне лгать, – напомнило Чудовище без тени веселости в голосе. – А я надеюсь, что ни разу не дам тебе повод усомниться в правдивости моих слов. Радость, которую ты мне даришь... Такого я не испытывал никогда, даже в тот краткий миг, когда стал хозяином всего мира. Ты готова была рискнуть жизнью, лишь бы меня защитить, ты показала мне и моему краю, что такое сочувствие. Такого в моей жизни еще не было. Прежде я никогда не любил. И я твой, целиком и полностью.

Тронутая этим признанием, девушка прижала Чудовище к себе, впилаясь ему в губы страстным поцелуем. Отчаяние, которое она ощутила в усыпальнице, преобразилось в нечто другое – в гнев. За ним явится совет. Трое сановников, которые появляются только на церемониях, а все остальное время скрываются в Храме. А с их именами на устах выступит армия – людское море в одинаковых доспехах, в котором не будет ни единого знакомого лица. Лишь безымянные души, к которым она никогда не прикоснется и которых так и не узнает.

А вот *его* души она коснулась, как и изуродованного тела, теперь лежащего рядом. О, эта кривая усмешка, сломанный рог, нервное поглаживание ладони большим пальцем в минуты переживаний. Пальцы Эрис легонько дернулись. Да она землю рыть готова, чтобы только его спасти.

Душа ожесточилась. Ее сестры сделали выбор, так что же она медлит? Нельзя спасти всех.

Хватит с нее попыток.

Если кто-то из вас за ним явится, я всех уничтожу ради него.

Эйфория рассеялась, тело отяжелело. Эрис откинулась на подушки.

– Осада только началась, – сжав его руку, сказала она. – У нас чуть меньше месяца на подготовку. Мы спасем тебя и моих сестер. Мне плевать, что будет с советом. Если придется пролить кровь, я готова.

Великан растянулся рядом. Его грудь ходуном ходила, но дыхание постепенно становилось глубже и медленнее.

– Будь я свободен от этого места, может, все не зашло бы так далеко.

– Здорово было бы обрести такую свободу, – пробормотала она, понимая, до чего несбыточны такие фантазии. – Путешествовать, куда только вздумается... Настоящее счастье, лучше и придумать нельзя.

– Согласен, но только если с тобой.

Она придвинулась к нему и подтянула колени к груди. Великан обвил ее за талию.

– Спокойной ночи, – по своему обыкновению пожелал он. Вот только в этот раз уходить он не собирался.

Эрис крепко обняла Чудовище. Скоро колесо времен снова повернется, и война явится к ним на порог, но сегодня – *сегодня* – великан принадлежит ей.

Глава тридцать восьмая

Эрис то забывалась сном, то просыпалась и ложилась поудобнее, когда затекали ноги или руки. Великан вторил ее движениям, иногда переплетал с ней ноги, иногда поудобнее укладывал руку ей под шею. Иногда они спали лицом к лицу, и он обнимал ее за спину. От него по-прежнему пахло дождем. Эрис наслаждалась теплом постели, представляя, что за окном льет дождь. Ей не хотелось отстраняться от Чудовища, она наслаждалась его прикосновениями, грубой кожей, покрытой выпуклыми рубцами, – наслаждалась, насколько позволяла сонливость.

– Да хватит пинаться, – пробормотало оно посреди ночи и переместило стопу Эрис себе на бедро – до этого она упиралась ему между ног.

– Прости, – проворчала она в ответ и хотела было повернуться к нему спиной, но он обвил ее ногами. Они оба немного поерзали и тесно сплелись, обхватив коленями бедра, а стопами – лодыжки друг друга.

– Нужно будет найти кровать пошире, если так продолжится, – подметило Чудовище. – А то мы вдвоем тут не умещаемся.

Эрис ответила смутным бурчанием и снова провалилась в сон.

В следующий раз она проснулась оттого, что великан изменил положение. Грозные облака за ночь не рассеялись, в них слышалось эхо грома.

– Не уходи, – попросила Эрис, слепо хватаясь за Чудовище.

Он сидел на краю постели, спиной к ней.

– Я все думал о твоих словах, – проговорил великан. В голосе уже не было сонливой сипоты – кажется, он давно проснулся. – Про то,

что надо жить в настоящем, а не в прошлом. И не думать, будто всю мою ценность определяет лишь оно. – Чудовище кивнуло на крышу замка. – И тосковать по давно позабытой эре.

Девушка приподнялась на локте.

– Так-так, и что?

– Пожалуй... Пожалуй, если бы тебе хватило сил поднять завесу между мирами и увести меня с этой земли, мы могли бы ее покинуть.

– Ты хочешь, чтобы я сломала барьер, который не пускает тебя наружу? – уточнила Эрис, удивленно вскинув брови.

– Это ведь из-за тебя появилась трещина у подножия скалы. Думаю, тебе под силу надломить и волшебную завесу.

– Но что будет дальше? Если проклятие сохранится, тебя ведь ждет вечная боль, разве не так?

– Я не знаю. Может, она возникает лишь на грани между мирами. А если и завесы никакой не будет, не будет и страданий. В противном случае... На месте решим, что делать.

– А как же эта земля?

Великан скользнул взглядом по стенам обсерватории.

– Я буду по ней скучать. Но здесь я напрасно растрачивал свою жизнь, думая о мести. Пришло время поразмыслить о будущем. Можем отправиться в путешествие, только не в тот самый город, – великан скривился, – а в другие, о которых ты мне рассказывала. Где есть порты и море. Здорово было бы. Главное, чтобы ты была рядом.

Эрис перекатилась к нему, невольно зашипев от боли. На талии у нее осталась целая россыпь алых полос от великанских когтей.

– Ох, я тебя поранил! – воскликнуло Чудовище, заметив царапины.

– Забавное замечание, учитывая, что ты едва меня не убил, когда я вернулась, – насмешливо напомнила девушка.

Великан поморщился и закрыл лицо руками.

– Прости меня.

– Да ладно тебе! – Эрис со смехом обняла его за спину, положила голову ему на плечо, чмокнула в щеку. – Будет что вспомнить!

Великан не рассмеялся в ответ, только сильнее поник и так сильно нахмурился, что на глаза упала тень.

– Когда ты ушла, я постоянно гадал, где же ты. Может, сошла с тропы и проложила свою через лес, может, стала морячкой на корабле, может, охотницей. Думал: вот однажды ты влюбишься и с годами позабудешь меня. А я так и останусь гнить здесь от тоски по тебе, буду ждать, только ты уже не вернешься. И эти мысли всё сильнее одолевали меня, напоминали о том, что я остался один.

– Я тоже о тебе думала, – призналась Эрис, расчесывая пальцами ему волосы. – В городе я не видела звезд. Уже одно это напоминало о красоте этого края, о даре, который ты мне преподнес.

– Я постоянно грезил о тебе и ненавидел себя за это. Пришлось навязать себе мысли о плане мести, иначе отвлечься не получалось. А когда ты вернулась... я вспомнил об обещании, которое тебе дал. И мне стало невыносимо больно.

Эрис зажмурилась, крепче обвила его плечи, приникла к нему всем телом.

– Теперь я рядом, – сказала она.

Великан поймал ее за руку и прижал к губам.

– Расщелина в горе – самый узкий участок границы между мирами, но армия надвигается именно с той стороны.

– Тогда пойдем на запад, поближе к вулкану. Там густой лес, в нем проще будет спрятаться.

Когда великан легко подхватил Эрис на руки и закружил, она со смехом вцепилась ему в спину. Чудовище поставило ее перед манекеном. На нем было платье – такого красивого наряда Эрис в жизни не видела. Черное с золотистыми пятнышками и разрезами на плечах и локтях, оно было обшито внутри кроваво-красной тканью. Эрис стала снимать его, а великан собрал ткань, лежащую на полу, и обмотался ею.

Наряд оказался не из простых – самостоятельно одолеть шнуровку на спине было не так-то легко. Чудовище подsunуло ладони под руки Эрис, потянуло за ленточки, поправило корсет.

– Признавайся: ты знал, что одной мне не справиться! – шутливо укорила она. – И специально выбрал это платье, чтобы меня полапать!

– Все остальные были не по размеру, – уточнил великан, но тоже без тени серьезности.

Золотистый узор на платье поблескивал в туманном свете. Утреннее солнце еще пряталось за облаками, но небо просветлело

в его лучах, а у горизонта разлилось оранжевое мерцание. Молния на миг рассекла мрачные тучи.

– Наверное, тебе больно было создавать эту бурю, – сказала девушка, вспомнив, как множество ночей тому назад Чудовище без сил повалилось на стол после попытки управлять тучами.

Великан потер большим пальцем ладонь.

– Это необходимо, если впереди война. Сейчас мои возможности приумножены, и, если все получится, возможно, мы уничтожим завесу между мирами раньше, чем явится войско.

Одиночный громовой раскат пронзил слух Эрис. Она поморщилась – до того резким был этот звук, – а великан сощурился.

– Это не гром, – произнес он, а отметины на теле замерцали зеленым.

Снова несколько раз прогремело – и звук все нарастал. Потом и земля задрожала.

Эрис выглянула на улицу. По небу, источая черный дым, летели огненные шары. Едко пахло гарью. Не успела она осознать, что это значит, великан подхватил ее на руки и выскочил из обсерватории.

Они пришли.

Глава тридцать девятая

Стены обсерватории разлетелись на кусочки. Пушечный огонь перекинулся на деревянный секстант. Чудовище соскользнуло с башни, перепрыгнуло на соседний шпиль, и в этот момент стена обвалилась, подняв облако пыли.

– Нет, нет, нет! – вскричала Эрис. – Мэтью же говорил про месяц, не может же быть, чтобы...

– Что это такое? – крикнуло Чудовище. – На снаряды для требушета не похоже.

Стены сотрясали громовые раскаты, в лицо девушке и великану полетели осколки. Еще одна часть замка осыпалась в облаке дыма.

– Это пушки.

– Пушки? – удивленно переспросило Чудовище.

– Таких быстрых и мощных осадных орудий ты на своем веку не видел, – сказала Эрис.

Горы между лесом и замком исчезли, на их месте зияла огромная яма, и в нее, словно белые струи, стекались отряды всадников в белых доспехах и на белых же конях. С боевым кличем они спешили к замку. Горожане срубили и без того редкие деревья, чтобы освободить место для пушек. Теперь обстреливать замок можно было без особого труда.

Великан приземлился во двор и поставил Эрис. Стоило ему выпустить ее из рук, и шрамы вспыхнули зеленым. Вокруг них закружила струя мощного ветра. Чудовище вскинуло руку, и в воздух поднялась пыль. Облака повторили движение ветра, сгустились, превратились в ураганный вихрь. Он затмил солнце и погрузил всю землю во тьму. Бездонная пропасть стала еще мрачнее, из нее поднялся

черный туман. Он заструился вверх по скалам, а потом растекся вокруг замка. Эрис узнала тихий, неразборчивый шепот мертвецов.

– Уходи, – велело Чудовище. – Я в ловушке, у меня больше нет выбора.

Эрис покачала головой и прижалась к нему крепче.

– Я устала от вечных побегов.

– Я не хочу, чтобы ты пострадала.

– Это мой выбор – остаться здесь, с тобой.

Тень улыбки тронула его скорбные черты. Великан поднял обе руки, и туман с шипением запульсировал вокруг девушки. Чудовище слегка наклонилось и задышало тяжелее, пытаясь сокрушить оковы, наложенные на него. Туман спустился и принял форму сотни тысяч всадников. Вместо лиц у них были черные черепа, доспехи были сотканы из дыма, ленты на них не двигались, несмотря на ветер. Их скакуны из костей и железа тоже застыли – они не рыли копытами землю и даже не фыркали. Время не тронуло эти фигуры.

Шепот стал громче.

– *Аэру, молю о моей новорожденной дочурке, Пиш...*

– *Произошла ошибка, меня ждет мать...*

– *...Не здесь, не сейчас, пожалуйста...*

Обрывки фраз слились, рты распахнулись, из них вырвался крик, на который неспособно было ни одно живое существо. Эрис испуганно вздрогнула. Зажимать уши оказалось бесполезно.

Призрачной армии мало. Она тоже должна его защитить.

– Подожди, – попросила девушка и направилась к мосту.

– Эрис? – тяжело дыша, позвало Чудовище.

– Этот край был добр ко мне, а теперь ничего не осталось. – Белая кавалерия неслась к мосту. Воины открыли рты и крепко сжимали мечи, а лошади мчались, не замечая хаоса позади. – Вы его не тронете, – прошептала Эрис, глядя на армию.

Девушка упала на колени и вонзила пальцы в землю. Прохладная почва облепила ее ладони. Эрис направила в землю всю свою силу.

– *Оживайте в полную мощь,* – попросила она голоса. – *Восстаньте.*

Земля задрожала и раскалилась под ее пальцами. Эрис продолжила ее разрывать, набирая все новые горсти, а та ревела и чего-то ждала,

но не двигалась. Девушка закричала и выплеснула остаток сил, чтобы только разбудить ее.

– *Восстань!*

Земля задрожала сильнее, мост покачнулся. Его опорки затрещали, посередине пробежала трещина. В стороны посыпались кусочки камней, и мост распался надвое. Лошади, округлив от страха глаза, принялись тормозить у края пропасти, но инерция еще какое-то время влекла их вперед, и первые ряды конницы попадали в бездну. Боевой клич солдат сменился жуткими воплями, пронизанными ужасом.

Великан выпустил вперед свою мрачную армию. Бесплотное войско двинулось в бой, скользнув мимо Эрис, и беспрепятственно преодолело пропасть. Туман хлынул в разверстые рты выживших солдат. Закатывались глаза, падали лошади, крики не стихали ни на миг.

– *Восстань!*

Земная твердь опять задрожала – да так, что трудно было устоять на ногах. Великан опустился на колени рядом с Эрис и прижал ее к себе, стараясь не потерять равновесия посреди этого рукотворного разгула стихии. Мышцы девушки болели от натуги, а она все не выпускала землю, и наконец с оглушительным треском ее участок, окружавший замок, отделился.

– *Вверх!* – скомандовала Эрис земле, и замок взмыл в потемневшее небо.

Загремела пушечная канонада. В небо взмыли дымные кометы и понеслись в сторону замка.

– *Защити нас.*

Эрис набрала горсти земли и вскинула руки, подбросив над собой ее комья. Снаряды, соприкасаясь с ними, стали взрываться на тысячи кусочков и осыпаться вниз. Эрис повелела земле взвиться еще выше, и они оказались под самым вихрем облаков. Ветер оглушительно завывал вокруг. Молния ударила в шпили, грянул гром, но его шум потонул в хриплом и надсадном старческом вопле.

Великан упал, схватившись за изуродованную часть головы. Зеленый туман, пульсируя, заскользил по его телу. Он застучал зубами. Каждый вздох заканчивался исступленным криком.

– Я... я обязательно найду способ сломить барьер, – пообещала Эрис, прижимая Чудовище к себе и горько жалея, что не может

прекратить его боль. – Тебя не тронут, я им не позволю.

– Ничего не выйдет, – подметил чересчур знакомый голос.

У ворот стояли две лошади. Всадники были одеты в белые доспехи с алыми плащами, трепещущими на сильном ветру. Во мраке полыхнули белый кристалл и лезвие, разлив вокруг радужный ореол.

Эрис напрягла зрение, сиюсь разглядеть хоть что-то за градом осколков. Наверное, зрение ее обманывает. Девушка вскинула руку, и ураган замерцал от ее касания. Она обвела пальцем странный мираж в надежде, что он задрожит и растворится.

Жезл едва заметно дрогнул, и ветер улегся.

– Я же говорила: отпускать ее – страшная ошибка, – заметила Виктория. – Она – рабыня, ее уже не спасти.

Слезы побежали по лицу Констанции. Ее безмолвная боль ранила Эрис сильнее любых слов Виктории.

– Мне так жаль, – сказала девушка.

Виктория со вздохом покачала головой.

– Твоя магия впечатляет, Эрис. Мою печать над городом еще никто не ломал.

– Но ведь маги – это советники... Как же ты... – Эрис осеклась, вдруг осознав единственную правду. – Получается, колдовал не совет, – разинув от удивления рот, сказала она, – а вы!

– Мы и не догадывались, что у тебя есть колдовской дар, – проговорила Констанция. – Вот почему старались об этом...

– И давно ты знаешь правду? – рявкнула Эрис.

– С детства.

– А Виктория?

– С тех пор, как Бахадус меня нашел и я всему ее научила.

Ярость наполнила грудь Эрис.

– Так вы мне всё это время лгали, – процедила она с трудом – горло сдавил спазм. – Всю мою жизнь. Вы не рассказывали мне о магии. И совет ни о чем не знал.

– Надо было уходить подальше отсюда, когда Стаци тебя отпустила, – заметила Виктория. – Ты не оставила мне выбора.

– ВЫ ПРЕДАЛИ МЕНЯ! – крикнула девушка, перекрывая вой ветра. – Я хотела все это остановить, а вы, *вы* уничтожили плоды всех моих стараний!

Виктория кивнула на Чудовище.

– Единственный способ прекратить войну – убить эту Тварь, – отчеканила она и перевела взгляд на сестру. – Я сразу заподозрила неладное. Ты так восторженно отзывалась о нем, так его защищала... напрашивался вывод, что ты питаешь к нему... теплые чувства.

– Не то слово. Я люблю его. – По коже побежали мурашки. Признать это во всеуслышание было радостью, пускай и мимолетной.

Сестра сощурилась.

– Тварь околдовала тебя, как когда-то отца.

– Если ты всерьез веришь, что магия может управлять людскими мыслями, ты мало в ней понимаешь, – произнесло Чудовище, поднимаясь на ноги. Оно уже не держалось за голову, а зрачки сузились так, что их едва было видно.

Виктория вскинула жезл в воздух.

– Достаточно, чтобы уничтожить такую зверюгу, как ты.

Белый кристалл стал алым. Столп пламени пронзил тучи и ударил в то место, где стоял великан.

Эрис вскрикнула, кинулась к огню, но тот, зашипев, обернулся паром.

– Вы ее семья, – проговорило Чудовище. – Я не хочу с вами биться.

– А вот монстры такой чести не заслуживают, – парировала Виктория. – Ты околдовал нашу сестру!

Эрис стиснула кулаки. Упрямство Виктории невозможно было сокрушить никакими словами.

– Быть с ним – это мое решение.

– Он тебе что, любовь посулил? – спросила Констанция – ее голос едва можно было расслышать за воем ветра. – Мы сами тебя ею окружим. Тварь убила не одну семью, она погубила нашего отца, наших учителей. Любовь этому монстру неведома. Он солгал тебе и всегда будет лгать.

– Это неправда, – возразила Эрис. – Стаци, молю, отпусти нас. Мы исчезнем и больше никогда вас не потревожим.

– Исключено, – сказала на это Виктория. – Миру не бывать, если зло выживет. Оно вернется, как и всегда, так что нужно покончить с ним здесь и сейчас.

– Он бессмертный. Вам его не убить, – объявила девушка, чтобы сбить с сестры спесь.

– С ним не справится лишь слабый маг, – парировала та. – Прошлые Верховные священники такой возможности не имели, а короли оказались милосердны. Я же – совсем другое дело.

– Эрис, а ты никогда не думала, что Чудовище тебя обманывает? – продолжила Констанция. – Ты же видишь: слова королей принесли нам лишь благо, истинны они или нет. Если бы магия была разрешена всем, по нашим землям бродили бы тысячи таких вот Тварей. Оно ничего тебе не дало. Оно ничем не правит. – Стаци прикусила губу и протянула руку Эрис. – И не управляет ничем, даже тобой. Его ждет поражение. Вам эту войну не выиграть.

Эрис поморщилась.

– Ты стала говорить совсем как Виктория, – процедила она. – Я выбираю его как раз потому, что у него ничего нет. Должность Второй сильно тебя изменила.

Констанция покачала головой.

– Это все ведь не в одночасье случилось. Виктория помогла мне, когда я не могла справиться со своим даром. Я плакала ночи напролет, пыталась понять, кто же я, разобраться, что говорится о таких, как я, в книгах. И только Виктория меня поняла, только она показала мне, что я вовсе не мерзкое отродье и могу творить добро. Я обязана ей жизнью.

– Настолько, что на меня ополчилась, – гневно воскликнула Эрис.

– Довольно, – прервала их Виктория, подняв жезл. – Очевидно же – она свой выбор сделала. Я не собираюсь отвлекаться от главной цели.

Незримая сила отбросила Эрис в сторону. Она упала на землю, ободрав кожу. А когда подняла взгляд, зрение ей заслонила стена пыли, подхваченной ветром. Тщетно она пыталась прорваться сквозь эту завесу, напрасно кидала в нее все, что попадалось под руку. А тем временем по другую сторону песчаной стены шла битва между ее сестрами и великаном.

Кони сестер двигались так проворно, что расплывались перед глазами мутными пятнами. Из жезла Виктории вырывались клубы пламени, несмотря на мощную бурю. Они обвились вокруг рук великана, вырваться из их плена у него не получалось, как он ни старался. Виктория ударила его жезлом и поскакала прочь, Констанция, скакавшая в обратную сторону, рассекла ему кожу мечом.

Клейма на теле Чудовища раскалились добела, и огонь из жезла растаял в изумрудной дымке. Дождь усилился, а капли превратились в шипы и забарабанили по доспехам сестер, оставляя на них вмятины. Виктория подпрыгнула и вскинула жезл высоко над головой великана. Он проследил за ней взглядом, и с неба тут же опустились тучи, повалив ее на землю. От удара земная твердь сотряслась.

Тонкие и острые лезвия, которые прежде были дождевыми каплями, вспыхнули, отражая свет молнии. Чудовище запустило их в Викторию и бросилось на Констанцию. Виктория возвела вокруг себя стену, защищаясь от атаки, а великан одним ударом убил скакуна Стаци. Констанция упала, но мгновенно вскочила на ноги. Над ней навис кулак Чудовища.

Виктория подняла в воздух россыпь каменных осколков и обрушила их на плечо великана. Тот пошатнулся, и Констанция вонзила меч ему в живот. Великан взревел, наружу брызнул алый фонтан, оросив белые доспехи Стаци. Воспользовавшись моментом, Констанция провела лезвием вверх и рассекла грудь Чудовища.

– *Нет!* – вскричала Эрис.

Из-под земли вынырнули кусочки железа, слились и переплавились в длинную цепь. Виктория взмахнула жезлом, и эта цепь обвилась вокруг Чудовища, пригвоздила его к земле. Оно взревело, сопротивляясь незримой силе. Железо побелело, потом стало красным и впилось ему в кожу, а дождь все шел, смывая кровь с раскороченной груди.

Эрис ударила по земле кулаками. Ну уж нет, больше ее под замок не посадят.

Ладони стали горячими, и земля под ними превратилась в лаву. Девушка подалась вперед, потащила за собой густую, похожую на деготь массу, подняла в воздух расплавленный камень. Когда он остыл, на его месте появилась твердая земляная стена. Эрис соединила

ладони, сосредоточила всю свою магическую силу в кончиках пальцев и пронзила стену.

Грянул взрыв, камни взмыли в воздух. Эрис бросилась к Виктории. Один удар кулака – и шанфрон – железная маска, защищавшая морду лошади, – погнулся внутрь. Послышался скрип, треск костей, скрежет железа, и лошадь упала в самый разгар галопа. Эрис набросилась на сестру, повалила ее на землю.

Не могу я больше спасать всех.

Эрис со всей силы ударила кулаком по серебряным доспехам Виктории, надеясь добраться до сердца сквозь металл, шелк и бархат и замедлить его стук, но Виктория поймала ее за руку, и все кругом пошатнулось. Эрис упала на спину, больно ударившись. Железные звенья зазмеились вокруг жезла Виктории, слились в одну длинную цепь. Оковы оплели Эрис, придавили к земле.

Эрис отчаянно задергала цепи.

– Я ваша хозяйка! – сказала она. – Я служу владыке этих земель. Подчиняйтесь мне, а не этим изменникам!

Цепи послушно ослабли. Девушка быстро вскочила и направила их на Викторию.

Констанция успела разрубить их, поднырнув под сестрой, и коснулась рукоятью меча груди Эрис.

У девушки перехватило дыхание. Она схватилась за грудь, согнувшись, и в этот момент Констанция подставила ей подножку.

«*О да, старый фокус*», – успела подумать девушка, пока падала. Ей вспомнились дни, когда Констанции хватало времени на совместные тренировки. Сколько бы приемов ни освоила Эрис, у нее ни разу не получилось спастись от этого маневра Стаци.

Она снова растянулась на земле, только теперь земля уже не повиновалась ее приказам. Чары Констанции оказались гораздо сильнее. Она стала делать пассы руками, и земля послушно вздыбилась в ритм этим движениям.

Эрис мысленно рассмеялась. До чего глупо сейчас думать о поединках со Стаци.

От дождя больно щипало раны, кристалл с жезла Виктории больно давил на плечо. Эрис заморгала, смахивая капли с ресниц. Над ней навис силуэт Виктории.

Сейчас на ее невозмутимом лице блестели слезы.

– Я тебя любила, – крикнула она. – Так, как только могла.

Констанция опустилась на колени и положила ладонь на грудь Эрис.

– Прошу тебя, выбери семью, а не его, – взмолилась она.

Эрис лишь улыбнулась перед лицом надвигающейся смерти.

– Я люблю вас, но и его тоже.

Рука Виктории, державшая жезл, даже не дрогнула.

– Одна жизнь в обмен на спасение многих. Если так суждено, что погибнуть должна моя сестра, пусть.

Констанция подняла руку.

– Виктория, стой...

Жезл засиял ярче, ветер завыл и хлынул в кристалл. Эрис вскрикнула, пытаясь совладать с силой, навалившейся на ее тело. Виктория подняла жезл. Ветер повторял движения ее руки. Сестра приготовилась вонзить оружие в шею Эрис.

Девушка крепко зажмурилась в ожидании боли, но тут на нее навалилась знакомая тяжесть, а потом раздался громогласный рык.

Жезл проткнул сердце Чудовища. Его кровь брызнула на Эрис.

Глава сороковая

Белый свет, пронзивший тело Чудовища, был таким ярким, что на миг Эрис показалось, что она ослепла. Она с яростью впиалась пальцами в землю, поднимая облако грязи и мелких камешков, чтобы те замедлили его падение.

Великан упал ей на колени и застыл. Когда глаза Эрис привыкли к свету, она увидела, что на земле расцветает жизнь. На поверхность вынырнули зеленые усики и лозы, начали виться вокруг нее, стремительно набирая силу и рост под дождем. В один миг расцвел густой ковер из роз, наградив землю вокруг множеством красок.

Свет стал угасать, а рана на груди – рубцеваться. Синевато-серая кожа порозовела. Лицо, прежде покрытое шрамами, стало точь-в-точь как у человека с портрета, длинные черные волосы рассыпались по земле. Рога отпали и обернулись пылью, в уголках глаз собралась вода. Эрис застыла при виде этого преобразования. Не составило труда догадаться, что же оно значит.

Он не дышал.

– Ты не можешь умереть, – прошептала Эрис, обхватив его грудь дрожащими руками. Она принялась тормозить его, чтобы он только проснулся. Травинки вынырнули из земли, ветви простерлись у них над головами. Водопады наполнились дождевой водой, а бездна под ними обернулась настоящим океаном. А он все не просыпался.

Пришло время для решающего стежка на ткани ее жизни. Она познала любовь, обрела цель, но едва успела вкусить ее сладость, прежде чем начался сущий кошмар.

Земля под Чудовищем размягчилась, превратилась в топкую грязь, а из нее вынырнули лозы и обвили его тело.

– Нет, не забирайте его! – вскрикнула Эрис, борясь с чарами, влекущими его вниз.

Магия Чудовища больше не жила в его теле. Темная армия взревела громче, наделенная отныне безграничной силой. Она ринулась вперед, накрыла мраком землю, заставила белое войско отступить. На горизонте вспыхнуло пламя, алой стеной заслонило то место, где прежде высились горы. Стражники срывали с себя доспехи на бегу и бросались прямо в огонь, лишь бы уйти от призрачной армии. Черный туман смешался с огнем, утратил очертания, рассыпался под дождем. Войско построилось заново, готовое дать отпор неприятелю.

Слезы Виктории сменились торжествующим выражением.

– Дело сделано, – объявила она. Ее жезл засиял, окружил их с Констанцией куполом, защищавшим от колкого града. Свет обволол высокие фигуры сестер.

Констанция убрала меч в ножны и протянула руку Эрис.

– Прошу тебя, пожалуйста, вернись, – сказала она. – Все кончено.

Взгляд Эрис остался безучастным. Она ничего вокруг не слышала, а исход битвы совсем ее не волновал. Ни раны, ни оледенелые капли дождя не причиняли боли. Он мертв – это все, что имело значение.

Тело Чудовища потихоньку тонуло в земле.

– Нет, нет, – твердила девушка. – Прошу, не забирайте его. – Она не сводила глаз с возлюбленного, стараясь запечатлеть в памяти его лицо, пока он совсем не пропал. Она дышала иступленно и часто, стараясь запомнить все. Их первый ужин. Гнев в его голосе, когда он впервые рассказал о братьях. Сны, которые она о нем видела. Сад, поля боя, обсерваторию. Крышу, звезды, окружавшие их.

– *Он связан с нами, к нам и вернется,* – прошептала земля.

– Нет! – Эрис свернулась клубочком и приникла к груди Чудовища. Она отогнала от себя все, что видела, слышала и чувствовала, и прильнула к возлюбленному, вжалась сердцем в его тело, передавая ему свой пульс. – Отныне я с тобой связана. Не забирайте его.

Она потянулась вниз, отыскивала корни его магии, пронзившие рыхлую землю, воду, каменистый пласт, уходящие все глубже, глубже, глубже, прямо в земную кору, в жерло вулкана, в огонь. Эрис уже как-то раз заглядывала в самое сердце магии, но *его* чары были совсем другими. Этот бескрайний океан был окружен темнотой, а его гладь

тревожил дождь, хотя никаких туч и в помине не было. Только и нужно было, что коснуться воды.

У зернышка есть источник.

Эрис нырнула в глубину.

Сердце охватило ликование. Вокруг завыл ветер, превратив ураганные тучи в туманность. Камни и осколки с поля боя поднялись в воздух.

Сквозь Эрис заструился бессмертный поток жизни. Ее слух наполнился миллионом голосов: она слышала, как травинки пробиваются сквозь землю, как жужжит знойный воздух, будто дневная мушка. Перед ней развернулся целый мир. Кожу согрело тепло сотен тысяч солдат, звезд, начертавших им путь, семей, которые они так любили, короля, которому служили.

В эпицентре магического урагана она разглядела и *его* – мальчика, который коснулся океана и повелевал штормом, короля, воевавшего

с теми, кого он любил, человека, который боялся гибели и достиг бессмертия.

А он увидел ее – несчастную девочку, чья жизнь была пустой, порывистой, бездумной, а потом обернулась огнем и расплавилась железную дамбу.

– Ты ураган, – сказала она, – беспощадный вихрь, яростный, точно молния и грозное небо. Ты непредсказуем, и, когда закрываю глаза, я слышу эхо твоего грома.

– А ты вулкан, – отвечал он, – и земля ревет и дрожит, повинуюсь тебе. Ты неукротима, и от твоих касаний у меня вскипает кровь.

Буря и пламя. Мы разрушим друг друга.

Но в нашем хаосе никому больше нет места.

Эрис раскинула руки, сливаясь с ним всем своим существом. Он был пропитан теплом и, казалось, сам удивлялся силе своих чувств.

– Я хотел умереть за тебя, – признался он.

– А я жива благодаря тебе.

Огонь, полыхавший на месте горного хребта, стал ослабевать. Темная армия продолжала биться с чарами Виктории и Констанции, она продвигалась все дальше, затаптывая пламя. Сестры, догадавшись, что задумала Эрис, двинулись к ней. В этом новом пространстве небывалой осознанности время замедлилось. Эрис слышала, как шуршат по траве подошвы Виктории, видела, как шевельнулся палец Констанции, прежде чем та выхватила меч.

– Надо закончить все это, – сказала девушка. – Любыми способами.

Сердце объяла холодная решимость. Когда его переполняла жажда мести, гнев угасила вовсе не магия. Не магия подарила ему улыбку, когда Эрис гладила его ладонь. И вовсе не благодаря магии она полюбила его в ту ночь.

Я всего этого не хочу, подумала Эрис. Мне нужен он один.

– Забирай, – крикнула она урагану. Одну ладонь она подняла к небу, а вторую положила на Чудовище. – Забирай все.

Ее тело было деревом. Его корни впитывали магию Чудовища, а потом она разливалась по ветвям и поднималась в небеса. Ураган закружил быстрее, время остановилось, капли дождя замерли, а потом превратились в лучи белого света. Свет заструился вверх, пронзил черноту над Эрис.

В самом центре туманности появилась ослепительная звезда. Ее жар опалил девушке кожу.

– Я уничтожаю эту магию, – крикнула Эрис в бездну. – И твою, и его. За это ты мне его вернешь.

Лучи света замерцали посреди черного тумана, из которого была соткана армия Чудовища. Призраки взревели, стали распадаться, а вскоре обернулись дымом и пылью.

Розы поползли вверх, схлестываясь и переплетаясь. Вскоре они приняли форму двух деревянных марионеток, напоминающих тех самых детей. Лица у них были невредимыми, без ожогов и повязок на глазах.

Веточки заскрипели, повелевая девочке-розе улыбнуться.

– *Ах ты эгоистичная девчонка!* – фыркнула она на ухо Эрис. – *Нарушаешь законы вселенной, чтобы спасти одного-единственного человека! Он ведь однажды умрет, да и ты. Не проще ли прямо сейчас расстаться с жизнью и упокоиться вместе с ним?*

– *Да ты просто завидуешь, потому что тебя так никто не любил,* – укорил ее мальчик.

– *Знаешь, когда у тебя не было дара всеведения, ты мне больше нравился. Надо попросить ее сестру снова тебя сжечь.*

– *Ты и впрямь хочешь тратить на это минуты нашего последнего разговора?* – с раздражением спросил он.

Девочка-роза запрыгала вокруг Эрис, заплясала, подергивая руками и ногами. Мальчик неуклюже заковылял за ней, ворча на ветер, который угрожал сбить его с ног. На Чудовище и Эрис лежала тень от грозовой туманности, а дети впитывали свет. Их сердца мерцали вместе со звездой.

Эрис дернула девочку за деревянную руку. Шипы кольнули ей кожу. Выступила кровь.

– Да, я эгоистка. И ради него с удовольствием уничтожу мир еще раз.

– *Вот это наглость!* – Девочка ткнула Эрис в грудь. – *За это я тебя и люблю.*

– *Неудивительно, что и наш король тебя полюбил,* – добавил мальчик.

– Простите, что не смогла вас спасти.

Мальчик едва заметно улыбнулся:

– *Не стоит извиняться. Нас создал он, и лучше всего нам теперь вернуться к корням материнского древа, чтобы потом возродиться.* – Он перевел взгляд на тело короля. – *Этот день настал, пусть мы и представляли его иначе.*

Розы, устлавшие землю, завяли – так же быстро, как расцвели, – почернели и осыпались. Ветер разметал их пепел, и тот слился с пылью и облаками.

– *Прощай, Эрис,* – сказали дети.

Девушку окружила черная стена. У замка столпились женщины, мужчины и ребяташки, их тела отбрасывали длинные тени под светом звезды. Все были одеты в золотые костюмы с черными перьями, увенчаны тонкими коронами, держали золотые регалии. Это были короли, предшественники Чудовища, те, чье наследие было изображено на каменных стенах замка. Их взгляды были пустыми, но все они были устремлены на Эрис.

Стены замка загремели.

– *Ты перерезала нить, которая нас всех объединяла,* – в один голос произнесли короли. – *Что ждет тебя в будущем, уничтожительница, раз ты стерла магию? Что ты почувствуешь, когда окажешься на берегу безмятежного моря, зная, что твой город медленно гибнет среди песков?*

Любовь, бесконечная любовь наполнила все тело Эрис. От наплыва чувств захотелось плакать. Ничего другого ей не было нужно.

– Больше никакой вины, никаких сожалений. Ни за что.

Послышался вздох, а потом замок превратился в россыпь звезд.

– *Это опасный путь*, – прошептал ей голос, прежде чем его разметал ветер. – *И да смягчит он еще раз тебе сердце.*

Снова зажегся свет. Посреди невесомой бездны остался только каменный островок. Эрис сидела на нем, обнимая тело возлюбленного.

От ее тени вдруг отделился голубой туман. Да, она ждала его.

На его лице лежала печать усталости, но стоило ему посмотреть на нее, и черты смягчились улыбкой, которую Эрис так хорошо знала.

– Прощай, отец, – произнесла она. – Обещаю, мы еще увидимся.

Не сказав ни слова, он превратился в лошадь и с пронзительным ржанием взрыл землю копытами. Во все стороны от него брызнули крупинки ярко-синей пыли, заискрились в воздухе. А потом он бросился в бездну, и они улетели за ним.

Сила бессмертия перестала поддерживать ее тело, и оно утратило невесомость. Крики сотен тысяч людей, пленников магии Чудовища, затихли. Земля вокруг начала осыпаться, а туманность со звездой – шириться. Тонкая зеленая струйка блеснула в самом центре вихря, превратилась в длинную нить, спустилась к телу Чудовища.

Воздух застыл. Дыхание Эрис отдавалось в ее ушах гулким эхом. Россыпь огненных звезд и комет закружила над ними.

– Гляди-ка, вот мы с тобой снова на троне, и перед нами весь мир, – шепнула она Чудовищу.

Последний клочок земли провалился под Эрис. Она крепко обняла возлюбленного, с бесконечной нежностью всмотрелась в его лицо, уже не обезображенное шрамами, провела рукой по коже – от подбородка ко лбу.

А когда Эрис рухнула в бездну, расширив глаза, на ее губах расцвела улыбка.

Интерлюдия. Плоть, что поет песнь смерти

Саулос плакал сильнее, а я дольше скорбел по брату. Может, поэтому и пишу эти строки, собирая остатки сил, чтобы оставить несколько слов на бумаге, пока снова не подступила тошнота. Саулос же молча продолжает работу.

Саулос оставил братоубийство позади, похоронил его за остекленевшими глазами и густой бородой и правил Кешигуумом так, будто королевский талант был дарован ему с рождения. Вот только все, что мы делали, хранило печать нашего лицемерия.

Каждое утро из зеркала на меня смотрело лицо брата. Мама всегда говорила, что мы очень похожи. Я постригся, начал тщательно бриться, чтобы меньше о нем вспоминать, а Саулос с каждым годом больше на него походил.

Ненавижу его.

«Время пожирает все» – так написано над изображением Аэру. Когда я был моложе, я был в восторге от этих слов, молился, что однажды забуду о содеянном. Вот только к моему преступлению время даже не притронулось.

Зато меня гложет Аэру.

Я все еще вижу, как ломаются его кости, как плавится плоть и в нее впиваются клейма. Во рту по-прежнему стоит вкус гари. Я помню, как в его глазах отразилось кроваво-красное солнце, какими они были зелеными. И как зрение застилала слезы...

Но перед глазами застыли и трупы моих друзей. Обмякшие рты, которые больше не дышат, открытые глаза, которые глядят в пустоту. Раны, в которых сперва пульсировала кровь, а потом перестала, липкие внутренности, которые вываливались у меня из рук, а я всё пытался втиснуть их на место.

Я озлобился и оставил его. Я решил все потерять.

Молю, Верховный священник, мой маг, услышь меня. Теперь ты знаешь тайны нашего города. Я переложил на тебя бремя своих

ошибок, хоть ты и не просил об этом. И все же ты его выдержишь, как и я, ведь иначе Кеигиуму придет конец. Мы построили этот город при помощи магии, и без нее он погибнет.

Наш брат еще вернется. Одиночество искалечит ему душу и разум. Многовековая ярость изуродует его, превратит в ту самую Тварь, о которой говорится в наших книгах. Он будет вынашивать план мести столько, сколько позволит бессмертие, а когда уверится в победе, нападет. Не знаю, утратит ли наше проклятие силу, когда нас не станет, не знаю, ждет ли его успех. Только тебе под силу спасти город от разрушения, не дать крови сотен тысяч кеигирианцев запятнать твое наследие. Мы зашли слишком далеко и больше не можем позволить себе ошибки.

Ниже оставлю координаты места, которое когда-то звал своим домом. Может, у тебя получится то, чего не смог я.

Прошу лишь о милосердии.

О боги, я так устал. Еще несколько слов, и пойду спать.

Боги отреклись от нас. Когда Аэру разрушила мир, они закрыли глаза навечно и бросили нас на произвол судьбы. В тот день они породили Безразличие, которое поработило нас, пока мир тонул и сгорал одновременно.

И это было правильно. Мы сами себе демоны. Но мы по-прежнему возносим молитвы, просим снисхождения, жаждем, чтобы они даровали нам прощение, когда не находим его в себе сами.

Я молюсь о том, чтобы Смерть, забрав меня, сумела разглядеть множеством своих глаз и добрые дела, которые я совершал, и смилостивилась надо мною.

Глава сорок первая

Виктория успела увидеть разве что вспышку магии там, где сгустилась туманность. Все произошло так быстро, что она даже не заметила, как под ногами начали осыпаться камни. Края дыры сомкнулись, сошлись в единую точку, и она с грохотом взорвалась, подняв комья земли и пыли. В грудь Виктории ударил ветер – так сильно, что выбил из легких весь воздух, а потом налетел с другой стороны, едва не разорвав ее на кусочки.

Констанция побежала вперед, выкрикивая имя Эрис, но Виктория поймала ее и оттащила в сторону. Земля продолжила осыпаться, и тела Эрис и Чудовища вместе с россыпью камней и земли полетели вниз. Виктория обняла сестру за пояс, чтобы увернуться.

– Нет! – кричала Стаци, пытаясь вырваться из сестринской хватки.

Виктория сконцентрировала все чары своего жезла на том, чтобы замедлить падение. Они летели куда быстрее, чем она ожидала. Она попыталась совладать с силами гравитации, но сил уже не осталось.

– Мне нужна твоя помощь! – крикнула Виктория сестре.

Констанция схватила жезл, и из него выпорхнул легкий ветерок, а потом подхватил сестер. Виктория приказала ему отнести их в самое сердце полей боя, но он не послушался. Сестры продолжили снижаться. Тогда Виктория нацелилась на ближайший край пропасти.

Их падение закончилось на грязном склоне холма. Сестры повалились с ног и упали на груду мертвых тел и белых доспехов. Переведя дух, Виктория снова махнула жезлом, взывая к падающим с неба камням. Те не размельчились и не осыпались в пыль по ее команде. Виктория стиснула зубы, думая, как же уберечься

от смертоносного града. Констанция рассекла мечом воздух. Камнепад чуть-чуть сместился – теперь каменные осколки летели напрямик в бездну.

Жезл Виктории подрагивал сам собой. Она выпустила его, и кристалл раскололся, а потом разлетелся сверкающей пылью. Лезвие меча Констанции потускнело, покрылось ржавчиной, а потом оружие разбилось, точно хрупкое стекло. Виктория попыталась призвать ветер, но чары, которые прежде давались так легко, оставили ее.

Ударная волна затушила пламя, океанские воды вернулись, с ревом наполнили ущелье. Рассвет окрасил небо нежно-голубым, точно и не было никогда этой искусственной ночи. Замок, взмывший в небеса, пропал. Осталась только топкая грязь, затянувшая Викторию по самые лодыжки.

Они победили. Тварь была повержена. Но Виктория, сгибая и разгибая пальцы, думала о том, что магия, которая прежде ей подчинялась, растворилась без остатка. Город снова столкнется с неурожайными годами, новоиспеченные фермеры опять разорятся. Только в этот раз Виктория проследит за тем, чтобы поля выжгли, и сделает упор на торговле, чтобы город кормила именно она. Будет править разумно, как всегда и хотела, а не делать дурацкие пассы руками в надежде, что с небес снизойдут чары и все исправят. Со времен королей каждый волшебник, лишенный хорошего наставника, больше и больше терял контроль над своими чарами, пока Виктория и Констанция сами во всем не разобрались. Вот только с королевской эпохи многое изменилось, и теперь город прекрасно справится и без магии. Надо только доказать совету, что другого пути нет...

Констанция вырвалась из рук Виктории, разжала пальцы, в которых уже не было меча. Перескочила через горы тел и поспешила к краю пропасти, а потом попыталась спуститься. Виктория успела поймать ее за руку. Стаци резко обернулась и вlepила ей пощечину. Ее лицо исказила ярость. Рыжие волосы развевались на ветру.

– Ее больше нет, – отчеканила Виктория, не обращая внимания на горящую от удара щеку.

Констанция оттолкнула ее и опустилась на мягкую землю.

– Надеюсь, когда мне понадобится помощь, тебя рядом не будет. Спасительница из тебя никудышная.

– Стаци...

– Не смей так меня называть.

– Я же не хотела, чтоб все так вышло. Я ее предупреждала...

– Ради королей, *закрой рот*. – Констанция сняла латные рукавицы и кинула на землю. – Надеюсь, оно того стоило. Тварь и так отняла у нас отца. А ты ведь и не подозревала, что она задумала!

Виктории захотелось приструнить Стаци, напомнить, что и та приложила руку к тому, что случилось.

– Не лги себе, – сказала она вместо этого. – Тварь жаждала отомстить своим братьям и добилась бы цели. Эрис вернулась сюда, чтобы ее предупредить. Дай мы ей время на подготовку, погибло бы куда больше солдат. Эрис не оставила мне выбора. – Виктория хотела было коснуться плеча сестры, но та отшатнулась. – Я пыталась ее защитить, – проговорила Виктория.

– Я ее обездвижила, ни к чему было ее убивать! – крикнула Констанция.

– Пришлось. Она стала рабыней. У нее уже не было шансов исправиться. Знаю, ты пыталась ей помочь, я и сама тебе это позволила, потому что тоже надеялась... – Она сделала несколько шагов вперед и заключила сестру в объятия. – Я любила ее. И не хотела, чтобы все так вышло.

– Нет... – Констанция сперва сопротивлялась, но вскоре просто уткнулась сестре в плечо и расплакалась.

– Мы одни с тобой остались, – сказала Виктория как можно мягче. – Пожалуйста... не будем ссориться.

– Я думала, мы ее защищаем, – сквозь рыдания прошептала Констанция. – Надо было ей рассказать.

– Нет, не стоило. У нас и без того трудностей было навалом.

Все сложилось бы иначе, знай Виктория, что у Эрис есть способности к магии. Если сама Эрис давно поняла это, то прекрасно скрывала. Констанция могла бы обучить ее азам, да и сама Виктория, возможно, позабыла бы о строгости. Вместо этого она убедила Эрис в том, что в Кешгиуме ей искать нечего, и та сошлась с Тварью.

Может, Констанция права. Это ее вина.

Стражи, оставшиеся в живых, держались от сестер поодаль, но Виктория заметила тревогу и нетерпение на их лицах. Они гадали,

закончилась ли битва. Виктория распрямилась и прочистила горло, а Констанция вытерла слезы.

– Что ты им скажешь? – спросила она. – Что ее околдовала Тварь?

Виктория закрыла глаза. Ей хотелось запомнить Эрис. Мир должен узнать, сколько потерь она перенесла: сперва отец, потом учитель, теперь сестра. Она многим пожертвовала ради Кешгиума, но город никогда не восполнит этой утраты.

Вот только если она поведаст правду об Эрис, сестру запомнят как злодейку, не лучше, чем Тварь, которой она служила. Ее проклянут в исторических хрониках, навеки запечатлят злой колдуньей в бронзе и на бумаге. Доброе имя Виктории, Констанции, Сиваса, Бахадуса, совета и всех, кто был связан с Эрис, тоже пострадает.

– Мы ничего не станем рассказывать, – отчеканила Виктория.

Констанция нахмурилась, казалось, она вот-вот снова расплчется, но сестра только смиренно закрыла глаза.

– Мы убили ту, что была с нами одной крови, совсем как короли в прошлом.

– Это нельзя сравнивать. – Даже на изуродованном лице Твари Виктория узнавала призрачные черты королей. Эрис точно совсем на них не походила. Виктории прятаться не придется. Она подтянула латные рукавицы, получше закрепила их ремешками. На руках не было ни единой раны. Шрамы не будут жечь ей кожу. Да и потом, лучше испачкать ладони в крови Эрис, чем оказаться виновной в гибели целого города.

Пожертвовать одним, чтобы спасти многих. Таков уж закон.

Вот только невозмутимость, которую Виктория оттачивала годами, не помогла сдержать слез. Они побежали по щекам, удивив и ее саму.

– Мне надо с ними поговорить, – сказала она, стирая слезы. – Без тебя я не справлюсь.

Констанция устало вздохнула.

– Я никогда тебя не брошу. Но с сегодняшнего дня я оставляю должность Второй. Хватит с меня битв. Я не смогу забыть того, что сегодня случилось.

– Я тоже.

Взгляд Констанции, по-прежнему затуманенный слезами, ожесточился.

– Это мы еще посмотрим.

Стражники и гвардейцы расступились перед Викторией. Она направилась к руинам горного хребта, поднялась на небольшой холм, на вершине раскинула руки и, возвышаясь над морем встревоженных лиц, начала речь, которую специально написала и выучила к сегодняшней победе.

– Народ Кешгиума! – звонко воскликнула она. – Мы готовились к этому дню целый год, и теперь я говорю вам: возрадуйтесь. Мы победили Тварь.

Солдаты взревели, заколотили себя в грудь. Земля задрожала от этого крика, он пронесся, точно волна, и эхом заскользил по останкам гор позади Виктории.

– Это не первая, а уже вторая победа в истории, – продолжила Виктория, когда рев стих. – Тварь нападала на нас тогда, когда мы оказывались уязвимей всего. Когда два короля унаследовали Кешгиум, Тварь, почуяв их слабость, воспользовалась их щедростью. Потом она залегла на дно на несколько столетий и по истечении неурожайных лет, когда многие фермеры вынуждены были покинуть свои дома, выставила против нас свою проклятую армию.

– В прошлом году короли удостоили нас затяжных дождей, точно предвидели грядущие несчастья... – *хотя за ливни стоит благодарить меня*, с горечью подумала Виктория, – но мы не успели окрепнуть, мы едва выстаивали среди бури житейских невзгод. Но вопреки уязвимости и всем страданиям мы сбросили ярмо, которое давило на нас, порвали поводья, беспощадно тянущие нас к гибели, объединились, восстали и одолели Тварь.

Солдаты затопали в унисон.

– Не стоит думать, что это конец. Где есть добро, всегда найдется место и для зла. Тварь еще вернется, и не надо сидеть сложа руки. Возможно, она воскреснет уже завтра или через десять лет, а может, мы на своем веку уже о ней не услышим. И все же стоит помнить: битва с силами тьмы будет длиться вечно. Мы должны оставаться бдительными и всегда стремиться к правде и благу.

Виктория машинально сжала пальцы, но в них уже не было жезла.

– Возносим молитвы возлюбленным нашим королям, Саулосу и Ананосу, которые направляют нас милосердно и вершат нашими руками божественное возмездие. Мы не забудем жертв тех, кто подверг себя опасности, выступив против могущественного врага. Мы не забудем невинных, безвременно лишенных жизни. – Виктория выдержала паузу, готовясь произнести то, что трогало ее до глубины души. – И никогда не забудем жертв, принесенных во имя нашего города.

– Приветствуем Верховную священницу Викторию! – крикнул кто-то в толпе.

– Виктория! – вторили стражники с каждым разом все громче и громче. Голоса слились, и вскоре слов было уже не различить, остался лишь ликующий хор, и его песнь разнеслась над руинами, в которые превратили неприятельские земли.

Победа не радовала Викторию. В сравнении с ее потерей она была ничтожна. И все же она позволила себе улыбнуться и бросила взгляд на сестру. Констанция тоже натянула улыбку. Улыбку, скрывавшую боль.

Обе скорбели по Эрис, а мир вокруг них торжествовал.

Эпилог

Звук напомнил ей шуршание шелка.

Ручеек негромко, но уверенно струился по сверкающим камням когда-то пересохшего ущелья и впадал в более мощный поток, который сбегал со скалы и с ревом – как водопады вокруг – обрушивался вниз. То тут, то там из-под воды выглядывали камни с отметинами, оставшимися от цепких корней. Справа и слева от одного из водопадов лежали пологие скалы – по ним легко было взобраться наверх.

Эрис приникла к скалистому выступу, пытаясь спрятаться. Ее платье и сорочка висели рядом и сушились на солнце. Ободранные костяшки защищало, когда она со вздохом опустила руки в ручей. Вода быстро смыла с кожи грязь.

Крупные костистые руки схватили ее за запястья, достали их из воды. Ее спутник повернул ее ладони вверх, осматривая кожу. Потом оторвал лоскут от своего плаща – теперь он был ему велик. Его движения были чересчур судорожными и неуклюжими. Он стал промакивать ей руки кусочком ткани и случайно ее выронил. Эрис поймала лоскут и вложила в его ладони.

– Никак не могу приноровиться, – со смехом пожаловался он. Голос у него уже не был таким грубым, как прежде, ведь грудная клетка уменьшилась, но ритмичный смех несколько не изменился.

В ответ Эрис ничего не сказала. Она думала о том, что, истребив магию, подписала приговор городу и всем его жителям. Ради того, чтобы его спасти.

Он вскинул бровь, коснулся ее подбородка.

– Все в порядке, – торопливо заверила Эрис, но его хмурый взгляд ясно дал понять, что он ей не поверил. Он хотел было что-то сказать,

но тут по ущелью разнеслось эхо звонкого женского голоса.

– *Народ Кешигума...*

Он поднял взгляд, узнав голос Виктории.

– Они живы!

Эрис судорожно выдохнула. Бремя незнания тут же испарилось с ее плеч. Когда он погиб, все ее мысли были о воскрешении, и, лишь когда они прояснились и Эрис сумела сделать так, что он пришел в себя, она всерьез встревожилась о сестрах. Она была рада, что они выжили, но к этому счастью примешивалась злость – ведь они ее предали – и печаль – ведь больше она их никогда не увидит.

– Надо отправить им весточку, – предложил он, прочитав на лице ее чувства. – Сообщить им, что ты жива. А я умер. Они будут рады с тобой увидеться.

Она уже один раз сообщала им, что жива, – казалось, что это было целую вечность назад. Тогда Констанция чуть не разрыдалась от радости у стены горящих роз. Наивное время. В ту пору Эрис думала, что может помешать войне пылкими словами, но ее ждало разочарование. И предательство. Все решения привели к этой точке. Больше она не подвергнет его опасности.

Покончить со всем, чтобы спасти одного.

– Нет. Лучше им не знать.

– Я никогда не желал тебе такой судьбы, – проговорил он.

Эрис подумала о его братьях, о том, что и себе он такой судьбы не желал.

– Знаю.

– Надо уходить, когда она договорит, – заметил он. – Воспользоваться хаосом.

– А куда мы пойдем?

Он улыбнулся.

– А я надеялся, что ты мне скажешь. Столько времени прошло. Должно быть, теперь мир играет по другим правилам.

Эрис ответила не сразу, обдумывая скрытый смысл его слов.

– погоди, ты клонишь к тому, что...

– Я ведь обещал, помнишь? Теперь мы свободны. – Он бросил взгляд на пропасть, зиявшую на месте черного замка и наполовину скрытую за дымкой, висящей над водопадами. – У меня здесь ничего не осталось.

Все души растворились в небе. Перья и розы, черный кирпич и звезды.

– Тогда в Тингар, там находятся все порты, – сказала Эрис, борясь с пустотой в груди. – Если доберемся до окраины города, можно найти торговый караван, который туда собирается.

– Наверняка они начнут искать выживших, пока еще не слишком много времени прошло, – предположил он. – Несложно будет попросить, чтобы нас подвезли. Найдем пару стеганок, сделаем вид, что мы пехотинцы.

– Гвардейцы, – поправила его Эрис. – А стражники – это солдаты.

Он шепотом повторил титулы.

– Я запомню. А командиры по-прежнему так называются?

– Да. Еще есть Второй, Верховный священник и совет.

Он постучал пальцем по подбородку и вдруг снял плащ. Напряг мышцы и разорвал его пополам. Одну половину он набросил Эрис на голову, ловко перевязал у шеи – получился настоящий капюшон.

– Спрячем тебя, пока не отойдем подальше, – пояснил он.

Эрис кивнула. Под плотным бархатом ее дыхание стало горячим.

– *Тварь еще вернется, и не надо сидеть сложа руки.*

Эрис напряженно приподняла плечи, слушая, как Виктория продолжает клеймить его имя и наследие. А он застыл неподвижно, стиснув зубы и направив рассеянный взгляд в бездну. А когда речь закончилась, земля сотряслась от...

Криков, молящих о милосердии несуществующего бога посреди белого поля боя. Голоса, стертые навечно. Никто никогда не вспомнит, что они сделали ради этой земли.

– Будь у меня больше времени, может, мы нашли бы иной путь, – наконец произнесла Эрис. – Прости меня.

Ее голос вернул его в настоящее. Он улыбнулся. В уголках глаз проступили морщинки.

– Глупости. Ты меня спасла.

– О тебе по-прежнему будут рассказывать всякую чушь. А магия, которую ты изучал столетиями, навеки исчезла.

Он опустился на колени и поцеловал ее в губы. Его грудь была теплой и мягкой, а еще Эрис наконец смогла обхватить целиком его гладкую спину. От него по-прежнему пахло дождем.

– Мы напишем свою историю, – пообещал он, сплетая свои руки с ее. – Ведь ты со мной.

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Сиваева*

Ответственный редактор *Мария Соболева*

Литературный редактор *Дарья Ращупкина*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Елизавета Краснова*

Художественный редактор *Татьяна Сырникова*

Корректоры *Татьяна Князева, Дарья Ращупкина*

В оформлении макета использованы изображения по лицензии [Shutterstock.com](https://www.shutterstock.com) ([VartB](#), [Yusup ahmad](#))

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru

notes

СНОСКИ

1

То есть очищать зерно от сора. *Здесь и далее прим. пер.*

2

Кирпич из глины и соломы.

Пенька – грубое и прочное волокно из конопли, используется для производства ткани, канатов, веревок.

4

Короткая накидка (нередко без рукавов) с разрезами по бокам. Часто украшена гербом владельца.

5

Часть доспехов, которая надевается на ноги и защищает спереди область от колен до щиколотки.